

БОДИШТЯНУ СНЕЖАНА

Старый Завет

Мудрость гиганта

Мальта

20 август 2022

Синописис:

Когда-то родился на свет гигант – дерево, которое существует и сегодня. Этот Мафусаил времени рассказывает истории животных и людей в период времени, который мы называем «Ветхим Заветом». Он рассуждает о мироустройстве, о планете и ее характере, переживает вместе с остальными обитателями земли катаклизмы и изменения климата, высказывает свое отношение к поведению людей, начиная от охотников-собирателей северной Европы, заканчивая Ольмеками.

Гиганту довелось родиться в горной долине Швеции, пережить потоп, попасть в Древний Египет,

переместиться в район Мексиканского залива к Ольмекам, чтобы потом снова вернуться в Северную Европу времен первых викингов.

Once upon a time, a giant tree was born, which still exists today. This Methuselah of Time tells the stories of animals and people that covers the period that we call the "Old Testament". It reflects on the world's order, the planet's character. It experiences cataclysms and climate changes together with the rest of the inhabitants of the earth, it expresses opinion about the behavior of people it had been witnessing, starting from the hunter-gatherers of Northern Europe, ending with the Olmecs. The Giant happened to be born in a mountain hollow in Sweden, survived the flood, got to Ancient Egypt, moved to the Gulf of Mexico to the Olmecs, and then returned to Northern Europe during the times of first Vikings.

Содержание:

1. Генезис - 3
2. Потоп - 10
3. Египет - 19
4. Моисей - 30
5. Исход - 36
6. Любовь - 40
7. Проклятие Египта - 49
8. Солнце - 54
9. Фараон Солнца - 59
10. Переселение - 63
11. Это люди - 69
12. Праздник - 74
13. Отросток - 82
14. Упадок - 87
15. Бессознательное - 91
16. Новый Свет - 98
17. Яйцеголовые -103
18. Второе солнце - 114
19. Мир отрицательных чисел - 122
20. Небытие - 133
21. Корни - 136

1. Генезис

Я помню, что мое появление было трудным и медленным: сквозь каменную темноту навстречу солнцу. Но и свет оказался холодным и неприветливым. Мне не повезло: я долго спал, медленно просыпался, а когда решил жить, то опоздал и был встречен кусающимся ветром и дождями. Осень моего рождения была пасмурной и злой. И я склонил голову перед недоброй стихией и стал ждать.

Первая зима помогла мне выжить. Она была щедрая, снежная. Утопив меня ливнем своих колючих слез, она заковала мое хрупкое тело в клетку из ледяной корки. Я слышал, как где-то надо мной несколько раз проходила смерть. Она дышала горячим паром, царапала когтями крышу моего укрытия. Смерть чувствовала, что я есть, но так и не смогла пробиться сквозь наст, чтобы растерзать мое такое еще слабое и нежное тело.

В эту зиму я понял, что существует страх.

Потом были первая весна и незабываемое лето. Тогда я смутно ощутил, что жизнь великолепна и должна продолжаться вечно, всегда, нескончаемо. Я упивался теплом и наполнял свое тело всеми соками и ароматами, что были вокруг. Я восхищался музыкой тишины. Пусть я еще почти ничего не видел, но я уже точно знал, что мир огромен и прекрасен. Я знал, что есть солнце, есть задорный ветер, есть тяжелые рыхлые тучи, изливающиеся

дождем, а не замерзшими каплями, есть легкие, быстрокрылые облака, парящие где-то у самого солнца.

Я понял: счастье – реальность, и оно существует только для живых.

Я решил сохранить себя во что бы то ни стало, чтобы остаться в этом мире и иметь возможность чувствовать, хотя бы иногда, что я живу. За весну и лето я вырос довольно сильно, но все же был не настолько большим, чтобы перестать бояться. Пока нет.

Следующая зима не была такой снежной и показала мне, что есть боль. Однажды смерть вернулась и содрала с меня всю кожу, оставив умирать на холодном ветру. И я плакал. Я истекал слезами и кровью, которые тут же замерзали на мне растрескивающейся коркой, причиняя еще большие страдания. От этой варварской пытки я измучился и впал в забытие.

Во сне мое сознание начали истязать образы весны, с ее нежными запахами, свежим дыханием и ласковыми руками цвета солнца. Я хотел жить, я жаждал снова видеть ее, весну. Я истерически мечтал о ней и о счастье. И они вернулись. За время моего сна, под обледеневшими болячками, вырос тонкий слой новой кожицы. Боль уменьшилась и спряталась в глубине моего тела комком обиды. Но я снова был готов двигаться и становиться крепче. Моя

вторая весна родилась капризной и плаксивой. Я не смог набрать всех необходимых мне сил. Я все еще был слаб и незащищен. Весну сменило хмурое и обиженное лето. Я еле-еле выживал, ощущая недостаток энергии и тоску по солнцу. Но именно тогда я научился видеть и понял, что живу не один, у меня есть соседи. А место моего рождения похоже на колыбель. Теперь я понял, что дом мой находится в узкой лощине, между высоких гор. Эти мощные горы практически полностью скрыты под щетиной огромных деревьев, а по склонам передвигаются самые разные живые существа, также желающие быть счастливыми и старающиеся сохранить себя здесь во что бы то ни стало.

Я рассматривал свою низину, следил за суетящимися по склонам живыми и быстрыми существами, но не пытался понять правила и смысл их движений, я просто впитывал в себя образы так же, как жадно вбирал в себя каждый солнечный лучик. Я не думал, я просто пил картинки, и каждый глоток нового впечатления удивлял, насыщал и радовал.

Мой дом был прекрасен. Небесная крыша всегда была украшена пышными облачными кронами, которые меняли цвета и переливались в зависимости от времени суток. Да, над моей головой всегда были облака, словно горы сами создавали эти пушистые комки, укрываясь ими от прямых солнечных ударов. Вечерами облака растягивались в легкий туман, который спускался ко мне на плечи, нежно убаюкивая и питая влагой.

Я поселился где-то у самых ног двух огромных и толстых гор, прямо в узкой расщелине, где лощина сужалась, чтобы за мной снова

распластаться в широкую долину. Горы были мощными, практически полностью скрытыми под растениями, только верхушки резко лысели, показывая миру свои каменные коричнево-серые зубы. А на самых макушках этих гор всегда сверкали на солнце ледяные нахлопки.

Я замороженно смотрел часами на переливы цвета и света, которыми искрился этот белоснежный, фиолетовый, синий, красный, желтый и иногда серый вечный снег.

Лощина между двух гор была покрыта зеленью, по самому центру ее шла выеденная водой извилистая канава. По этому стоку весна уносила таявшие снега вниз, куда-то за мою спину, там, где начинались огромные поля и луга, туда, где не было гор.

Но вдруг начались дожди, нескончаемые, холодные, закрывающие собой блеклое солнце. Потоки воды бились в мое слабое тело, скручивали и раздирали, так я снова вспомнил, что такое боль, и ушел от нее в сон.

Я не помню, какой была та зима, возможно, ее не было вовсе. Но проснулся я от удивительной жары, которой еще ни разу не чувствовал. Весна прошла мимо меня в тот год, я проспал ее волшебное появление, не успел вернуться из мира грез, чтобы поприветствовать эту нежную пору возвращающегося счастья. Я сразу попал в пекло лета.

Все уже успело устать от палящих лучей, от сбежавшего куда-то ветра. Вокруг были неподвижность и только одно общее желание – пить.

Тогда я понял, что любой может быть и другом, и врагом, добрым и злым, созидающим и разрушающим.

Я смотрел на солнце и понимал, что начинаю ненавидеть его так сильно, как когда-то мечтал о нем.

Но ничто не может длиться вечно. В одно утро, когда казалось, что нет больше сил страдать без воды, когда тело, измученное жаждой, готово было упасть на землю и разбиться на сухие кусочки, из совершенно чистого высокого неба полетел град. Он барабанил по земле до поздней ночи, а потом ушел так же внезапно, как начался. Слой замерзших капель таял, по склонам гор побежали ручейки, медленно стекая ко мне, в лощину. Пока я ждал прихода воды, в муках наблюдая, как неторопливо капельки складываются в струйки, ползут вниз, выбирая самые витиеватые дорожки. Ждать также мучительно, как терзаться от ран. Но я дождался. Этот глоток воды остался в моей памяти самым ценным и самым важным, это была моя спасительная амброзия, дарующая надежду на вечную жизнь.

Ожидание — это второе лицо боли.

Я стал еще выше, хотя рос медленнее, чем прошлым летом. Теперь я начал слышать. Тишина, которая убаюкивала меня все это время, оказалась иллюзией. С каждым миллиметром роста, мое тело наполнялось не только силой, но и звуками. Пело все. Я слышал

тихий шепот лесов на склонах гор, я тонул в грудных низких нотах подземных вод, я глохнул от гомона всего живого, что суетливо сновало вокруг. Я слышал, но не понимал.

Зима забыла прийти, поэтому это был год без снов. Я смотрел, слушал, рос, и даже не мучился больше от жажды. Дождей не было, с ними что-то случилось, но я каким-то образом чувствовал в себе воду, она была теперь все время рядом, и я мог достать ее.

Я учился наблюдать и слушать. Я становился все выше, и мои возможности обозревать окружающие пространства увеличивались каждый день. Я теперь знал, что в моей узкой, извилистой низине среди гор, есть еще несколько таких же, как и я. Пусть нас было немного, но зато некоторые были настоящими гигантами, колоссами, мастодонтами, великанами, которые сразу вызывали к себе искреннее уважение.

Я тоже хотел стать таким красивым, великим хозяином лощины. Я слушал, как они тихо говорят друг с другом, но понять или осознать подслушанное не мог. С другой стороны, я не слишком переживал собственную ограниченность сознания, я полностью был занят процессом личного развития. Мне хотелось быстрее стать большим и крепким, чтобы не рассматривать гордые очертания своих родственников снизу-вверх, а быть с ними наравне, если не выше.

Я перестал следить за сменой сезонов, летом я не страдал больше от жажды, а зимой не дрожал от холода и страха. Пусть я был еще совершенно мал в сравнении со своими братьями, но я был уже достаточно велик для пробегающих мимо суетливых животных. Я

позволил себе не бояться. Жизнь все больше очаровывала меня своей точно выверенной организацией, системой, взаимосвязями.

Все оказалось таким продуманным, что хотелось найти проблему, которая обязательно должна прятаться за внешним фасадом всеобщего благоденствия.

От благоденствия и спокойствия я стал подозрительным.

Я днями, месяцами, а, возможно, годами, наблюдал за цикличностью жизненного круга. Весна – зима: солнце, жизнь, свадьбы и рождения, созревание, смерть - и снова весна.

Задача показалась простой, даже примитивной:

чтобы тебя посещало счастье, нужно просто сохранять в себе жизнь как можно дольше, жить как можно медленнее.

Явный закон природы: чем больше и быстрее суетится живое существо, тем раньше оно добегают до финальной точки своего пути. Я стал как можно меньше и медленнее двигаться.

Однажды, в момент моего задумчивого созерцания окрестностей, произошло неожиданное. На меня упало наитие. Внезапно, без подготовки и основания, я начал понимать все звуки и все происходящее вокруг, и был поражен. Теперь привычный фон шумов, криков и шепота сложился из какофонии в музыку осмысленных значений. Я снова спрятался в забытие, как делал это раньше, скрываясь от резкой боли. Но заснуть не получилось.

Мне пришлось привыкать слушать.

- Хей, скоро ветра придут..., - прогудел над горами орел.

- Фьюить, прячясь, бандит летит, - защебетала серая птичка кому-то в траве.

- Шшш, как болит все, просто отваливается от тяжести, - глухо сам себе прошептал великан.

- Пить! – выдохнула бабочка, перескакивая с одной травинки на другую.

- Пить ей, посмотрите на нахалку! – заметила ей вслед ошестинившаяся шипами колючка.

- Дорогу, - где-то глубоко подо мной заурчал подземный ручей.

- Вода! Нас заливают, - запищали в норе мыши и начали быстро царапать землю лапками.

- Я больше не буду скакать по горам, словно горный баран, - огрызнулся на стаю волк.

- Кто же еще из нас догонит оленя? - спросила его раненная и уставшая волчица.

- Какой ужас, - подумал я.

- Почему ужас, друг мой? – тут же послышался шепот откуда-то сверху.

Только теперь я увидел, что все это время жил в тени огромнейшего, пожалуй, самого большого из всех исполинов великана. Я еле доходил ему до нижних ветвей.

- Как же вы слышите, что я думаю?

***- Все всегда слышат, что думают
другие: ты же отпускаешь свои думы
на ветер.***

Меня удивила тогда эта фраза. Действительно, куда улетают мои мысли? Может, именно мысли превращаются в облака? В тот день я научился контролировать свои думы.

Какой-то весной в лощине появились новые живые существа. Они были не суетливыми, но очень шумными. Пришли стаей, деловито обошли всех великанов, а потом начали их пытаться. Эти странные и злобные животные резали тела исполинов и из ран начала сочиться кровь. Эту кровь они собирали в миски. Меня трогать не стали, но я физически мучился, потому что сгорал от бессильного гнева и ярости. Я плакал от стонов и вздохов, кровоточащих моих

сородичей, я хотел тогда умереть, чтобы не знать и не видеть ничего больше.

***Тогда я понял, что есть жгучий гнев
от бессилия.***

В тот день на моем стволе появились лопнувшие от сострадания стигматы, я сам начал истекать слезами, только сок мой еще не был пунцово-красным, как у больших великанов, а был мутно-желтым, как испорченная глиной вода.

Уже к вечеру жестокие палачи собрали свои миски в круг и пустились в неистовый пляс у ног измученных исполинов. Потом они долго собирали сухой прошлогодний мусор с земли, аккуратно укладывая его в пирамидальную кучку, а потом... Потом они достали солнце. Тьма расступилась от них, лощина осветилась ярким дергающимся огнем, который дарил тепло тогда, когда само светило ушло на заслуженный за день отдых.

- Это люди, - устало прошептал мне мой сосед.

- Это люди, - повторили за ним исполины.

- Это люди, - с угрозой и страхом вторили им из темноты ночи все жители нашей мирной долины.

А странные животные все бесновались вокруг мисок с кровью и грелись у огня. К моему удовольствию, но и не меньшему удивлению, «это люди» начали мучить себя так же, как делали это днем с гигантами. Они укладывали одного на землю, удерживая

силой. Потом накаляли металлические шипы на костре, обмакивали их в собранную кровь и втыкали эти шипы друг другу в кожу. Крик был страшный. Они выли, визжали, но кололи себя этими шипами до потери сознания. Когда каждый получил свою порцию мучений, «это люди» улеглись на траве и со странным выражением счастья на лицах, уснули невинным сном. Как я хотел растоптать их в ту ночь! Но я не мог, я приучил себя двигаться так медленно, так осторожно, что это расстояние в два небольших листа, я преодолевал бы не одну ночь и даже не один день. «Это люди» были слишком шустры для меня, словно вредливые мыши, которые постоянно подгрызают мне корни.

Эта была первая ночь, когда я не спал. Я рассматривал этих удивительных существ, которые явно не понимали, в чем заключены главные законы жизни:

жить медленнее, жить для счастья.

За время своего короткого появления в нашей лощине они успели сделать так много странных и нелогичных вещей. «Это люди» имели какое-то свое, извращенное понимание смысле жизни вообще. Я так и не смог отгадать для чего вся эта стая проделала долгий путь в нашу колыбель гармонии. Зачем они с таким исступлением заставляли кровоточить огромные деревья? Отчего потом с еще большим энтузиазмом они истязали свои худосочные тела, на которых теперь нарывають волдыри пунцовыми точками? Почему они вмешиваются в порядок, управляя светом и теплом? Каково было предназначение этих животных, зачем они?

Утром, когда в положенный час из-за гор появилась солнечная улыбка, когда птицы хором затрезвонили гимн новому дню, дикая стая «это люди» проснулась, быстро собралась в дорогу и исчезла из лощины. С их уходом умиротворенность вернулась в наш дом, растаяло чувство напряженного ожидания беды.

- Какие искусственные, - подумал я, провожая взглядом уходящих людей.

- Да, - выдохнул мой огромный сосед.

- Почему они такие?

- От слабости, - сказал мой огромный собрат.

- От слабости?

- Конечно.

- Разве они слабы?

- Очень. Они слабы и боятся этого.

***Им кажется, что они слабее всех,
поэтому хотят власти. Им кажется,
что они имеют меньше, чем все,
поэтому страдают от жадности.***

- Почему не объяснить им, в чем счастье?

- Они еще не получили возможности понимать.
- Понимать? – повторил я.
- Да, понимать. Они пока только слышат и видят, но не понимают.
- А когда начинаешь понимать?
- Когда уяснишь для себя самые основные три правила жизни.
- А я уяснил?
- Уяснил, - выдохнул великан.
- Почему я понял, а они нет? – не унимался я, хотя чувствовал, что уже чересчур долго отвлекаю внимание своего соседа от созерцания гармонии.

Он выдержал долгую паузу, а потом сказал:

***- Им некогда, они торопятся
двигаться, но забывают жить.***

Пришло лето, кажется, это было последнее теплое лето до времени моего переселения. В то лето я обрел семью. Сначала я почувствовал, что меня выбрала в качестве своего хранителя небольшая серая птичка. Она днями суетливо копошилась в глубине моих крепнущих ветвей, чирикала, пела мне дифирамбы, какой я красивый и молодой, какой статный и сильный. Мне это нравилось, и я решил, что буду беречь эту хрупкую птичку. За ней пришли мыши. Они поначалу сильно меня тревожили. Я помнил,

что когда-то эти зубастые и суетливые звери подгрызали мне корни, не давая добраться до воды. Но теперь они изменили свои привычки: расселились между моих лап, устроив там норки, и начали вести себя уважительно и вежливо. Я понимал, что в любой момент могу скинуть с себя эту птичку и раздавить пищущих грызунов, защемив их корнями, но мне не хотелось этого делать.

С новыми, такими зависимыми от меня существами, мне уже не было одиноко.

***Вернее, только после их появления, я
понял, что до этого был одинок и
никому не нужен.***

Они объяснили мне, что есть одиночество. Теперь дни мои были целиком заняты охраной моей семьи. Я старательно оберегал птичку от ветров и дождей. Я усилием воли удерживал свои корни от сжатия, чтобы они не раздавили бегающих между ними мышей. Я был для них огромным домом, который они ценили и верили в его силу и защиту.

Когда у птички появились дети, я радовался так же, как радовалась она. Теперь я стал нянькой. Пока мамаша, не жалея себя, целыми днями искала еду для своих оголтелых и испуганных птенцов, я старательно удерживал последних от искушения свалиться вниз и

разбить головы. Пожалуй, я никогда в жизни еще не двигался так много и так быстро.

Мыши оказались гораздо спокойнее птенцов. Они расплодились, но дети вели себя лучше и тише крылатых непосед. Мышата не пищали, как сумасшедшие, не скакали без толку, они реже оставались одни без присмотра, чаще уходили вместе с родителями. Но странность любви открылась мне тогда: я любил птичку и ее раздражающих детей гораздо больше. Я любил их именно за то, что они заставляют меня переживать и нервничать, я любил их за собственный страх потерять этих глупых и беспомощных пташек. Я любил их за беспокойство, которое они мне доставляют, отрывая меня от вялотекущих мыслей, от созерцания и покоя. Тогда я понял, что люблю не птичек, а свои усилия, которые ради них делаю.

***Любовь – это твои движения ради
другого.***

А потом они все улетели. Я страдал, когда птичка пропела мне быстрое «пока» и исчезла вместе со своими оперившимися скандалистами.

Зимой я остался только с мышами. Они мирно сопели подо мной, а я старался не двигать корнями, чтобы не нарушать снежный

покров, который их греет. Эта зима была холоднее, чем все прочие. Вообще погода становилась злее. Об этом начали говорить гиганты, которые видели уже не одну сотню, а то и тысячу зим и лет.

2. Потоп

Да, зима была тяжелая. Если бы это была моя первая в жизни зима, то я не пережил бы ее. Мне кажется, что эту зиму не пережили многие из суетливых животных, которые не умеют засыпать, прячась под пушистым снегом. Я видел, как слабая, исхудавшая волчица уснула под большим камнем, и так и осталась спать, пока вовсе не исчезла под завалившим ее тело снегом. Я увидел ее останки только весной, когда их уносило потоками воды вниз по лощине. Мне самому было физически холодно, иногда до боли. Казалось, что вся кровь, все соки внутри замерзают, превращаясь в кристаллики льда, которые разрывают внутренности и все клеточки моего тела.

***Но боль не может продолжаться
вечно. К ней привыкаешь.***

Я устал. Устал и заснул. Просыпаться я начал не оттого, что стало тепло и солнечно, как это бывало раньше, а по привычке. Ветер больше не нес с собой резких снежных пощечин, но оставался холодным и сердитым. Небо сплошь затянуто вязким серым туманом, без просветов, без надежды на солнечный привет. Все вокруг казалось хмурым, истощенным и слабым. Снег уже начал таять, но это была не весна, а старая и раздраженная на все вокруг

осень. Пусть внутри я снова начал ощущать медленное течение оттаявшей жизни, но в общем мое состояние было полусонным и вовсе не радостным. Мои мышцы так и не вышли больше наружу, они остались там, подо мной, я даже не мог понять, где именно они лежали. Как ни шевелил я корнями, пытаюсь нащупать их маленькие тельца, но так и не смог догадаться, куда они исчезли. Я тешил себя надеждой, что в пору самого страшного холода они выскочили из-под моих корней и удрали куда-нибудь повыше в горы, поближе к солнцу.

Многие из исполинов молчали, возможно, они все еще спали крепким сном, а, может быть, замерзли, перестав хранить себя для счастья. Ближе к лету, которое отличалось теперь от весны тем, что на небе появились рваные дырки чистого пространства, в которые иногда воровато заглядывало солнце, в лощине снова появились люди.

Теперь и мне рассекли кору в нескольких местах. Но не все исполины могли кровоточить, как ни резали, ни кромсали их огромные тела. Собрав то небольшое, что удалось украсть у нас, люди принялись собирать костер. Они долго, почти до ночи не могли разжечь мокрые ветки, влажные листья, сырой мох. Потом начались танцы, а после бесноватого веселья, они принялись мучить друг друга раскаленными иглами.

- Что они делают? – спросил я своего соседа.

- Это сложно понять, я до сих пор не очень понимаю, зачем им это нужно, - сонно, устало отозвался мой собрат, которому я теперь был уже по пояс.

- Они отмечают свои долги, - откуда-то издали ответила мне старая сосна.

- Долги? Удивительное слово, - подумал я.

- Они носят на себе шкуры других животных, эти шкуры они специально переделывают под свое тело, это сложно и только немногие из них могут делать из чужой кожи одежду на людей.

- Ну и что?

- А им холодно всем, им всем нужна чужая кожа, иначе они погибнут.

- Ну и пусть погибнут, какой от них прок? – я снова вспомнил свой гнев и бессильную злость на этих животных.

- Пусть, - равнодушно вторила мне сосна.

- Те, кто умеет обрабатывать чужую кожу, в этой стае считаются почти великими, - заговорил мой сосед, - все остальные люди им служат и им подчиняются. Если ты выпросил для себя какую-либо одежду, то ты будешь за нее работать. Он даст тебе шкуру, чтобы закрыть ноги от снега, но за это он сделает на твоих ногах несмывающиеся метки, которые будут показывать всем, что ты – раб.

- Несмывающиеся? – повторил я.

- Да, наша кровь, которую они каждую весну приходят собирать, не смывается с их кожи никогда, сколько бы они ни стояли под дождями и ливнями. Это вечные метки, метки рабов.

- Все эти люди здесь – рабы?

- Нет, среди них всегда есть особые, которые управляют всей стаей. Они делают себе другие метки, узоры на коже. Эти существа используют свое тело, чтобы на нем обозначать свой рост и вес в стае.

- Как горные козлы меряются силой рогами?

- И так тоже...

Я подумал, что у суетливых и короткоживущих существ очень странные правила жизни. Они не только не успевают жить в счастье, но еще тратят время на сравнение рогов, хвостов, копыт, наколок на коже...

- Если кто-то взял кожу для ног, ему ставят клеймо на ногах, кто-то взял шкуру для тела, поэтому ему метят тело, а кто-то получает наколки на руках, - кричал сверху орел, который еще не понял, что я уже ушел мыслями далеко от «это люди».

- Но среди них есть те же, что были прошлой весной, - подумал я.

- Значит, они либо испортили данные им шкуры, либо взяли что-то еще, - прошелестел мой сосед.

- А те, которые довольные, пришли получать знаки достоинства. Им ставят метки власти, - кричал сверху орел, накручивая круги над лощиной.

- Как же они освобождаются от долга? А как получают власть и зачем она?

- Какая разница, - устало прошептал мой сосед и замолчал. Он замолчал, а мне хотелось говорить. Я наблюдал за этими кричащими от боли людьми, которые теперь казались мне жалкими и несчастными, и мне хотелось знать о них больше.

- Жалко их, - подумал я и начал ждать, вдруг кто-то согласится ответить мне. Но никто не ответил на мой призыв к общению. Орел резким виражом спикировал вниз, и я потерял его из вида.

Люди улеглись вокруг огня и затихли. Но заснули не все. Один из меченых нашей кровью, встал, отошел от стаи и, сев на корточки под одним из исполинов, горько заплакал. Он весь был изранен иглами, на нем было так много отметин, что он должен был быть укутан шкурами и кожами животных с головы до ног. Но он был практически голым. Его слезы тронули меня до самых корней, я даже наклонился немного, чтобы дать ему укрытие от холода и ветра, но он был слишком далеко.

Наутро стая людей ушла, забрав с собой вырезанную из нас кровь.

- Что они делают с ней? – подумал я.

- Красят шкуры, - тут же ответил мне орел, который с самой зари снова кружил над нами.

- Какие несчастные, - снова подумал я.
- Среди них есть слабый, совсем слабый, больной, - проклекотал он.
- Который? – спросил я, но уже знал ответ.
- Тот, что не спал.
- Как же они отдают долги?
- Охотой, - сказал тут же он, а я поблагодарил его за говорливость, - они убивают других и друг друга, также как мы...
- Кто мы? – возмутился я.
- Мы, - усмехнулся орел, - и ты тоже.
- Неправда, - рассержено сказал я.
- Правда, - спокойно повторила птица, - ты убил тех мышей, которых я ждал всю зиму.
- Не может быть, - ужаснулся я.
- Может, ты сжал корни, а потом съел из них все соки, чтобы самому выжить в мороз.

Мне стало страшно, одиноко и больно. Это не могло быть правдой, такой правды не бывает. Комок обиды набух во мне, лопнул, фонтанируя горькой жижей, и залил все внутренности моего тела.

А птица продолжала спокойно парить над лощиной. Ей не было дела до моих страданий и мук.

- Не переживай, - прошептал мой сосед, - это бывает. Так все устроено. Но мы гораздо счастливее, чем те, кто вынужден суетиться, охотиться и зависеть от других.

- Как люди?

- Как люди...

- Как они отдают долги?

- Работой, они работают на кого-то одного из стаи, а он их наказывает или защищает, как у всех суетливых животных.

- Но другие животные не имеют долгов и не мучают друг друга иглами.

- Другие сильнее, у других есть свои шкуры, свои когти. А эти слабые, им нужно выживать, используя хитрость и смекалку.

- А можно тому, который не спал, отдать его долги?

- Вряд ли, - грустно сказал мой друг, - для этого он сам должен стать сильным.

- Ну и пусть станет!

- Люди берегут свои знания друг от друга, это их власть. Главный из них держит свои умения в тайне и дарит только своему потомству.

- Почему этот не избранный?

- Не знаю, - хмуро ответил великан и замолчал.

- Что тебе до них, - спросил меня молодой клен, - они ушли до следующей весны.

Лето было холодным и мокрым. Дни проходили мимо хмурой чередой. Мое настроение было таким же пасмурным, как все вокруг. Меня очень взволновали странные животные, которые так искусственно, неестественно живут в мире всеобщего единения. Я с тщательным усердием наблюдал за остальными суетливыми обитателями лощины, пытаюсь найти в их привычках хоть что-то похожее на поведение людей. Но я не видел никаких аналогий. Горные козы не мучили друг друга долгами и не служили друг другу. Орлы не убивали орлов, а олени не плакали. Мыши не разводили огонь, а волки не носили на себе чужую кожу. Я не понимал, почему люди, созданные от земли и в землю уходящие, так разительно отличались от всех нас.

Этим летом ни одна птичка не выбрала меня своим домом. Я остро чувствовал свое одиночество и ненужность. Я думал о людях, переживал о птичке, которая не вернулась в лощину, беспокоился о ее птенцах, которые забыли дорогу домой, я нервничал, и от этого во мне все бурлило и множилось. Я рос и рос быстро.

Снова пришла зима, суровая и ветреная. Снова мое тело стало лопаться от замерзающей в ледышки крови. Снова я уползал в недра дремоты. Снова я вспоминал полуголого плачущего человека. Конечно, им нужны шкуры, чтобы спастись от такого

зверского мороза. Им нужен огонь, чтобы согреть и беречь слабые худые тела. Конечно, им нужны слезы, чтобы оплакивать свою тяжелую участь. Природа не планировала давать им шанс на выживание.

Тогда я понял, что другой стороной любви может быть жалость.

Погода в лощине становилась все хуже и хуже. Весной, несмотря на вернувшееся солнце, белые шапки гор не таяли, ручьи не текли вниз ко мне. Вечный снег гордо блестел на вершинах и лежал грязными комками у наших ног.

Но люди все равно пришли. Они ковыряли до иступления кору исполинов, они просидели возле нас два дня, дрожа от холода и дежуря у огня, но остались недовольны собранным урожаем, ушли, даже не потанцевав на прощанье. Среди них был и тот, который плакал. Он был еще слабее, все таким же полуголым, все таким же страдающим. Его понукали, а он молчал и терпел.

Стало холодно, постоянно, навсегда. Да, тогда мне казалось, что это навсегда. Эту часть своей жизни я помню, как дурман, который окутывал мои мысли, расплываясь узорами инея, когда нет ни начала, ни четкой картинки. Весной произошло страшное.

Однажды я увидел того, который плакал. Он бежал по лощине, стараясь спрятаться между нами. За ним следовали еще двое, но лучше укрытых шкурами. Они шли не торопясь, словно зная, что убежать несчастному некуда. Потом один из них вытянул вперед

руки с выгнутой дугой палкой, резко дернул одной рукой и выпустил вперед себя длинную заточенную веточку. Она просвистела над жухлой заиндевелою травой, разрезая воздух, и впилась в плечо убежавшему.

Он упал, взвыл, но не сдался. И с такой злостью сломал торчащую из него ветку, что испугал этим своих преследователей. Они постояли немного, наблюдая, как он продолжал ползти, а потом повернулись и ушли прочь.

Тот, который плакал, полз вверх, помогая себе тем резакон, которым он обычно истязал наши тела. Он вбивал его в лед, а потом подтягивался на здоровой руке, стремясь выше и выше. Возможно, с той стороны горы была еще одна колыбель гармонии, но ни я, ни он этого так и не узнали. Наступила ночь, я не мог уже видеть, что делает тот, который плакал. А наутро его тело уже неподвижно лежало на склоне равнодушной скалы.

Я быстро забыл о нем. Мне было не до раздумий о «не сумевшем сберечь себя для счастья».

В нашу лощину влетели ураганные ветры, которые вырывали с корнями деревья, сокрушая самых старых исполинов. Мне было страшно и трудно. Но эти разбойники быстро оставили нашу тихую колыбель и унеслись дальше.

За ними вернулись снегопады, я им обрадовался, но зря. Да, они укрепляли мои корни, давая возможность противостоять взбесившимся метелям. Но снегопады и метели не давали покоя и отнимали много сил. Я не спал в ту зиму, я боролся, боролся так,

как никогда еще. Мне показалось, что замерз даже подземный родник, выющийся тонкой ниточкой между корнями. Капризы погоды совсем отвлекли меня от дум о счастье.

Однажды, когда день выдался не таким вьюжным, я увидел, что тело того, который плакал, покрылось хрустальной почти прозрачной коркой льда. Он был похож на увязшую в смоле муху. Тогда я понял, что сам могу стать такой же обледеленой безжизненной массой, поэтому еще сильнее и иступленнее начал бороться за право остаться в живых. Каждый раз, когда силы уже оставляли мое холодное тело, я смотрел на ледяную усыпальницу того, который когда-то плакал, смотрел, и страх смерти пробуждал во мне истерические приступы жить.

Но даже в ту ветреную, щедрую на снег зиму, выдавались дни, которые я старался сохранить, записать в своих кольцах памяти навсегда.

Я уже знал, что красивые воспоминания – это поддержка в трудные минуты.

В один из дней снег хлопьями и почти вертикально падал вниз, укрывая ослепительным белым ковром долину. От белого одеяла вся наша лощина начала трепетно искриться в лучах пусть слабого, но выглядывающего из-за туч солнца.

Я помню эту игру теней и света на снежных волнах склонов, на лапах укутанных мохнатой ватой исполинов, на скрытых под снегом елях и соснах, даже на ровных пустых плато. Но главное, я помню чудо: почти у самой верхушки одной из гор, там, где летом прыгают и спорят козлы, вдруг появился еле-заметный, крохотный, хрупкий, но слепяще яркий цветочек. Он был даже без листиков, практически без стебля, он был один. Его любопытная головка еле поднималась над снежным саваном. Я заметил этот стойкий цветочек, потому что он был отражением солнца. Его белые лепестки обрамляли ярко-оранжевую сердцевину, как белые лучи обрамляют улыбающийся лик самого светила.

Я зачарованно смотрел на этот шедевр мироздания, который вдруг напомнил о весне, о жизни и о ее простой, на первый взгляд, но такой глубокой, непознаваемой красоте. Эту красоту невозможно понять, описать или просчитать, ее можно только впитать в себя и в ней раствориться.

Но к вечеру цветочек был ласково укрыт пушистыми снежинками, а еще через пару дней снег осел и превратился в непробиваемый наст. Зачем был этот нежный символ жизни? Для чего он расцвел и появился, так и не успев оставить потомство?

- Он был, чтобы ты о нем помнил,

- шепнул мне мой сосед. И я легко качнул кроной в знак благодарности и согласия.

Весной резкие порывы ветра снова сменились ураганами. Они ворвались в нашу тихую низину с воем и рычанием. Вдоль всей лощины носились вихри холодного воздуха, которые не давали возможности никому ни расти, ни двигаться. Они с такой силой набрасывались на деревья, что многие из них сгибались, лопались надвое, ломались со скипом и скрежетом. Сломанные ветки и оторванные куски стволов катались по земле игрушками в лапах озверевших ветров. Так сломалась старая сосна, так сломался один из исполинов на склоне горы, так умер молодой клен. Мой сосед только вздыхал, наблюдая за переменами в нашей колыбели гармонии, вздыхал и тихо шептал:

- То-то еще будет.... Слушай землю...

И я слушал, но не понял. Она гудела вся, ровно, тихо, без знаков и предупреждений. Я не услышал ничего о том, что еще будет.

Я держался. По большому счету, я целиком обязан моему соседу в том, что я остался жить для счастья! Все самые сильные порывы и удары ураганов обрушивались сначала на него, он был буфером, уменьшавшим скорость бьющего меня ветра.

***Я даже начал надеяться, что так и
буду жить, прячась за его мощной
спиной от невзгод, пережидая непогоду
и мечтая о счастье.***

Я почти перестал расти, чтобы не высовываться. Ураганы безумствовали в лощине, словно запертые в клетке дикие звери. Они носились от одного склона к другому, закручиваясь в вихри, сталкиваясь друг с другом, обругивая себя и всех вокруг, но не могли найти выход. И однажды они соединились в один огромный смерч.

Он вырос столбом до самого неба, вырос и завис. Это было красиво, но очень страшно. В момент рождения этого величайшего из всех ураганов, в лощине стало так тихо, как когда-то, пока я не мог слышать. Все живое замерло от восхищения и настоящего ужаса. Смерч постоял в центре нашей извивающейся между гор низины, покачался, а потом резкими рывками принялся подкидывать в небо все, к чему прикасался. Он расшвыривал кусты, деревья, оленей, коз в разные стороны, словно раздражающий, надоевший мусор. Он выкорчевывал массивных исполинов, будто это были мелкие занозы на коже планеты. Одним из таких исполинов он запустил в меня. Я видел, как огромный остов великого собрата летел со свистом в мою сторону, видел, но не мог сдвинуться от парализовавшего меня страха.

Исполин врезался мне в грудь, отлетел в сторону и укатился куда-то вниз. Удар был сокрушительным, меня почти вывернуло из земли. Я едва держался. Те корни, что потеряли землю и оказались наверху, обожгло до волдырей. Снова я вспомнил, что есть боль. Я плакал. Плакал долго, беспомощно.

Ночью смерч исчез и в лощину пришел теплый и долгий дождь. Это была удача. Вода смачивала корни, которые уродливо торчали, не

давая им засохнуть. К утру я почувствовал, что кто-то снизу медленно, плавно окольцовывает мне ноги.

- Кто это? Что это? – воскликнул я в ужасе.

- Не бойся, - услышал я шепот своего соседа, - это я.

Это он, мой гигантский друг сумел за ночь добраться до моих корней, чтобы помочь мне вернуться в привычное положение, вверх к солнцу. Он с усилием тащил мои корни вниз, приподнимая мое тело все дальше от земли, все ближе к небу. Но он не успел.

Дождь не только не прекратился, он набирал силу, переливаясь в сплошной бурлящий поток. Со всех сторон вода неслась беснующимися реками, пенилась и разбухала, как огромный гриб-дождевик. Я никогда еще не видел такого наводнения: ни весной, ни в самое дождливое лето. Это был потоп, мировой, очищающий. Вода поднялась почти до уровня сосен, она целиком съела всю землю в низине, а мы с моим гигантским собратом стояли прямо на ее пути.

- Прощай, мой сын, - только успел выдохнуть мой сосед. Меня легко и резко вывернуло из почвы, перевернуло, словно щепку, и окутало мягким и непроницаемым мраком. Тогда я ослеп. Я мог только слышать. Но я не слышал ничего, кроме урчания, бурления и шипения внутри взбудораженного потока. Я перестал понимать. Сплошной хаос был вокруг меня. Всесильная река волокла меня куда-то, била, крутила, переворачивала, но я уже не боялся, во мне родилось равнодушие.

Тогда я понял, что равнодушие может быть другой стороной усталости.

Равнодушие – это не врожденная черта, а приобретаемое качество, это – защита от многочисленных удивлений.

Только истерзанный может стать равнодушным.

Я не могу сказать, сколько времени крутила меня восставшая река. Но однажды все закончилось: я понял, что ко мне вернулось зрение, меня больше не бросало из стороны в сторону. Наступило почти забытое спокойствие. Я был счастлив до слез.

Надо мной, в совершенно чистом, наивном небе, висело обожаемое, такое невероятно красивое солнце. Вокруг меня танцевал теплый задорный ветер. Мимо меня летали в панике и страхе птицы.

Именно птицы подсказали мне, что радоваться я начал рано. Подо мной раскачивалось и грозно гудело море. Оно издавало такой низкий, гортанный рев, от которого все мое тело начало вибрировать мелкой дрожью. Гул медленно полз вверх из самой глубины моря. Он даже не полз, а дребезжал, образуя нервную рябь, пугая птиц. Бедные птахи беспорядочно кружились над водой, оралы во все горло, хлопали крыльями так громко и неистово, словно это могло остановить то чудовище, которое

решило выбраться из темноты вод наружу. Вокруг меня плавало много других, таких же, как я, спасшихся и ждущих счастья. Но были и те, кто сдался, и теперь их пустые, размокшие, словно кисель, тела болтались на поверхности, вызывая отвращение.

В тот миг я понял, что жить и сохранять себя для счастья важно, потому что смерть уродлива.

Пока море гудело и готовилось к тому, чтобы выпустить из себя монстра, которое оно родило, мои мысли переключились на собственную боль. Боль разъедала мою кору и вгрызалась в самые мягкие и такие важные для моей жизни ткани. Моя боль оказалась солью. Солью, которая впивалась своими липкими и едкими кристалликами, высасывая из меня всю ту воду, которую я успел сохранить. Солнце предательски объединилось с моим новым мучителем и помогало ему выщипывать из меня последние соки капля за каплей. Я утонул в клоаке обжигающей пытки, сжался и уже готовился уйти из этого мира боли. Но вода подо мной вдруг вспухла, словно надутый пузырь, подняла меня к солнцу и кричащим птицам и внезапно лопнула. Лопнула и утащила меня в огромную воронку. Снова меня завертело и понесло куда-то. Я не видел, не слышал, не понимал. Я устал.

Когда я вернулся из забытья, вода плавно качала меня на своей огромной спине, гул исчез, а птицы... Птицы были мертвы, все мертвы. Их тела нелепо дрейфовали на поверхности, раскинув крылья, открыв клювы, вытаращив глупые и пустые глаза. В воздухе

стоял странный новый вкус, вкус резко - пахнущего, но съедобного газа. И я начал дышать, чтобы насытиться.

Как долго я плыл, я не знаю. Помню одно: когда волна выплюнула меня на чужой солнечный берег, на мне были огромные язвы, выеденные солью, у меня совсем не осталось здоровых и сильных корней, я облысел и потерял всякую волю к жизни.

Ничто не бывает вечным.

После небольшого отдыха, я начал усиленно тянуться к воде. Я слышал, что совсем недалеко подо мной привычно и ласково журчит подземный источник. Мне хватило бы даже одного глотка, чтобы вернуть себе былую мощь и упругость. И я начал работать. Вся кровь и все соки, которые еще были спрятаны в моей сердцевине, я направил вниз, к ногам. Теперь мне оставалось только надеяться, что хотя бы один из моих изуродованных корешков сможет впиться в этот чужой и горячий песок, и дотянуться до смеющегося подземного ручейка. Силы мои были на пределе, поэтому я не мог чувствовать, что делают мои корни. В тот момент тело мое было словно разделено на части, не сообщающиеся друг с другом. Я снова впал в дремоту, а потом в ночь.

Как удар молнии, меня пронзили первые сладкие и прохладные капли воды, которые ворвались в мое высушенное тело. Медленно растекались они по всем клеткам и тканям, которые сразу начали неистово болеть и ныть. Во мне заново разворачивались, расправлялись ссохшиеся клеточки тела. Но я готов был терпеть.

Есть боль, которую принимаешь как подарок.

Я пил. Пил долго, до исступления, пока не разбух от собственной жадности. Пил днем и ночью, утром и вечером, боясь, что вода снова исчезнет и останется только солнце. Тогда я научился быть запасливым и вооруженным. И я был прав.

3. Египет

Мне почти понравилось лежать на мягком и теплом песке. Если бы я пробыл там немного дольше, то уверен, что сумел бы восстановить силы, укрепиться корнями и встать. Но этого не случилось.

На новом месте все было не так, как в моей родной колыбели. Здесь ничего не менялось, поэтому не было возможности отличить один день от другого. Здесь всегда было высокое небо, всегда полетному грело солнце, всегда дул легкий и теплый ветерок, всегда довольно урчало море. Здесь было скучно.

Вокруг меня росли убогие и, в основном, колючие недоростки, которые испуганно шептались между собой, обсуждая мои размеры и высмеивая мою громоздкость.

Суетливые животные были змееподобными и скользкими. Одна такая змея с когтистыми лапками даже попыталась поселиться в одной из моих язв, но я тут же показал всем, что со мной шутки плохи и утопил незваную гостью в густом соке.

Я запомнил только один день. Солнце, которое исправно колесило над песчаным и полупустым берегом, вдруг затуманилось, поблекло, а потом и вовсе отвернулось, показав всем свою темную, матовую спину. День стал почти ночью, небо налилось мраком, а вокруг светила сиял оранжевый ореол улыбки.

И я понял: это – игра. Так играют суетливые мышки, полуслепые волчата, когда пытаются прятаться друг от друга. Но кто будет искать солнце? Кто играет с ним? Пока я все это обдумывал, солнце взяло себя в руки, снова стало серьезным и медленно повернуло свое ясное лицо к нам, ожидающим счастья. Оно вернулось и как ни в чем не бывало зашагало вновь по чистейшему небу. Но земля не одобрила такой игры. Она загудела, заныла так, как я уже слышал, и я понял, что нужно готовиться.

Когда пришел ветер, я узнал его. Это был тот же ураган, который разрушил все в моей лощине. Он пришел, как воин, который не терпит сопротивления и не берет пленных. Он поднял в воздух клубы песка и уволок меня вместе с собой. В этот раз я был благодарен этому суровому ветру за такое переселение. Он довольно бережно перенес меня на новое место и поставил возле широкой и мутной реки. Поставил, прошумел по растущим вдоль берега тростнику и камышам, провел крылом по траве и отправился восвояси.

Мне снова пришлось приживаться и пускать корни. Теперь это было гораздо легче: ураган поставил меня почти вертикально, поэтому мои корни сразу вцепились в грунт и поползли. Я укрепился и перестал бояться, что упаду.

Вода оказалась довольно глубоко, несмотря на то, что сама река была в нескольких деревьях от меня. Животворящая жидкость оказалась очень неприятной на вкус: в ней было так много солей и металлов, что сначала меня почти выворачивало от каждого глотка. Даже кора моя из золотисто-коричневой стала противно-желтой, больной, выцветшей. Но это можно было пережить. Со временем я даже полюбил этот новый дом: на берегу огромной реки жизнь кипела и цвела.

Новое место было ласковым и гостеприимным. Суетливые звери здесь были веселыми и сытыми: уже знакомые мне мыши и другие похожие на них зверьки с любопытством обегали вокруг, но подходить боялись. Здесь летали самые прекрасные и избалованные бабочки. Здесь трудились пчелы, намного больше по размеру, чем труженицы из горной долины. Здесь жили и «это люди», но они казались гораздо счастливее, здоровее и красивее тех, которые приходили к нам в низину.

Стоит ли говорить, что мое внезапное появление сразу же было замечено. Меня увидели и мною восхитились все. Но особенный восторг я вызвал у людей. Они отнеслись ко мне со всем уважением, которое я заслуживал. Вокруг меня сутками водили хороводы, пели песни и исполняли немислимые танцы. Меня поливали, укрепляли мои корни, замазывали раны на теле, украшали лентами и цветами.

Мне нравилось такое внимание, это было впервые. Я очень быстро вошел в роль и привык к такой заботе и восхищению. Кажется, я снова вспомнил, что нужно расти. Но люди – существа суетливые,

нетактичные и надоедливые. Они мешали мне уйти в себя, чтобы работать над ростом и развитием. Люди ежедневно появлялись у моих корней с поклонами и ленточками, громко шумели и все время трогали меня своими маленькими пятипалыми лапками.

Они сами не развиваются внутри, умудряясь мешать другим.

Вскоре мне надоели беготня и крики снующих вокруг людей. Я рассердился, и одна из болячек на заживающей язве лопнула. По коже моей потекла кровь. Она поползла змейкой к земле, медленно, незаметно. Но люди увидели. Увидели и удивились. Тогда я определил для себя, что эти животные, независимо от их сытости и счастья, от доброй или злой природы вокруг, остаются жестокими к тем, кого считают слабее.

Внутренняя слабость – гнилой червь жестокости.

Вид моей темно-красной смолы напомнил им о крови, но вместо того, чтобы залечить мою рану или оставить меня отдыхать, они решили опустить меня на свой примитивный уровень. Люди посчитали, что цвет моей смолы означает мое требование жертвоприношений...

У теплой реки, под моими огромными ожившими корнями, они устроили место пыток. Нет, пытали теперь не меня: ежедневно, с особой медлительностью, они закалывали птиц или скот,

потрошили несчастные тушки. Они с необъяснимым восторгом поливали мне ноги этой чужой кровью, словно я нуждался в таких трапезах. Они вырывали из убитых зверей сердца, почки и печень, потрясая ими в воздухе, показывая их солнцу, небу и земле, будто те могли возрадоваться, наблюдая, как глупо и жестоко люди расправляются с их детьми.

Люди даже не ели этих зверей и птиц, они просто убивали и потрошили. Эти растерзанные на части тела животных люди аккуратно укладывали между моих корней и довольные удалялись в свой муравейник. Сколько я ни слушал, сколько ни пытался понять смысл этого варварства, но так и не понял. Тогда я подумал, что возможно, это я – тот, у которого нет понимания. Может быть, «это люди» поняли мир и знают все его законы и тайны? Кто я такой, чтобы судить или порицать чьи-либо действия?

Тогда я понял, что чем примитивнее существо, тем быстрее оно берет на себя право осуждать. Оно уверено, что есть только одна правда.

Такие кровавые пляски продолжались долго, так долго, что я перестал думать о росте и развитии. Я решил подождать, пока мои поклонники вымрут, так как век им отведен быстрый почти, как мышам. Несмотря на странности поведения двуногих людей, которые берегли меня, но убивали невинных животных, я привык к ним. Я даже научился отстраняться от их криков, постоянных

звуков, которые они всегда издают, словно боятся тишины. Я выработал в себе умение блокировать их шум и слушать только землю и реку.

Моя новая жизнь оказалась бурной. Во-первых, ко мне сразу пришли за защитой. Я принял к себе семью маленьких и шустрых сусликов. На моей верхушке устроились большие и тяжелые птицы, похожие на того орла, который обидел меня в лощине. Но это были не орлы, это были птицы с лысыми, как у меня, головами. Да, после переселения, я потерял свою мощную зеленую крону, направляя все силы на восстановление сил в корнях и в стволе. Днем облезлые пернатые сидели и спорили о жизни, а ближе к вечеру, с уходом людей, доедали останки растерзанных жертв.

Я был им искренне благодарен, потому что люди забывали или не знали, что разлагающиеся тела принесенных мне жертв, душат меня смердящим запахом и привлекают к моим корням червей и личинок, которые не прочь прогрызть дыры и в моей плоти, а не только в дохлых останках куриц.

По всему моему телу днем шныряли муравьи, которые выискивали на мне паразитов, которых, кстати, здесь оказалось неприлично много, а ночью вся эта армия пряталась подо мной в подземном доме. Под ногами у меня постоянно кто-то ползал, подворовывая воду и вычищая корни. Я никогда не видел, кем был этот скромный и застенчивый друг, но слышал его постоянное бормотание:

- Сейчас, сейчас уберу, сейчас все будет правильно...

Что будет правильно, и кто решил, что так правильно, я не знал, но я находился в согласии с этим таинственным борцом за порядок.

В этом краю, до самого горизонта, я не увидел ни одного такого же гиганта, как я. Здесь не было ни одного моего сородича. Это открытие не привело меня в уныние, но удивило. Казалось бы, что именно здесь, в тепле и радости, должны были произрастать великие исполины, а не в глухой лощине, где снега сменяли дожди и ураганы. Самой высокой из всех деревьев вокруг была кривая и растолстевшая пальма. Да, она считала себя большой и важной, пока не встретила меня. Как я полюбил себя тогда!

Я понял, что любовь к самому себе – это тоже причина расти.

Когда ты любишь себя, то сам превращаешься в солнце, которое согревает и радует, но внутри, в сердце, отдельно от остального мира. Я стал самодостаточным и снова начал расти. Во время моего задумчивого отдохновения, наблюдения за быстрой сменой жизнью вокруг, я часто раздумывал о людях.

Они упорно, сменяя друг друга, приходили ко мне, приносили и убивали животных, что-то говорили, о чем-то просили, плакали и пели, но ни разу не казались мне удовлетворенными тем, что просто живут.

Поколениями люди сохраняли в себе умение и учили своих детей не быть довольными.

Размышляя о людях, я не мог понять тех убогих и замерзающих в горах мучеников. Почему они страдали и терпели лишения, проживая и без того короткую и трудную жизнь в условиях плохо пригодных для их жизни? Почему они не ушли в эти края, где сама природа щедро дарит счастье каждому?

Местные «это люди», снующие мимо меня к берегу реки и обратно, не нуждались в чужих шкурах, не требовали от меня алой смолы, не истязали себя. Они украшены цветами и яркими материями, они сверкали металлами и камнями, они были добры и ласковы ко мне, но оставались такими же жестокими ко всему другому. Даже в мире света и тепла «это люди» находили способ не быть счастливыми.

Особенно ласковыми из стаи «это люди» были те, что менее высокие, более украшенные цветами и ожерельями, и всегда длинноволосые. Они так грациозно носили на головах плетеные корзины, так нежно гладили мою кору и жалели мои заживающие раны, так искусно вплетали себе в волосы цветы опунций и гибискуса, что почки начинали набухать на кончиках самых тонких веточек моей кроны.

Я часами любовался как эти, похожие на горных оленей, создания собирали тростник вдоль реки, укладывая его в огромные корзины.

Еще интереснее было следить за процессом умывания их цветных одежд в водах мутной реки. Но все когда-то заканчивается, так однажды снова закрыл передо мной двери мой уютный рай.

В любом раю иногда открывают ворота в ад.

Да, тогда я понял, что вечной гармонии не бывает. Нет бесконечного счастья, когда вокруг несчастья.

В тот день я рассеяно смотрел, как хрупкие люди стайкой выстроились вдоль воды со своими корзинами. Они аккуратно полоскали разноцветные тряпки в воде, натирали их песком, снова полоскали и выкручивали. Солнце медленно шло по небу, ветер лениво пробегал между зарослей травы и тростника, в воздухе были мир и благодать.

Длинноволосые хрупкие люди все возились у воды, смеялись, некоторые пели. Я услышал, что река изменилась: привычный, мягко шелестящий шум бегущей по песчаному дну воды превратился в сиплое глухое урчание...

В воде двигалось что-то большое и тяжелое. А люди продолжали шлепать тряпками по воде, брызгая друг на друга, хохоча и радуясь. Внезапно из грязной воды вырвалась пасть огромного и безобразного животного, молниеносно схватила одного из поющих «это люди» и утащила под воду. Все случилось так неожиданно, что я даже не успел рассмотреть чудовище и не смог понять, кого именно не стало среди поющих. Тут же поднялся дикий крик и

плач, счастье лопнуло и исчезло, на берегу остались только страх и отчаяние.

А река спокойно продолжала нести свои мутные воды мимо, нисколько не сочувствуя и не жалея горестно стонающих людей. Из криков и плача я понял, что та, которую утащили, была любимой, была молодой и имела три малолетних отростка.

И снова мне стало жалко этих нелепых и незащищенных животных. Даже в этих идеальных для выживания условиях, «это люди» были не приспособлены к самозащите. Они и здесь не имели главного: природа не подарила им способов самосохранения.

Правильно сказал когда-то мне мой огромный сосед: у людей не было понимания природы.

Всю ночь по реке плавали деревянные корыта и плетеные коробочки с людьми. Они упорно искали исчезнувшую любимую. Они не слышали, что тот монстр, который забрал с собой их соплеменницу, уже давно пообедал и ушел, тихо урча, далеко вниз по течению. Но люди удивили меня своим упорством. Я подумал, что, несмотря на отсутствие чувства самосохранения и приспособленности к выживанию, они иногда могут побеждать за счет своего упрямства. Всю ночь они не давали спать никому в округе. Всю ночь по моим ногам текла кровь невинных зверей, которых дарили мне, заливаясь слезами, двуногие страдальцы.

Всю ночь вдоль реки жгли костры, шумели и забрасывали камнями воду. Всю ночь, без усталости. Утром люди ушли.

Я облегченно вздохнул, обрадовавшись, что трагедия людей принесла мне тишину и покой хотя бы на время.

После того случая к моему берегу долго никто не приходил. Мы даже стали забывать, что люди вообще были. Суслики развели подо мной настоящий многодетный табор. К ним добавилось семейство колючих и очень едко пахнущих ежей. Огромные птицы, красовавшиеся на моих ветвях, были изгнаны облюбовавшей меня пятнистой кошкой. Днями она лежала, растянув свое бархатное тело вдоль моих рук, вылизывая себя и меня, и мурлыча. Ночью она уходила, оставляя меня спать в покое и тишине.

Несколько смен лунного лица я прожил в единении с собой и окружающими меня соседями. Мы не скучали и не вспоминали о людях, так как двуногие существа не казались нам частью нашего мира.

Люди были лишними.

Но однажды ночью река, которая никогда мне не нравилась, совершенно без предупреждения набухла и разлилась по всей долине. Она добралась до меня, правда не смогла закрыть даже основание моих корней. Мутная и пахнущая вода затопила собой пойму и простояла так несколько дней. Я только потом узнал, что нам повезло: наша долина оказалась широкой и плоской, а, главное, с уклоном. Река текла издали, сверху, текла сильным

потоком, набирая по дороге силы и сметая на своем пути все и всех. Только в нашей равнине она расплылась огромной медленной лужей, застряла и почти остановилась.

Простояв несколько дней под палящими лучами солнца, вода зацвела, превратилась в болото, начала издавать совершенно омерзительный запах. Над водой расплодились мухи и осы. Все суетливые разумные животные и птицы ушли, уползли и улетели, а я остался стоять один среди этой зловонной зеленой жижи. Одно радовало: вода очистила мои корни от засохших корок, шкур и прочих гниющих останков существ, принесенных мне в жертву.

Уже не в первый раз в жизни я понял, что нужно просто ждать.

Все меняется, главное уметь ждать.

И я ждал. Солнце честно выходило каждый день освещать этот неверный мир. Оно светило, грело и наконец выпарило всю воду вокруг. Река уменьшилась, ушла в свое русло, стала мельче и грязнее. У меня под ногами оставался зеленый налет склизкой тины с красными прожилками. Солнце очень быстро иссушило ветвящиеся щупальца водорослей, и я с удовольствием эти сухарики съел.

Река долго оставалась мелкой, мне кажется, не один год. Были моменты, когда она почти вовсе исчезала. Земля вдоль берега трескалась, шелушилась. Но я был уже вооружен, такие невзгоды меня не пугали. Мои корни крепко держали воду подо мной, я

твердо стоял на ногах, я слышал, видел и понимал. Я знал, что сохраняю себя для счастья, и этим знанием я упивался.

Наверное, прошло много времени с тех пор, как я видел людей. В тот раз, когда я оказался свидетелем их трагедии, они все были очень похожи друг на друга.

Те, что пришли сюда вновь, были уже другими. Они появились после засухи, когда русло реки заново наполнилось водами, по дну привычно зашелестел песок, начал давать новые ростки береговой тростник и стали возвращаться животные.

Люди пришли, осмотрели берег и вбили в землю длинную палку. Одни из них были красиво и вычурно одеты и украшены металлом и камнями, другие же - почти голыми. Плохо одетые возились с веревками, досками: тянули и таскали их на своих спинах. Люди использовали одинаковые предметы для разных целей. Подчас я искренне удивлялся их богатой фантазии и выдумке: льняную бечевку они использовали в качестве угломера, мастерски отмеряя прямые углы с помощью обычной веревки с узелками. Хотя я и без помощи веревки могу измерить все сразу и на глаз.

Природа обделила людей умением быть точными без подручных средств.

Босоногие рабы с помощью привязанного к веревке камня, определяли вертикальность стены. С помощью наполненной водой рыбьего пузыря они устанавливали горизонтальные балки, а

используя простое коровье молоко, шлифовали и лакировали желтые глыбы известняка – и к ним переставала прилипать грязь.

Блестевшие украшениями люди были выше и здоровее, они днями просиживали в моей тени, покрикивая на работающих рабов, которых нещадно обжигало солнце, оставляя на плечах и спинах гниющие волдыри и болячки. «Это люди» напомнили мне пчелиный рой с трутнями. Но я сочувствовал как разодетым «трутням», так и рабочим «пчелам».

День за днем рабочие строили и, наконец, выстроили самую затейливую из всех ульев, какие я когда-либо видел. Это было укрытие от жары и дождя. Оно возвышалось над землей, имело несколько уровней, горело на солнце самоцветами и даже имело систему подземных ходов.

Ровные камни были искусно уложены рядами, создавали колонны, арки. Камни люди украсили вырезанными и раскрашенными рисунками зверей, птиц, растений. Посреди двора они вырыли огромную яму, выложили изнутри разноцветными плитами, а потом долго таскали в нее воду из реки.

Те, которые нежнее, легче и слабее, много дней подряд фильтровали мутную речную воду через многослойные тканевые полотна, прежде чем вылить ее в яму. Это было очень трудным и долгим делом, и совершенно бесполезным. Нет, у людей не было понимания. Они думали, что, очищая воду от песка и мусора, они очищают воду от грязи и примесей. Но это не так. Если бы они спросили у меня, то я бы сказал, что даже прозрачная на глаз вода

в яме осталась такой же противной и едкой на вкус, какой была и в реке. Но меня не спросили.

Полуголые люди украсили не только дом, но и землю вокруг, посадив рядами цветы и кустарники. Они обнесли меня блестящей клеткой, по стенам которой стекала вода, а рядом установили кружевное плетеное кресло.

Фонтан был совершенно лишним. Мне не нужно было постоянное жужжание воды, поэтому через некоторое время я пережал трубочку, которая приносила воду, и остался за золотой оградой в тишине. В этом красивом доме поселилось много людей, но главных было двое. Один был самый изукрашенный и самый гордый. И была его любимая, длинноволосая и капризная. Она была любимой, но была его отроstrom, а не подругой. Все остальные, живущие в доме, были их пчелами, но одни были свободными и ходили разодетыми и сытыми, а другие – пленными – были голодными и почти голыми.

У этих людей было разное право на жизнь, и я вспомнил того, который плакал. Его жизнь закончилась у меня на глазах, на склонах снежной горы, далеко-далеко отсюда. Но момент его жизни, который я успел проследить, был грустным и несчастным. Тогда я мог понять причину несчастий: снег, холод, голод, пытки раскаленными иглами..., тогда мог, а сейчас - нет. Я снова заметил, что «это люди» в большинстве своем не бывают счастливыми и следят, чтобы никто из сородичей тоже счастливым не был.

В природе людей один из видов страха – разрешить другому быть счастливым.

Самый главный из людей в доме не был счастлив. Он боялся, и боялся многого. У него было столько причин для переживаний, что я искренне ему соболезновал. Этому человеку приходилось бояться смерти..., что мне понятно. Он боялся потерять власть, что тоже обоснованно. Но он боялся грозы, голода, измены, унижения, обмана, снов, рабов, животных, перемен, воды, песка, он боялся всего, он боялся жизни.

Он хотел жить, но боялся ее составляющих.

Его любимая тоже многого боялась, но меньше об этом думала. Я немного устал наблюдать за их страхами и суетой и погрузился в созерцание мира вокруг. Я слышал, как вниз по течению стремится и торопится желтая вода и, наконец, врывается в соленые воды моря и начинает с ними бороться. Эти два сока земли извечно спорят друг с другом. Они воюют, смешиваясь и разделяясь снова, пытаясь сохранить собственную чистоту крови, но не бывает в этой войне ни победителя, ни побежденного. Ничто и никто не может охранить себя от смешения с другими формами и видами жизни.

Сама планета против любой чистоты форм.

В верхнем течении реки суетятся люди. Они живут большими стаями, плодятся весь год, без сезона. Они строят огромные дома, и живут в них, словно муравьи или термиты. Эти существа коллективного разума, как они могут иметь понимание?

Понимание – это особенность индивидуального характера.

Еще выше по течению - тишина. Оттуда слышен только шелест и скрежет. Там часто дуют ветры, там почти нет больших животных, там редко барабанит дождь.

В стороне от реки шипит отвоевавшее себе право на существование болото. Оно большое, в нем много разных хищников и еще больше мелких жертв. Это болото иногда соединяется с рекой, когда та вырастает в размерах от ливней. В те моменты, когда болото получает выход к реке, по дну и среди тростника начинают ползать ужасные и тяжелые гады, которые могут выжидать свою добычу часами, сутками.

Но когда болото высыхает, все эти ползающие и плавающие зубастые хищники прячутся в норах, которые успевают вырыть на самом дне зеленой заводи, и там засыпают так сильно, что я перестаю слышать их дыхание. Эти хищники умеют умирать и возрождаться по своему желанию.

Но сейчас они не спят. Сейчас их много, и они нежатся в цветущей воде, греясь на солнце, прячась в тени трав и кустов, тихо урча от счастья жить.

Моя хвастливая рысь ушла охотиться подальше от людей. Иногда она пробегает ночью мимо, чтобы сказать привет, но надолго не задерживается. Мой таинственный чистюля ушел почти сразу, как только люди перестали поливать мои ноги кровью. Но его место занял целый выводок сов. Они тихо ухают у меня под корнями, в тех туннелях, которые вырыл подо мной неизвестный санитар, а ночью выбираются на поверхность и улетают куда-то в сторону людей.

- Куда вы летаете? – однажды спросил я сову.

- Туда, - многозначительно ухнула она в ответ.

- Я вижу, что туда, - удивился я ее глупости, - но там люди.

- Ну и что? – удивилась она моей непонятливости, - там много мышей и крыс.

- Почему?

- Люди выращивают зерна, а мыши их едят.

- Понятно...

- Люди бросают мусор и остатки еды на улицах, и крысы плодятся...

- Неразумно...

- Люди испражняются, где живут, а ...

- Хватит, - рассердился я и пожалел, что вообще начал с ней разговаривать.

Она ухнула и забралась под землю, там она потопталась подо мной, клюнула меня в корень и только после этого успокоилась и заснула. Противная птица, злобная.

Как-то утром я увидел, что по дороге от места проживания большинства людей к дому знатного хозяина шел человек. Шел быстро, волоча за собой за длинные волосы свою любимую. Когда он подошел к воротам, его остановили блестящие металлом стражи. Любимая, упав на пыльную землю, уже не двигалась и больше не кричала. Стражники человека не пропустили, а любимую ногами откатали подальше от ворот.

Я впервые видел, чтобы люди так вели себя со своими любимыми, поэтому стал внимательно следить за происходящим. Человек, притаившийся к воротам длинноволосую любимую, был одет под стать страже: блестящий и изукрашенный, поэтому охранники не прогнали его, а долго что-то объясняли, уговаривали; в дом, однако, не пустили. Тогда он повернулся и быстро ушел, оставив любимую валяться в пыли на дороге.

Она застонала от боли, но стражи не посмотрели в ее сторону. Тогда она поползла к реке, там долго сидела у воды, тихонько стеная и проклиная свою судьбу, а уже совсем ночью, едва держась на ногах, отправилась обратно в сторону своего жилища. Я слышал каждый ее неровный шаг, я даже мог ощущать ее всхлипывающее дыхание, но, когда она вошла внутрь своего дома, я перестал слышать.

Утром я увидел в небе коршуна. Он мне не нравился: он жил не охотой, как всякая достойная птица, а поедая червей и слизняков

вокруг болота. Но я позвал его. Позвал и попросил узнать о той, что ушла ночью отсюда.

Я ждал его весь день, но вместо него приползла скользкая, холодная змея.

- Я уззналлла, шшшто ты проссссил...

Мне было трудно, но я терпел это шипение и мерзкое скользкое прикосновение. И я понял, что по природе своей очень любопытен. А змея, свернувшись на моих ногах, шипела до самого утра, неторопливо, сонно, противно.

И нашипела она мне странную историю. Я понял, что люди делятся на мужей и жен, как самцы и самки. Такое мне понять сложно: я ведь сам себе могу быть и тем, и другим. Но так природой устроено для суетливых животных, так им положено.

Та женщина была женой того, что тащил ее за волосы. Ее муж был важным среди людей и имел тех, кто служил ему - рабов и членов своей семьи. Это я знал. Но я не знал, что у людей нельзя смешиваться важным с полуголыми рабами.

Жена важного мужа тоже не поняла, почему нельзя получать пыльцу от такого же, как она, человека, но раба, и сделала это. И понесла плод от этого. Муж узнал обо всем, когда она принесла ребенка. Она прятала младенца в доме, но однажды тот закричал. Он кричал громко, и важный самец услышал. Он добился от любимой правды и разозлился так сильно, что схватил горящий уголь и запихнул орущему младенцу в рот. Жена вырвала ребенка

и побежала с ним прочь к тому, от которого был этот отросток. Но муж догнал ее, запер с ребенком в доме, а сам пошел и убил раба, так как имел право убить его. Вернувшись, избил женщину и потащил ее к самому важному человеку в стае, то есть к тому, что живет возле меня.

Оказывается, у людей право убивать имеет свои границы. Важный человек убил раба, но без разрешения самого важного из важных он не мог убить свою любимую. Стража непустила его к самому важному из важных, тогда сердитый самец бросил свою любимую и ушел к себе. Когда она вернулась, он снова ее избил и прогнал прочь вместе с чужеродным плодом. Теперь она прячется у полуголых людей, которые ее пожалели. Но с ребенком, брошенная, она никому из людей не нужна. Теперь она омывает слезами вечное дитя и взывает к небу о защите и помощи.

Мне пришлось поблагодарить змею за рассказ, потерпеть ее присутствие до утра, а потом проводить это кривоползущее существо вежливым покачиванием веток.

Люди не только забывают жить для счастья, но и создают такие правила, которые не дают быть свободными.

Почти сразу после этой печальной истории с женщиной, родившей плод от пыльцы не предписанного ей самца, началась жара. Воздух стал сухим и пыльным. Если бы не яма в саду, заботливо

наполненная всегда до краев длинноволосыми женщинами, дышать днем было бы невозможно.

Мои редкие недавно появившиеся листья пожухли, стали засыхать и опадать. Капризная любимая хозяйина дома каждый день подходила к искусственному пруду в саду, но каждый раз громко возмущалась, что вода отвратительно теплая и ужасно затхлая. Я ее понимал. В один из таких жарких дней она собрала своих рабынь в стаю и отправилась к реке. Там вода была не такой теплой, как в яме. Они пробыли у реки почти весь день. Обратно все вернулись довольные и впервые - на мгновение - счастливые. Теперь главная любимая уходила на реку с самого утра. Она почти поселилась на берегу.

И однажды она нашла в воде корзину с ребенком. В этот день в доме был страшный крик и плач. И тогда я понял, что у людей чаще всего побеждает любимая, но не силой, а плачем. Важный человек разрешил оставить найденку в доме, на радость своей капризной и бездетной дочери.

Теперь вокруг меня, в тени моей негустой, но кроны, няньки часто выгуливали младенца. Я наблюдал, но особого интереса не испытывал. Честно сказать, я все чаще скучал по гармонии далекой горной долины, где весны сменялись зимами, а солнечные дни чередовались с дождями. Мне хотелось вернуться к другим гигантам, к орлу, который караулил порядок, кружась над вершинами, мне хотелось узнать, жив ли мой сосед, который назвал меня сыном, я желал показать всем, каким огромным и

великим стал, мне хотелось домой в музыкальную тишину понимания.

Пока я был погружен в тоску и воспоминания, ребенок у людей вырос и стал одного роста с остальными. Я не заметил, как воспитывали этого нового человека, но этот повзрослевший ребенок благодарным не был. Он часто грубо отвечал хозяйке дома, которая так плакала когда-то, добиваясь разрешения оставить младенца в доме. Он бил и ругал рабов, как одетых, так и голых. Он обижал няnek и сдерживался только в разговоре с главным. Он был двулик, косноязычен и вспыльчив.

4. Моисей

Человек, которого нашли в корзине, был одним из самых слабых и жадных. Он не нравился мне не только оттого, что метал в меня ножи, стрелы и дротики, но и потому, что был труслив, а поэтому груб со слабыми. Он очень любил себя, считал, что ему дали в жизни меньше, чем он заслуживал, всегда был обижен и постоянно раздражен. Жизнь людей открылась мне таким смыслом:

***никто из них не равен: часть людей
была вынуждена страдать с первого
дня жизни, а другие делали все, чтобы
эти страдания не прекращались.***

Я мог обозревать всю огромную пойму реки. Мне хорошо было видно, как полуголых людей водили муравьиными шеренгами другие люди. С самого раннего утра эти живые цепочки бродили по долине. Одни строили, другие таскали песок и камни. Люди были такими же умелыми строителями, как термиты. За то небольшое время, что я пребывал в раздумье, они успели выстроить столько самых разных домов, зданий и памятников, что я был поражен. Количество людей в долине увеличилось во много раз. То ли они успели так расплодиться, то ли это новые собраты пришли к ним из других земель, но теперь вокруг дома и вдоль реки суетились толпы по-разному одетых мужей, жен и их отростков.

Только те люди, которые жили в доме у реки, никуда по утрам не ходили.

Длинноволосые жены были заняты уборкой и украшением жилища. Мужики проводили дни в праздном блаженстве. В этот дом часто приходили и приплывали в коробках по реке другие люди.

Гости жаждали видеть и говорить с самым главным, но не всем удавалось этого добиться. Только тот, которого нашли в корзине, не хотел ни говорить с хозяином, ни прогуливаться по комнатам. Он, словно ураган в лощине, метался целыми днями по саду, бормотал ругательства и взывал к кому-то о свободе.

О какой свободе и для кого он просил, я понять не мог, так как с вершины моей кроны мне представлялось, что именно этот истеричный и неблагодарный человек был одним из самых свободных. С кем он говорил я понять не смог, потому что в небе

не было ни птицы, способной отвечать ему, ни животного в округе, способного услышать его.

И я молчал, так как разговаривать с ним не желал.

Он иногда уходил в другие места, возвращаясь оттуда с новыми запахами и с плохими мыслями. Я заметил, что чаще всего он убегал из дому, когда главный человек был достаточно свободен, чтобы говорить с теми, кто живет рядом с ним. Но тот, которого нашли в корзине, избегал таких встреч.

Однажды, уже после полуденного солнца в доме наступила тишина, гостей не пускали, а сам хозяин вышел ко мне, чтобы подремать в тени. Именно в этот момент тот, которого нашли, ушел прочь. Он быстро шагнул по пыльной дороге подальше от своего жилища.

Навстречу ему шла шеренга полуголых людей, которых сопровождали блестящие на солнце охранники. Один из погоняющих остановился, чтобы поправить что-то на ноге, а вся колона продолжила движение вперед. Тот, которого нашли, шел прямо, не сворачивая. Видимо у людей, словно у горных баранов, есть неписаное правило первенства. Возможно, для этих целей они украшают себя чужими кожами, носят на себе металл и камни, чтобы сразу указать другим, кто из них имеет больше прав на дорогу.

Я видел это еще в лощине, на склонах гор. Два барана или козла, встречаясь друг с другом на узкой тропе, сразу понимают, кто пройдет первым, они понимают это по длине и затейливости рогов

на голове собрата. Тот, которого нашли, думал, что его одежды и количество самоцветов объяснят охраннику, кто главнее на их пути. Но человек возился с ремешками на ноге и не видел приближающегося того, которого нашли.

Хлопая по ветру крыльями своего расписанного узорами халата, тот, которого нашли, словно снежная лавина снес с пути сидевшего на дороге охранника, спихнув ногой в сторону. Охранник, упав, быстрым движением бросил в спину обидчика палку и попал. Человек, которого нашли, остановился, схватил эту палку с земли и набросился на растерявшегося охранника, сокрушая его ударами. Он бил сильно, стараясь попадать по голове. Охранник катался по дороге, закрывая лицо руками. Избиваемый кричал, молил о пощаде, но тот, которого нашли, бил и бил молча. Наблюдая за всем этим, я начал гудеть и шуметь кроной, чем разбудил спящего подо мной главного человека. Но нет у людей понимания. Хозяин только вздохнул, сказал, что завтра, скорее всего, будет дождь, и опять блаженно закрыл глаза.

Охранник на дороге уже не кричал и не двигался, а рассерженный на всех человек все еще наносил удары окровавленной палкой по уже бесчувственному телу. Я видел только однажды, как поселившаяся на мне пантера играла с полумертвым тушканчиком. Но, когда тот издох, она бросила его, бросила сразу.

***Смерть не вызывает уважения только
у людей, потому что у них нет
уважения к себе.***

Когда тот, которого нашли, устал от истязания мертвого тела, он огляделся трусливо, словно только теперь осознал, что нарушил правила. Увидел, что шеренга рабов и охранников ушла уже почти за горизонт, успокоился и облегченно вздохнул. Потом он стряхнул пыль со своей расписной одежды, покрутил палку в руках, внимательно осмотрел бурые пятна чужой крови. После этого он ногой перевернул труп, наклонился и долго всматривался в израненное, изуродованное лицо погибшего, а потом, словно услышав что-то, панически быстро схватил неподвижное тело за ноги и отволоч в кусты у реки. Туда же он бросил палку. Шлепая и шаркая ногами, он поднял на дороге густую завесу пыли. Когда пыль осела и воздух снова стал прозрачным, тот, которого нашли, уже исчез из вида, а на месте убийства не осталось ни единого пятнышка крови.

Домой он вернулся ночью. Его одежда принесла на себе запах костра, острых блюд и отвратительно кислого винограда. Тот, который убил, вышел в сад, и настроение у него было на удивление приподнятым. Он запустил в меня пару ножей, попал и, удовлетворенный, отправился спать.

Мне было любопытно наблюдать за ним в эти дни. Он много раз проходил мимо того места, где в зеленых зарослях травы и тростника уже начал вздвигаться и гнить на солнце труп убитого им человека. Но тот, который убил, даже ни разу не повернул голову в сторону реки. Звери так не делали.

Животные убивали и помнили, где и при каких обстоятельствах.

Даже игривая пантера долго возвращалась к месту, где муравьи разъедали задушенного ею тушканчика, чтобы убедиться, что смерть не ушла и владеет своими правами. Она даже вымазала себе шкуру этим душным запахом гниения, чтобы все остальные понимали, как опасна и ловка эта охотница.

Тот, который убил, вел себя не так. Возможно, у людей нет памяти, возможно, в течение их короткой жизни без понимания, память им не нужна. Но я был не прав. Память у этого человека была.

Однажды вниз по реке, к дому самого главного,плыли гости. Именно они увидели в тростнике смердящий труп убитого человека. Сразу началась суета, в доме забегали, запричитали длинноволосые жены. А тот, который убил, тут же сбежал прочь.

Он пришел под утро, еще до рассвета, пришел и забрался на меня. На мне он просидел почти весь день, ожидая одну из своих нянек. Он сговорился с ней, и она начала носить ему по ночам еду и питье. Я пытался стряхнуть этого неестественного человека, но ветви мои были большими, широкими, а сам человек был маленьким и легким, поэтому, как ни старался я раскачиваться, он держался и спокойно сидел, испражняясь прямо с высоты моей кроны. Тогда я понял, что не люблю людей так же, как не люблю едко пахнущих ежей.

Тот, который убил, однажды все-таки ушел. И ушел с видом человека, неожиданно нашедшего спасение. Его не было несколько месяцев. Но он вернулся сразу, как только в доме умер самый главный человек. Тот, который убил, вернулся в надежде занять место кормильца, но не успел. В жилище самоцветов сразу вселился новый хозяин, который пользовался всеобщим уважением среди всех остальных таких же. Тот, который убил, громко ссорился с новым главным, но ничего для себя не вытребовал. Его выгнали, а после его ухода долго плакала та, которая нашла его в корзине.

Я уже однажды наблюдал, как люди могут быть очень упорными, до глупости. Тот, который убил, оказался упорным. Он теперь часто приходил в дом, где раньше жил, приходил, и каждый раз после его визита, в доме слышались крики и плач. Сам главный хозяин все больше раздражался, стал вспыльчивым и грубым.

Пока люди занимались своими мелкими проблемами власти, река снова разлилась и затопила долину. Еще до того, как воды набухли и вышли из берегов, я услышал корнями, что земля снова загудела. Она тихо и равномерно начала мычать. Этот звук шел откуда-то издалека, из самого моря. Я вспомнил о чудовище, которое рождается в самой глубине, выходит пузырем на поверхность и убивает все вокруг. Но, прислушавшись, я понял, что это не газ, пробивающий себе дорогу к свободе. Этот гул был вибрацией, спазмом самой земли.

Где-то далеко, в стороне моей родной лощины, земля стонала и сотрясалась. Там лопались горы, вставали на дыбы равнины,

темнело небо. Туда опять пришли перемены. Эти перемены добрались и до моей нынешней земли неожиданным разливом уже ставшей родной мутной реки.

Под домом едкой тиной зацвело болото, в воде расплодились лягушки и мошкара. Пахло гнилью. Люди начали болеть, но переселиться в другое место, подальше от стоячей воды, они не догадывались. В этот раз даже я ощутил скользкие щупальца смердящей лужи. На мне паразитировала едкая плесень, которая разрушала не только саму кору, но и выедала мои внутренности. Я начал борьбу: усилием воли отгонял кровь от мест, где поселился грибок, чтобы тот высох и умер. Но пока внизу зеленело и цвело кишасщее болезнями болото, плесень могла плодиться и расползаться по моему телу безнаказанно. Я становился все слабее и терял все большие куски коры. Начал лысеть, часть моего тела онемела, мне было все труднее осознавать реальность, и я заснул.

Разбудили меня тучи огромных и прожорливых насекомых. Они живым облаком облепили мою голову и обгладывали каждую живую веточку, которые еще оставались нетронутыми плесенью. Тучу эту пригнал ветер, который шел к нам из далекой земли, бьющейся в судорогах изменений.

Под стены дворца, над которым я возвышался, пришли люди из города-термитника. Эти несчастные, измученные капризами просыпающейся земли крошечные двуногие существа кричали о настигнувших их род проклятьях, кидались камнями в расписные ворота дворца, дрались со стражей.

Они не могли осознать, что ни один из них, даже самый важный, не имеет ни малейшего влияния на поведение матери-планеты.

Пока люди пребывали в беспомощной панике, обвиняя самого важного человека во всех бедах, болото высыхало под палящими лучами. Насекомые довольно быстро оставили меня в покое, освободив от себя мое больное голое тело. Они улетели так же внезапно и дружно, как и появились. Их несло дальше, к воде, к другим деревьям и растениям. Они убежали.

А река высыхала, земля снова начала трескаться, воздух становился невыносимо жарким и душным. Я начал страдать. Мое тело сплошь кровоточило, кора практически везде была изранена и заражена, листья были съедены вместе с молодыми ветками, я стоял одиноким перстом среди мертвой долины, медленно умирая от когда-то радовавшего меня солнца. Что говорить о людях, которые все еще упрямо боролись и хватались за жизнь в доме, который почти сгнил за время цветения болота? Все жители были больны и слабы. Наконец, главный человек дома додумался, что следует уйти в другое место от ядовитой реки, и в один из дней они бросили свой дом и оставили меня в полном одиночестве.

И снова мне повезло. Сначала меня навестил ураган, который уже почти стал моим близким и давно знакомым другом. Он залепил мое медленно истекающее кровью тело песком и глиной. Он гулял

по долине несколько дней, давая мне время залечить раны и затянуть коркой изъеденные плесенью язвы.

Потом начался дождь. Это был первый настоящий дождь в этой долине. Обычно воды изливались с неба гораздо выше по течению, а к нам редко доходили слабые остатки в виде мелких и редких капель. Но ураган пригнал с собой старую брюхатую тучу, которая разорвалась прямо над моей макушкой и вылила на землю целое море чистой, почти такой же чистой, как тающий в ложине снег, воды. Туча была старая и сердитая. Она мрачно хмурилась, вспыхивала молниями, грозно грохотала. Я, ростом почти до небес, оказался на пути старой и злобной тучи, и она выстрелила в меня мощную ослепительно-синюю стрелу, расколов мой ствол до самой сердцевины. Но я не заплакал. Это было не так больно, как тогда, когда из меня высасывала силы соль, или когда с меня, совсем еще юного и нежного, сняла кожу проходившая мимо козочка.

Удар молнии был быстр и практически безболезнен. Я лопнул, как перезревший плод и тут же сжал все внутренности, которые оказались на свету. Дождь смягчил мою кору, она стала гибкой и упругой, а сердцевина, часть которой теперь смогла показать себя миру, оказалась сама по себе плотной, словно самая твердая скорлупа. Я выстоял в этом испытании и продолжал хранить себя для счастья.

Кора моя медленно тлела вдоль всего разлома. Кажется, что ночью я производил впечатление огромной горящей стрелы, воткнутой в

небо, видимой из самого далека. Дождь лил еще несколько дней, пытаюсь принести разрушение и гибель, но вместо этого рождая новое, очищая и вылечивая больное и слабое.

В одну из таких ночей из темноты ко мне выскочил тот, который убил, и снова начал иступлено говорить сам с собой, сетуя на судьбу и несправедливость мира. Он восторженными глазами смотрел на тлеющие края моей раны, словно увидел что-то очень важное. Мне было смешно и грустно смотреть на этого жалкого человека, который был немного выше муравья, но намного глупее насекомого-труженика.

Людям дано осознание своего Я, но без единения с сородичами и природой вокруг.

Когда туча иссякла и испарилась в вышине синего свода, река уже спокойно несла свои бурлящие воды мимо меня. Она стала немного ближе и немного шире, но осталась такой же мутной и неприятной на вкус. Подо мной еще несколько дней жила настоящая кристальная вода, за наслаждение которой я заплатил треснувшим надвое стволом. Я пил, и в памяти моей возникали картинки далекой весны, с запахом тающего снега, с легким ароматом пыльцы скромных и незаметных цветов, со вкусом освежающей и бодрящей почвы, с шелестом листвы огромных и таких дорогих моему сердцу исполинов.

Напившись, земля вздохнула облегченно и расслабилась. Буквально за ночь по берегам обновленной реки выросли тростник и папирус, вокруг меня зазеленела трава, чуть дальше от реки, на огромных полях, закопошились люди, сгибаясь в подковы и нещадно взрыхляя сырую землю заостренными палками. Снова пришло счастье, и я поблагодарил себя за то, что выстоял и удержался. Но глубоко-глубоко, под кристальным ручейком дождевых вод, тихо и угрюмо билось сердце планеты. Тук-тук... тук.... Тук-Тук... Но я перестал вслушиваться в этот ритмичный шум. Забывшись от счастья, я с упоением встречал солнечные дни и звездные ночи.

5. Исход

В начале нового года, когда на полях все зацвело и заколосилось, у людей в их огромном каменном муравейнике, который я видел в нескольких исполинах от себя, началось движение. Пожалуй, это был первый большой праздник, который я наблюдал. Сначала их организованные шествия напомнили мне брачные скачки горных баранов по склонам моей потерянной далекой родины. Но люди не дрались за право спариваться и продолжать род, нет. Они дружно, с факелами, громкими трубами обходили свои пышные поля, приплясывая и выкрикивая задорные голосилки.

Во главе шествия двигались горящие золотом и камнями повозки и колесницы, далее на носилках раскачивались знатные люди, а вслед бежали босоногие люди. Музыканты, жонглеры, танцовщики сопровождали процессию. Иногда все останавливались, образуя круг, в котором начинались песни и пляски. Потом из закрытых

покрывалами носилок выходили длинноволосые и томные любимые, окольцованные огромными змеями. Их появление каждый раз вызывало восторг у зрителей, люди начинали неистово кричать и падать ниц на землю.

Таинственные хозяйки опасных рептилий медленно двигались под звуки дребезжащего музыкального инструмента: систрума - который был сделан из металлической палки с узорами и коробочки. В ней противно звякали куски засушенного папируса. Звук был неприятным, но людям он нравился и, кажется, гипнотизировал их до такой степени, что многие падали, катаясь по земле, и неистово рыдали. Длинноволосые красавицы, изгибаясь по-змеиному, исполняли всякий раз один и тот же танец - медленный и грациозный в начале и быстрый, агрессивный в конце. Бедных змей швыряли, вертели, ими жонглировали. Это было интересно, но я понимал, что чувствовали беззащитные и измученные символы мудрости и хитрости, медленно умирающие в руках беснующихся танцовщиц.

***Глупость всегда рождает
жестокость, часто без всякого на то
умысла.***

После этой ритуальной пляски из колесницы вышел главный человек, перед которым все остальные пали ниц. Он подошел к краю поля с золотыми колосьями, взял в охапку несколько стеблей

и, высоко размахнувшись золотым полукруглым ножом, легко срезал их и бросил на землю.

У меня заныли корни, так мне стало жутко и так больно вдруг. В толпе раздались восхищенные возгласы, вновь началось пение. Самый главный из этих людей, с видом выполненного долга, вернулся в свой пестрый передвижной дом. Уже не в первый раз я наблюдал странную, нелепую жестокость людей. Процессия ушла, а мертвые колосья жалко лежали на земле. Пока я физически ощущал резкую жгучую боль срубленных в самом соку стеблей, люди остановились уже у другого поля. Опять начались крики, песни, пляски, и так до вечера. Я понял, что не сопереживал так животным, как сострадаю мукам растений.

Всю ночь из огромного людского дома доносилась музыка. Благодатный покой наступил только с появлением зари. Я тоже ушел в дрему, благодаря небо и землю за то, что не родился суетливым и тщедушным или не пришел сюда тростником или колоском. Вечером меня опять растревожили радостные люди. Полуголые, пахнущие солодом и хмелем, они сбегали к реке, купались в мутной воде, играли в забавные игры и кувыркались в тростнике.

Следующий день был днем любви. С самого раннего утра люди бродили от одного дома к другому, целовались на пороге, обнимались, кланялись земле, небу и на все стороны, а потом группками уходили куда-то в сторону огромных каменных домов, называемых храмами. Каждый из них нес с собой подношение,

чтобы отдать его во славу весны, земли и разных придуманных людьми существ, называемых богами.

Люди придумывали, кому служить на небе, вместо того, чтобы просто любить Землю.

Как только праздник утих, а основная часть жителей ушла в храмы, из термитника выдвинулась большая стая мужей и жен. Они шли неорганизованно, шумно, медленно. Их вел тот, который убил, он вел их сердито, направляя всю группу прямо ко мне. Я уже перестал тлеть, кора моя затянута, кровь высохла, даже стала появляться новая кожа.

Толпа нагруженных вещами людей расположилась вокруг моего золотого забора. Забор они разобрали, а вместо него выложили подо мной возвышение из камней и досок. В этом каменном кругу они развели костер и принялись жечь тростник и палки. Мне было невыносимо жарко. Тело мое со стороны костра вздулось и треснуло. Как и в прошлый раз, вид моей крови произвел на людей неизгладимое впечатление. Они шумно зашумели, запричитали, а тот, что раньше жил здесь, решил вдруг, что мне нужны жертвы, словно он впервые увидел вытекающий из меня сок. Возможно, он страдал не только от обожженного в детстве языка, но и от неверной памяти. И началось...

Только теперь эти люди не потрошили несчастных животных, а сжигали их. Сначала они выпускали из жертв кровь, выливая ее

мне на корни, брызгая на себя и ликуя. Они жгли убитых баранов и коз, куриц и уток. Они жгли все подряд, что могли найти, поймать, достать. Потом они жгли травы и вонючие масла, от едкого и липкого пара которых, на моем еще раненном стволе образовалась едкая пленка.

Люди прожили возле меня несколько дней, пока из термитника не приехал к ним человек и не сказал, что за ними погоня. Началась паника. Люди засуетились, закричали, забегали. Оказалось, что многие, уходя из своих жилищ в общем термитнике, украли те дорогие вещи, в которые теперь были наряжены и которыми были нагружены. Они украли их у своих бывших соседей и хозяев. Теперь пропажи обнаружились.

Испуг, который я наблюдал среди суетящихся внизу людей, показал мне, что все они были глубоко несчастны. Они были несчастными оттого, что все силы направляли не на сохранение себя для счастья, а на жалость к себе.

Они корили судьбу за то, что родились не там, не в то время, не в той семье.

Они гневались на мир, но не раскаивались в пороках. Они были нетерпимы друг к другу, мучились от жадности и зависти, презирая и осуждая эти качества в соседях. Они не ценили ничью жизнь, кроме своей собственной.

Их никто не держал, их никто не звал обратно, о них никто не вспоминал, пока... Пока не открылось, что с их уходом у других людей пропали многие вещи.

Тот, который убил, собрал всех мужей, сжег несколько несчастных куропаток, приказал, чтобы все собирались в дорогу. Он объяснил, что с украденным багажом они найдут в других землях и счастье, и власть. Я слушал, и мне захотелось, чтобы они взяли меня с собой. Я так мечтал вернуться в свой дом, в свою горную лощину, где бесконечной каруселью сменяются сезоны ветров, снегов и дождей, где ожидание солнца становится целью. Сейчас я завидовал этим свободным в движении животным.

Ночью люди ушли, прихватив с собой мою ограду, но оставив мне дурно пахнущие угли с тлеющими на них останками погибших птичек. А еще через день мимо меня пронеслась армия мужчин из термитника, сплошь обвешанных металлом и птичьими перьями. На лошадях они гнались за обокравшими их беглецами. Я долго слышал стук копыт, спускавшийся все дальше вниз по реке, но потом я отвлекся. Мои корни ощутили, что земля снова запела.

Гул шел от моря. Я знал, что там происходят очень важные события. Но я не мог ничего разглядеть, как ни старался тянуться вверх, к небу. Тогда я спросил у коршуна. Птица сделала надо мной круг, потом взмыла в яркую сияющую воронку солнечного света и исчезла. Вечером коршун вернулся, снова облетел мою крону, словно спрашивая разрешения, и осторожно присел на самую верхнюю ветвь моей кроны. Мне понравилась обходительность именно этой птицы, хотя коршунов я не жаловал.

И он рассказал мне, что некоторое время назад, до того, как к нам пришли ураганы и ливни, земля на севере начала содрогаться. Но это я знал и без него. На другой стороне моря проснулась великая гора, уходящая в небо, растущая в середине огромного острова. Она запылала, сотрясаясь в приступах невыносимой ярости, начала выплевывать из себя огонь и пепел. Все, кто мог убежать, убежали, а остальных она убила.

Могучая гора испепелила тех немногих исполинов, которые там были, затуманила солнце и залила каменной коркой всю живую почву. В другой стороне моря зашатались острова. Потоки воды накрыли их, но потом вода отступила. Пока.

И я спросил коршуна, почему земля продолжает гудеть и стонать. Коршун ответил, что это я должен знать лучше, так как мои корни находятся в глубине, а он видит только то, что уже вырвалось наружу. И я стал слушать.

Я слушал тяжелые вздохи, похожие на короткие рыдания, доносившиеся из самого нутра планеты. Чем дольше я слушал, тем страшнее мне становилось. Я начал бояться, что не смогу сохранить себя для счастья. Земля просыпалась от долгого сна, потягиваясь и разминая затекшие члены. Однажды я понял, что сдвигаюсь вместе со всей огромной долиной на север. И я ужаснулся. Но что я мог изменить? Я только чувствовал, что поднимаюсь к небу, медленно, плавно, и двигаюсь в ту сторону, где был мой родной дом. Я двигался, а подо мной волнами пульсировала земля.

Снова я позвал коршуна и спросил, что он видит. Коршун сообщил, что теперь огромная гора, которая проснулась и, разинув пасть,

исторгала из себя ядовитое пламя, вдруг взорвалась и утащила за собой в морскую пучину огромный кусок суши.

Море неистово забурлило и залило весь северный край земли, осушая берега с нашей стороны. Коршун несколько не горевал о судьбе тех, кто сейчас умирал в бездне соленых вод. Он радовался: морское дно у наших берегов оголилось, крабы и моллюски медленно погибали под палящими лучами. Коршун пировал и мечтал, чтобы этот праздник длился вечно.

Но однажды его удача ушла. Вода вернулась в свое лоно большой многотонной волной. Эта волна поглотила не только несколько островов, но и сотни людей, которые решили пересечь море по осушенному ненадолго дну.

На моей памяти это было уже второе великое изменение в природе, и оно заставило понять, что земля подо мной - живая сущность, как и все вокруг. Она гудит и плачет, она дышит и движется, она стоически терпит многие неудобства, но может и рассердиться.

Наступил покой. Возле меня никто не жил, никого не жгли, не бегали и не кричали. Люди суетились и плодились в термитнике, ездили и ходили по дорогам мимо, но ко мне подходили редко и с осторожностью. Они робко осматривали остатки разваливающегося дома, в котором когда-то жил главный человек. Они с еще большим восхищением рассматривали меня и ломали себе головы над вопросом о моем появлении на этой, не рождающей исполинов, земле. Из разговоров этих зевак я понял, что моих собратьев на планете осталось так мало, что каждый из

нас теперь кажется людям замечательным реликтом. Они видели во мне лицо прошлого, далекого и загадочного, неведомого и мощного.

Они видели во мне время.

Как только море встало на место, а все пылающие вулканы погасли, погода быстро наладилась, Земля затихла, гул опустился глубоко вниз и стал едва различимым подёргиванием, чуть осязаемым кончиками моих самых длинных корней. Но теперь я всегда помнил, что существо, на теле которого я расту, живое и переменчивое.

6. Любовь

Одним ветреным и жарким днем ко мне пришла уставшая облезлая волчица. Она упала к моим ногам и заснула. Я терпеливо охранял ее от жары и ветра. Я ждал, когда она отдохнет, чтобы потом скрасить беседой мое долгое одиночество.

- Ты волк? – спросил я, когда волчица проснулась, расчесала себе болячки за ушами, сбегала к реке напиться и вернулась.

- Нет, - ответила моя гостья обиженно, - я умнее.

- Как так?

- Волки дикие, бродят по голым землям и голодают.

- А ты?

- А я живу с людьми.

- Зачем?

- Они считают, что приручили меня и за это кормят.

- Ты не выглядишь сытой.

- Да....

- Значит, ты – волк.

- Я – собака! – с гордостью сказала она, снова почесав себя за ухом.

- В чем разница?

- Я не охочусь.

- Разве это хорошо?

- Конечно. Ты думаешь это просто?

- Нет, охотиться никогда не просто, но это свобода.

- У меня есть свобода. Хочу - пришла, хочу - ушла, - она резко перегнулась и начала выгрызать что-то у себя на спине.

- Что ты делаешь? – спросил я.

- Паразиты пристали. Всю кожу мне изъели...

- Разве люди не могут тебя вылечить?

- Они сами больные. Это все от крыс. Их стало так много в городе.

- Где?
- В городе, там, где все живут.
- А...
- Там такие здания, хоромы, просто гордость берет...
- За кого?
- За себя, - гавкнула на меня гордая собака.
- Почему? – не унимался я.
- Потому что мои предки выбрали этих зверей в качестве своих слуг и не ошиблись. Если бы мы не пришли к ним в дома, то до сих пор бегали бы по долам, выискивая еду и сражаясь за свой кусок.
- А здесь есть волки? – вдруг спросил я собаку, так как вспомнил, что последнего серого охотника я видел в лощине, до переселения.

Она кивнула в сторону реки, вверх против течения:

- Там есть, серые, но их мало, очень мало. Все давно либо умерли, либо стали собаками.
- Почему вы так мало похожи?
- Хорошая жизнь быстро тебя меняет.
- Меняет? Ты себя имеешь в виду?

Она посмотрела на мой огромный ствол, помолчала, потом ответила с обидой:

- А что такого? Это я заболела, а мои родители были огромными и красивыми. Мне не повезло, все из-за крыс и жары.

- А зачем ты здесь?

- Устала я от шума и суеты. Мне отдохнуть нужно.

И я замолчал. Пусть отдыхает эта гордая больная собака, которая уверена, что когда-то была свободным хозяином долины.

Весь следующий день моя новая гостья бесцельно бродила вокруг меня, садилась, вставала, ложилась на землю, а то забиралась в расщелину моего ствола, оставшуюся после удара молнии. Собака засыпала, просыпалась, беспокойно расчесывала на себе шерсть, но говорить со мной не хотела. На заре следующего утра я понял, что она трется боками о выступающие суставы моих корней.

- Тебе плохо? – не выдержал я.

Но странная собака только устало проскулила в ответ, и я ничего не понял.

А потом она легла, уткнувшись мордой в мою сердцевину, вытянула вперед лапы и заскулила. Заскулила таким долгим и жалостным пением, что мне захотелось согнуться и погладить ее. Видимо, совершенно измучили несчастную клещи и блохи. А потом стало происходить ужасное. Я впервые видел жуткие вещи, на которые обрекла природа этих мало живущих суетливых

животных. Из-под хвоста этой гордой собаки вдруг появился буро-зеленый сгусток слизи, который упал на землю. Я заволновался, решил, что она тоже решила проявить ко мне уважение способом диким и ненужным: излиянием собственной крови и выделений мне на ноги. Я возмутился.

- Что это ты делаешь? А ну, пошла от меня!

Но вместо ответа она выдавила из себя наполненный мутной жидкостью пузырь, который тоже упал к моим ногам и разлился вонючей зеленоватой водой.

- Уходи! — зашумел я и начал раскачиваться, пытаюсь сжать треснувшие края тела.

Собака заскулила еще жалостей, с тоской и испугом, но с места не двинулась. На какое-то время все утихло. Моя гостья только изредка вздрагивала.

Вдруг она взвыла, засуетилась, опять начала тереться о мои корни, крутиться и стонать. Потом снова легла, уложив морду на передние лапы, и почти заплакала. Я пропустил момент, когда на земле оказался маленький серо-красный мешочек. Я не заметил, а собака, перегнувшись, перегрызла сизую вену, которая тянулась от нее к новому отростку. Освободив себя от детеныша, она зубами ухватила неподвижный комочек и подтащила к себе. От укуса пленка мешочка лопнула, и из слизкого кокона появилась мордочка, очень похожая на мышиную, слепая и мокрая. Не успела собака освободить своего первенца, как у нее под хвостом уже появился следующий.

Теперь я перестал сердиться, напротив, я почти замер, чтобы ничем не отвлекать новоявленную маму от священного действия - создания новых жизней. Собака перестала скулить и была целиком занята облизыванием и уходом за мокрыми кусочками плоти. Их появилось пятеро. После этого собака выплюнула на меня несколько кровавых сгустков, один съела, а остальные оставила, очевидно, в качестве благодарности за мое укрытие. Я уже не сердился. Пусть приносят свои странные дары, если в мире суетливых животных так принято, пусть считают, что кровь ублажает меня и радует больше, чем чистая ключевая вода. Это малость, которую я могу принять, вытерпеть и простить.

Новые комочки еле-еле двигались и тихо-тихо скулили. Собака, хоть и была слаба и замучена паразитами, оказалась очень заботливой мамой. Она уложила своих волчат в ряд, а сама улеглась на бок, давая им возможность найти соски и начать жить в этом мире, где каждый должен сохранять себя для счастья.

Только на следующее утро гордая собака, шатаясь от слабости, ушла к реке. Пока ее не было, я был словно на раскаленных углях. Во мне снова распустил щупальца страх. Я боялся нечаянно сдвинуть корень и раздавить эти слепые и нежные создания, как когда-то убил мышей. Я страшился, что коршун, который плавал в синем океане неба, заметит их и унесет прочь. Но собака вернулась. Она сразу плюхнулась на бок, носом подтолкнула щенят ближе к себе и принялась их облизывать и обнюхивать.

Я почувствовал новую степень счастья. Раньше я существовал сам по себе, один, оставаясь наблюдателем уже свершившегося.

Мой сверкающий пузырь радости был пуст изнутри.

Сейчас же я наполнился любовью до самой последней клеточки моей сердцевины. Я сам пережил момент появления в этом мире нового и живого. Я сам стал гордым, как эта собака, стараясь принимать участие в заботе о беспомощных, но таких симпатичных отростках.

Они копошились внутри моей трещины, а я старался укрывать их от ветра, палящего солнца, коршуна и ночных холодов. За день я изо всех сил пытался впитать в себя как можно больше солнца, чтобы вечерами кора моя оставалась теплой и сухой. Ночью я почти не спал, так как собирал теперь ладонями листьев росу, чтобы утром вылить ее живительной струйкой перед мордой собаки. Я был искренне счастлив.

Так прошло несколько дней. Детеныши быстро крепили, тыкались носами в мои корни и ствол, чем очень меня смешили, но оставались слепыми. Я забеспокоился.

- Почему они не видят? Разве так правильно?

- Правильно, - слабым голосом ответила гордая собака.

- Так будет всегда?

- Нет, - еще тише сказала она, - еще несколько дней.

- А что ты так шепчешь? Не бойся, я тебя прячу от всех бед.

Собака только щелкнула зубами, отгоняя от носа муху, устало уронила голову на землю.

- Да, что с тобой? - рассердился я на ее пренебрежение ко мне, на отсутствие благодарности за мою помощь и заботу. Разве она не обязана делиться со мной секретами жизни суетливых животных, раз я так преданно служу ее детям. Я понял, что стал считать ее детей своей собственностью, и это право дала мне любовь, которой я заболел, переживая и заботясь о них.

Собака медленно подняла голову, тряхнула резко ушами, сказала:

- Я не ела несколько дней, у меня раздувается живот... Кажется, умру скоро.

Я спокойно принял сообщение о ее возможной смерти. Она мне не нравилась. Но меня обеспокоила судьба слепых комочков, которые сами, охраняемые только моей заботой, не выживут

Я начал думать. Что может сделать прикованный к почве исполин, полный сил и энергии, но не имеющий возможности двигаться?

С каким сожалением я теперь вспоминал те жертвоприношения, которыми люди заваливали мои ноги, а я возмущался. Мне стоило запастись недогоревшие куски мяса, чтобы теперь эта слабеющая на глазах собака могла жить и кормить щенят.

Я думал, но не придумал ничего лучше, как попытаться привлечь внимание людей. И я начал гудеть, шуметь и качаться во все

стороны. В безветренный день, на фоне чистого спокойного неба, я размахивал руками, в надежде, что с той тропы, где ходили люди, кто-нибудь заметит мой призыв. И меня заметила маленькая девочка, которая собирала папирус. Она остановилась, удивленно начала пятиться в сторону термитника.

Я почти испугался, что сейчас она уйдет, поэтому резко замер и притаился. Она постояла, оглядываясь по сторонам, а потом медленными шагами направилась ко мне. Я ликовал. Эта была победа.

Я впервые в жизни сумел сделать что-то активно полезное.

Я уважал себя в эту минуту. Девочка подошла ко мне, услышала писк щенят, увидела умирающую собаку, засуетилась, а потом бегом помчалась в сторону города.

Когда она убежала, мне показалось, что мое сердце снова пронзила молния. Неужели я зря надеялся на людей? Но через несколько минут, на окутанной пылью дороге, вновь появилась она, маленькая спасительница.

- Сейчас все будет хорошо, - сказал я собаке.

- Дурак ты, - неожиданно грубо гавкнула на меня больная волчица.

- Как так? – я впервые ощутил новый вкус боли.

Жгучая обида оказалась сильнее страданий тела.

- Она заберет щенков, заберет моих детей! Заберет, чтобы продать. Они не выживут, если их сейчас отнять у меня, и ты будешь виноват в смерти каждого из них!

Я слушал, и у меня перед глазами возник образ горного орла, который кричал мне о том, что я съел бедных мышей, чтобы выжить самому лютой зимой. Мне стало плохо. Если бы мои корни были слабее и не вгрызлись так глубоко в землю, то я непременно упал бы, так обмякло мое тело от ужаса слов, что колючими шипами вбивала мне в душу несчастная собака. Теперь я в панике смотрел на бегущего ко мне человечка и не знал, как остановить эту призванную мной беду.

Все соки, вся кровь забурлила во мне. Я снова зашумел и закачался, я начал кричать насколько мог громко:

- Не подходи, стой! Уйди!

Но человек не мог слышать меня. Девочка даже не обратила внимания на мой шум и наклоны, она быстро приближалась к нам с радостной, восторженной улыбкой хищника, нашедшего добычу. Я гнулся так, что хрустел ствол, и в нескольких местах кора не выдержала.

Вдоль моего тела потекли красные ручейки моих слез. От такого безумного танца корни выступили над землей, словно щупальца

диковинного монстра. Но ничто не могло остановить упрямого человечка. Она подбежала к трещине в моем стволе. Я услышал, как зарычала собака, увидел, как отшатнулась девочка... Отшатнулась, выронив из рук кусок еды и мешочек с молоком. Выронила и упала. Она упала прямо на острый, когтистый сустав моего корня. Упала и замерла.

- Что же это? – удивился я, медленно успокаиваясь.

- Сдохла, - коротко сказала собака. Она ухватила кусок еды, с жадностью проглотила и снова спряталась внутри моего тела.

Я смотрел на неподвижного человека и думал, что природа совсем без любви создавала этих животных.

Мало того, что они живут так коротко, они еще и умирают от простого падения на землю. Очень тяжело таким хрупким существам хранить себя для счастья, тяжело и невозможно. Может быть, они сами давно это поняли, поэтому и занимают свои жизни сиюминутными суетными делами?

Собака никак не отблагодарила меня за мои старания, но я все равно был доволен, что спас ее детей от похищения. Честно сказать, в глубине души меня мучили сомнения, что этот маленький, улыбающийся человечек торопился с едой и молоком, чтобы убить собаку и забрать щенков. Я хотел поделиться своими

мыслями с гордой собакой, но она увлеченно грызла упругий кожаный мешок с молоком и не слышала меня.

Наутро, я, как обычно, вылил лужицу воды перед мордой ворчливой мамыши, но она пить не стала. По всему телу собаки пробежали судороги. Ее колотила дрожь, она корчилась и стонала. Ее задние лапы перестали двигаться, а тело раздувалось, словно брюшко сытого комара. Нос потрескался, а уши вздрагивали, словно их кололи иглами. К вечеру она умерла. Подо мной лежали два бездыханных тела и во мне барахтались пять пушистых комочков.

Следующий день вернул мне ощущение счастья и осмысленности жизни. Все детеныши открыли глаза, словно, кто-то разрешил им взглянуть на мир.

Они прозрели и истошно заголосили. Я вылил им воду, но она ушла в землю. Щенки без остановки скулили, они ничего еще не понимали. Пока собака была рядом, они не были такими шумными. Я пришел в ужас: эти дети еще совершенно не готовы жить. Они не могли сами найти себе еду и питье, они не осознавали того, что видят, они не понимали того, что слышат. Я воззвал о помощи.

Я кричал, гудел и шумел, а сам думал об изменчивости этого мира. Как можно за один короткий день испытать радость и тут же за одну минуту впасть в отчаяние от собственной беспомощности?

На мой зов пришла маленькая, юркая лисица. Она напомнила мне собаку, но была еще меньше, с еще большими ушами и острой

мордочкой, с шерстью песочного цвета и узкими, почти как тростинки, ножками. Она пришла, обнюхала с интересом тела собаки и человека, потом заглянула в домик, где истошно пищали щенки, и сказала:

- Весело живешь, гигант.

- Помоги, - попросил я лисицу, пытаясь вложить в просьбу всю ноющую во мне любовь к этим плачущим и осиротевшим детям.

Лисица коротко хихикнула:

- Съесть легче.

- Не легче, - рассердился я, - я тебя вижу, ты знаешь. Когда-нибудь я натравлю на твою нору коршуна.

Лисица вильнула хвостом, лениво ответила:

- Испугал, боюсь. Ладно, я знаю, что у одноухой есть приплод, пойду, спрошу, может, возьмет на прокорм этих уродцев.

Она отбежала пару шагов, а потом добавила:

- Эти трупы через пару дней вздуются и соберут тучи мух и червей. Так что ты лучше подумай, как прибрать это все.

Тут лисица развернулась, воровато подбежала к собаке и откусила кусок из левого бедра.

- Ты с ума сошла?! – моему возмущению не было предела. Но остроносая лисица снова коротко хихикнула, поджала хвост и отправилась куда-то через долину.

Прибрать. Как я могу прибрать? Обратиться к коршуну страшно. Это такая птица, которая скорее пообедает живыми, чем околевшими. Грифов я не видел уже очень давно, они исчезли из низины реки, окружили людской термитник и там ищут себе корм. Но иногда мне кажется, что земля знает и чувствует меня. Иногда я не могу найти достойного объяснения тем удачам, которые сопутствуют моему размеренному жизненному пути. Мне снова повезло. Совершенно неожиданно на берегу, в тростнике зашевелился и вышел на песок большой крокодил. Он был изувечен, один глаз полностью отсутствовал, вдоль бугристой пасти был шрам. Он медленно приблизился к девочке, схватил ее за бок и так же медленно направился обратно в заросли. Остался один труп - собаки.

Щенки пищали, но их голоса начали ослабевать. Я ждал лисицу, а она исчезла без следа. Я стал увядать и терять надежду. Я сам хотел умереть, чтобы не быть свидетелем того, как эти щенки, только-только открывшие глаза, будут умирать один за другим от голода и жажды. Уже ночью, когда щенки только иногда тихо всхлипывали, пришла новая лисица.

Половина одного уха у нее была откушена. Она была еще более юркая, скорее более напуганная, чем первая. Но она знала, что от нее требуется. Без всяких разговоров, она забралась ко мне внутрь, обнюхала щенят, которые с новой силой заскулили и запричитали,

потом она выскочила наружу, зубами ухватила мертвую собаку и отволокла ее на несколько деревьев в сторону. Когда лисица вернулась ко мне в дупло, щенки быстро утихли, и я понял, что все будет хорошо.

- Спасибо, - сказал я и заснул спокойно и сладко.

Утром я понял, что проспал время росы, и очень расстроился, что не смог напоить спасительницу чистым глотком воды. Но лисица не нуждалась в моей заботе, она сама могла кормить и поить себя, она весь день провела в делах: то копала нору у меня под корнями, то убегала куда-то в сторону термитника, то возвращалась, чтобы кормить щенков, то сама ела внутренности мертвой собаки. Но я молчал, я был согласен терпеть дикое зрелище этой трапезы, только бы лисица не ушла прочь.

Ради защиты любимых, готов вытерпеть любые мерзопакости.

Ночь оказалась бессонной. Лисица затащила всех щенят в нору, где они теперь ворочались и кряхтели. Потом она принесла еще одного щенка откуда-то из долины, потом еще и еще. Теперь у меня было восемь детей и пусть неразговорчивая, но очень смышленная мама.

Следующим утром я оценил мудрость лисицы. Из тростника снова появился изуродованный крокодил, он важно прогулялся мимо меня, постоял немного у дупла, словно прислушиваясь, а потом ушел. Лисица вынырнула наружу, проводила хищника взглядом, кашлянула и спряталась.

- Почему ты не разговариваешь? – спросил я наконец, свою новую гостью.

- Она немая, - услышал я короткий знакомый смешок. Возле изуродованного тела собаки стояла первая лисица с выпачканным красным носом.

Тут же из норы выскочила моя немая мамаша и молнией кинулась на незваную визитершу. Но первая лисица была быстрее и здоровее, она быстро отскочила в сторону и оскалилась в ехидной ухмылке:

- Это так ты благодаришь меня за новый дом, одноухая? Падаль пожалела? Погоди, вспомню я тебе твою жадность.

Одноухая только кашляла и скалилась, но ничего не говорила.

- Может быть, она беспокоится, что ты причинишь зло щенкам? – вмешался я, стараясь успокоить этих двух обозленных самок.

- За еду она беспокоится, - хихикнула лисица, - вчера она так не скакала, когда я пришла к ней с новостью о тебе.

Одноухая мамаша встала возле разлагающегося уже тела, расставила тонкие ножки в стороны, наклонила свою острую пасть почти к земле и усердно показывала все мелкие зубы.

Юркая лисица еще немного посмеялась над ней, но больше не пыталась подойти к охраняемой добыче. Как только она ушла, мамаша вымазала себе всю шею гнилостными соками собачьего трупа и, довольная, забралась обратно в нору.

Я начал страдать от присутствия едкого запаха смерти. Он облаком окутывал все вокруг, он разносился ветром, он поднимался вверх, он стекал вниз в подземные воды и оставался привкусом болота в воде, которую несли мне корни, он был во мне.

Мне стало казаться, что я сам начал разлагаться. Деревья, особенно такие, как я, не умирают так отвратительно, как суетливые животные. Природа одарила нас не только долгой жизнью, но и позволила нам умирать достойно, не вызывая отвращения у других. Часто мы уходим незаметно, иссыхая изнутри, без запахов, без язв и без разложения. Мы просто каменеет, теряя соки. Определенно, мне повезло больше, чем животным, и больше, чем другим обычным деревьям.

***Я любил себя и благодарил природу,
которая дарит нам долгую жизнь и
красивую смерть!***

Вечером из термитника появилась группа людей. Они брели по дороге зигзагами, они тревожили заросли тростника, они звали и искали кого-то. Когда они подошли ближе, я понял, что они ищут ту девочку, которая пару дней назад, улыбаясь, принесла молоко и еду для ворчливой собаки. Люди подошли ближе, среди них была длинноволосая женщина, заливающаяся слезами. Я понял, что это мать. Она рыдала навзрыд, истерично, без устали, а когда люди увидели остатки растерзанного собакой кожаного мешка, мама упала без чувств. Поднялась суета, другие женщины заплакали и закричали, мужчины воинственно начали осматривать окрестности,

бить по тростнику палками, ковырять землю, ругаться и кидать камни в воду. Я уже видел такое поведение людей. Я уже знал, как они страдают, когда теряют кого-то из своих любимых.

***Они ведут себя так всегда, если их
соплеменник не убит ими, а уходит по-
другому.***

Я даже подумал с едкой иронией, что эти стенания о погибшем вызваны тем, что люди расстраиваются, что не успели сами убить и растерзать покойного.

Придя в себя, длинноволосая мама снова заплакала. Она на коленях подползла ко мне и начала так жалостно, так сердечно умолять меня помочь найти ребенка, что я готов был расколоться на части, чтобы вернуть ей ее детеныша или объяснить, что случилось. Женщина плакала подо мной долго, кланялась и орошала слезами сухую землю, а я стоял истуканом и притворялся, что ничего не понимаю, не вижу, не слышу и даже не дышу. Мне было стыдно. Теперь мое сердце подсказывало мне, что люди в большинстве своем не злые, и способны на любовь, хотя до сей поры мой опыт убеждал меня в обратном.

Лисица внутри меня замерла, но щенки ворчали и беспокоились. От шума и крика вокруг они начали пищать, и, как ни пыталась успокоить их мамаша, они скулили громче и громче. Наконец, кто-то из людей услышал и обнаружил нору.

Они моментально решили, что именно то животное, которое прячется в норе, утащило их бедную девочку. Тут же в нору полетели камни, люди стали тыкать горящими факелами мне под корни. Звериная ярость обуяла всех.

Если бы сейчас лисица показалась наружу, то они разодрали бы ее на части. Они растерзали бы и каждого щенка, не испытывая ни жалости, ни милосердия. Они умели ненавидеть так, как не может ни одно другое животное. И я испугался людей. Я испугался и начал шуметь и раскачиваться.

Уже наступила ночь, эта была одна из тех последних безветренных и ясных ночей, которые бывают перед наступлением осени. На фоне спокойно спящей природы, мой раскачивающийся огромный силуэт производил страшное впечатление. Люди остановились, попятись, а потом побежали от меня, словно от кошмара. Когда все затихло, лисица, не переставая кашлять и задыхаться, выволокла всех щенят наверх, лизнула мой корень и начала копать еще одну нору.

Я трепетал несколько дней от невыразимого счастья. Этот молчаливый способ, который выбрала одноухая лисица, чтобы сказать спасибо, был лучше любого другого, самого красноречивого. Мне чудилось, что я чувствую теплый шершавый язык на себе, и от этого ощущения у меня ускорилось течение соков, и на ветках появились первые в моей жизни завязи цветов.

Да, я совершенно перестал подчиняться правилам природы и решил зацвести на пороге осени, когда солнце уже съело всю

зелень вокруг и вытравило все краски. Я решил принести в эту низину новые ароматы моего счастья.

Лисица была трудолюбивой и настойчивой. Она одна создала целую сеть тоннелей, которые ветвились подо мной. Щенки росли, ползали по норам и урчали довольно и весело. Им понравилось жить.

Снова пришла юркая гостья. Теперь моя мамаша встретила ее спокойно, без оскала, поэтому мне даже удалось поговорить с хихикающей шустрой знакомой. Она ехидно рассказала мне, что моя лисица потеряла ухо, когда люди травили их семейство собаками. Тогда же убили самого сильного самца стаи. И все, кто мог, разбежались, бросив одноухую с ее только что появившимися на свет детьми. С того дня одноухая лисица молчит, враждебно встречает всех своих братьев и ненавидит и собак, и людей. Я еще нежнее начал относиться к этой маленькой лисичке, пережившей столько страданий. Рядом со мной она начала успокаиваться и даже иногда радоваться. Так мы и жили, пока не вернулись люди.

7. Проклятие Египта

Однажды ранним утром, когда земля еще была окутана прохладой ночи, а ветер резкими порывами разгуливал по зарослям тростника, в термитнике людей что-то изменилось. На фоне расцветающего неба заплясали нервные светлячки факелов. Весь город, словно по команде, забурлил, засветился, заголосил. За короткое время небольшие цветы факельных огней выросли в настоящие пожары, которые стали алчно заглатывать все вокруг.

Люди с криками и безумными от ужаса глазами бежали прочь от огня.

Они бежали в разные стороны, галопом неслись на лошадях, тряслись на осликах, тащились на волах. Люди оставляли город в такой панике, что мне самому стало жутко, мне показалось, что из глубины каменных трущоб ко мне выползает тот ужасный монстр, который однажды чуть не проглотил меня, подобравшись из черных внутренностей едкого моря. Но ни гула земли, ни рычания реки я не слышал.

Утро спокойно расправляло свои крылья цветастой бабочки, звезды послушно уступали место улыбающемуся, но еще сонному солнцу, а ветер, пусть неохотно, но успокаивался и прилегал все ближе к земле, чтобы совершенно застыть на мягком песке.

Встревоженные люди, будто саранча, рассеялись по полю в нескольких десятках деревьев от главного входа в город. Многие длинноволосые любимые кричали и плакали, многие мужчины несли в руках факелы или удивительные выгнутые дугой конструкции. Люди с факелами выстроились в ряд, преграждая выход из окутанного дымом и пламенем термитника. Мужчины с дугами встали вторым строем, держа свое оружие наготове.

Наступила внезапная тишина. Казалось, что можно было услышать тихий шелест ползущего в небе солнца.

Через какое-то время из объятых огнем города стали выскакивать совершенно испуганные люди болезненного вида. Они выскакивали, пробегали несколько метров, но их тут же сбивали с

ног стрелы, которые со свистом вылетали из дуг в руках мужчин. Некоторые из этих острых стрел горели, неся не просто смерть, а смерть с огнем.

Я не мог понять всего происходящего, но возмущение мое росло. Как обычно случалось со мной в моменты наибольшего волнения, я начал раскачиваться и шуметь. Многие из моих огромных ароматных цветов осыпались, словно белоснежные хлопья первого снега в горной лощине.

Длинноволосые женщины оказались внимательнее, чем занятые убийством мужчины, они притихли и уже смотрели только на меня, зачарованно, удивленно, испугано.

Как только из города перестали появляться новые люди, женщины и убийцы направились ко мне. Я почувствовал, как лисица и щенки подо мной затаились и почти перестали дышать. Снова я начал сердиться на свою неосторожность, несдержанность. Снова я навлек опасность на тех, кем дорожил и о ком заботился.

Сколько раз я говорил себе, что нет ничего хуже, чем звать людей.

Еще не было ни одной встречи с ними, после которой не оставался бы привкус горечи и отвращения. Но изменить ничего уже было нельзя. Люди шли, не спуская глаз с упавших цветов, шли, и остановить это нашествие я был не в силах.

Они расположились вокруг меня, устроив лагерь, который очертили большим кругом на пыльной и твердой земле. Процарапанную линию люди залили ужасно пахучими маслами, которые подожгли.

Теперь вся стая сбилась вокруг меня, внутри горящего круга, словно прячась за стеной огня от всего остального мира. Среди людей было много важных и уважаемых, украшенных камнями и ракушками. Они не переставая ходили вдоль границ круга и стучали деревянными и костяными колотушками. Дети плакали, женщины причитали, мужчины ворчали, колотушки гремели; от этой какофонии мне стало невыносимо. Я хотел упасть на них и раздавить всех сразу, чтобы вернуть свободу и тишину.

***Упасть я не мог, пока мои корни
крепко держали землю, но я мог
уговаривать себя, что живу дольше и
медленнее, чем эти суетливые и
злобные животные, поэтому когда-
нибудь все это закончится, и очень
скоро они превратятся в прах, а я
останусь.***

К вечеру люди перестали шуметь, разложили костры, стали устраиваться на ночлег на тряпках и подстилках из тростника.

Перед сном они дружно, словно муравьи, поклонялись земле, реке, мне...

Важные люди с колотушками обошли своих собратьев, постучали по их головам своими шумными деревяшками, побрызгали на них собственной мочой, осмотрели внимательно у всех кожу на шее, руках и ногах, и только потом разрешили всем спать.

Засыпали долго, беспокойно. Самые важные устроили себе отдельное от остальных ложе, вокруг которого поставили медленно горящие светильники, от которых шел нестерпимо приторный запах сладких цветов.

Ночью возник какой-то шум, сначала робкий, неуверенный, потом выросший в настоящий переполох, словно в испуганной стае птиц. Люди, сонные, растерянные, выскакивали за пределы очерченного круга, и возле меня осталась только одна женщина с маленьким ребенком на руках. Ребенок бился в судорогах, его колотил озноб. Мама прижимала его к груди, пытаясь защитить своего детеныша от надвигающейся болезни. Ребенок бился и извивался в ее руках, словно взбесившаяся от жажды змея. Люди за пределами круга, с ужасом наблюдали за чужими страданиями.

Через некоторое время ребенок начал исторгать из себя съеденную еду, с пятнами крови. Тогда один из важных людей дал команду. Снова забили колотушки, снова ночь осветилась факелами, снова несколько мужчин встали и вытянули впереди себя изогнутые дуги. Мама, которая увидела, что ее стая превратилась в ее врагов, подхватила ребенка на руки и спряталась

в трещине моего тела. Люди с дугами, подожгли стрелы и начали обстреливать меня, вонзая мне в кору горячие и острые палки.

Да, это было больно, больно до слез, до крови, до жгучей ненависти. Они стреляли, но попасть в цель не могли. Вся кора моего треснувшего ствола была утыкана прутьями, где-то тлела, где-то кровоточила, где-то вздулась. Я стал похож на диковинное существо, оцетинившееся колючками, но украшенное белоснежными цветами.

Поняв, что так они не смогут добраться до мамы и ребенка, один из мужчин храбро вошел в круг, подошел к трещине в стволе и вытащил из дупла кричащую женщину, а потом и орущего, синюшного ребенка. Он вытащил их, взмахнул изогнутым серпом ножом, но вдруг упал, не успев опустить руку. Люди за чертой круга с испугом смотрели на одного из мужчин с дугой в руках. Это он метким выстрелом спас женщину и ребенка. Самый важный человек о чем-то подумал, а потом повернулся и пошел прочь от этой человеческой своры. А люди с щенячьим испугом кинулись вслед за ним, будто только рядом с ним могли обрести свое счастье.

Они панически боялись остаться без этого украшенного золотом и камнями человека. Они меньше боялись потерять солнце, землю, реку, чем потерять Его.

Они бежали вслед и умоляли остановиться. Умоляли, плакали, падали ниц, рвали на себе волосы и мазали лица пылью дороги. Важный человек отошел на несколько моих стволов, а потом приказал своим, совершенно потерявшим волю и разум собратьям, жечь и уничтожать. И они начали жечь все свои тряпки и вещи, которые захватили, убегая из города.

Я понял тогда, что у этих животных какие-то особенные отношения с огнем.

Они все жгут: более слабых животных и более крепкие, чем они сами, вещи. Они сжигали телеги, они уничтожали еду, они избавлялись от украшений и утвари. Огонь приводил их в состояние истерии, гипнотизировал, заставляя разрушать и испепелять все вокруг. Костры погасли только к утру.

Но тут один из глупых щенков высунулся из норы и тявкнул во все щенячье горло. Он тявкнул, а люди услышали. Это было утро, которое осталось не заживающей раной в моей сердцевине. Пытка продолжалась почти до вечера. Вся свора ненавистных уже для меня тварей, под названием «это люди», вылавливала несчастных щенят, одноухую мамашу и испуганных беззубых лисят, гоняясь за ними по всей низине.

Люди рассеялись по всему берегу, находили выходы из норы, заваливали их камнями, запихивали в них горящие ветки, пока очумевшие от шума, дыма и огня животные не выскочили на

поверхность. Мужчины ловко настигали мою семью стрелами, и ни одному из моих дорогих и любимых щенят не удалось спастись.

И я проклял людей. Я проклял их всех.

Эти отвратительные создания не имели никакого права называть себя частью мира, который не дал им ни понимания, ни терпения, ни сострадания. Но что толку от моих проклятий?

Они ушли, а я остался один, сотрясаясь от боли сознания, что вся эта трагедия случилась по моей вине. Теперь я всей душой хотел расквитаться с этой ненавистной мне женщиной и ее отроком, отомстить ей за все несчастья, которые причиняли ее сородичи живому вокруг. Она все еще пряталась в недрах моего огромного тела.

Два следующих дня я равнодушно наблюдал, как женщина пытается вымолить у всего, на что смотрят ее глаза, спасение для ее единственного сына. Она заливалась слезами с утра до вечера, пытаясь ласками успокоить страдания больного.

Я же с радостной злобой наблюдал, как покрывается красными пятнами тщедушное тельце, как ребенок, мучительно корчась, выплевывает из себя желудочные соки с кровавыми сгустками. Ребенок через несколько дней благополучно издох, и стало гораздо тише. Самка, кажется, потеряла разум, потому что продолжала сидеть еще несколько дней, качая его на руках, пока от мертвого человека не пополз удушающий тлетворный запах. Тогда почерневшая мама уложила своего ребеночка на ковер из

моих цветов, сняла с себя все свои украшения, украсив ими мертвого, зачем-то погладила мои корни и с пустыми глазами, еле двигая ногами по земле, направилась в реку. Больше я ее не видел.

Но я так устал, так иссох за эти дни, что не чувствовал ни жалости, ни радости, ни горечи, ни меда. Я даже не отпугивал грифов и мышей, которые пировали над телом маленького человека, так мне все надоело.

Мне вдруг нестерпимо опротивела эта земля.

Я хотел бури, урагана, потопа, землетрясения, чего угодно, лишь бы убраться подальше от этой желтой и мутной реки, от этого невыносимого людского соседства, от грифов, крокодилов и всей прочей суетливой и недостойной жизни мерзости.

С тех пор я больше никогда не цвел, никогда.

Я начал каменеть и превращаться в равнодушное монолитное изваяние.

Я - великий исполин – наместник времени, чуждый всему мимолетному,

***равнодушный ко всему суетливому,
значимый для всего окружающего.***

Только после многих ран и мучений, я осознал свое внутреннее Я, понял внешние законы и обрел собственный покой и самосознание. Я перестал быть живущим медленно и сохраняющим себя для счастья.

***Счастье оказалось возможным только
в союзе с другим живым и счастливым,
но именно такой союз не был
предусмотрен правилами этого мира.***

Я заснул и не просыпался до самого дня, когда среди ясного неба солнце закрыло глаза и погасло.

8. Солнце

Я почувствовал сквозь глубокую дрему, что снова пришли перемены. Сначала меня растревожил разъяренный весенний ветер. Он шквальными порывами набрасывался на все, что стояло на его пути, и нес массу хлещущего все вокруг песка. Я снова увидел небо, и нашел его новым. Посредине ясного дня Солнце медленно, устало закрывало глаза. Светящийся круг мрачнел, темнел, и вскоре превратился в черную глубокую дыру, которая съела все яркие краски мира.

Мне стало жутко, я даже не заметил, что весь мой ствол засыпан песком. Казалось, что с посеревшего небосклона смотрит бездонный, всевидящий зрачок вселенной, смотрит мрачно и гневно. Я замер и со страхом думал, как буду жить, не имея больше тепла и света. В тот день затмение показалось мне другим, не таким, как много разливов назад. Солнце, небо, земля, сама жизнь стали другими, чужими, уставшими. Хотя, возможно, это я изменился, пропитался страхами и научился предполагать наихудшие последствия перемен.

Жизнь научила меня бояться ее.

В те бесконечные мгновения полинявшего, посеревшего мира я остро осознал всю важность, всю ценность солнца и его улыбки для моего собственного существования. Понял и воззвал к нему, такому нужному и еще более равнодушному, чем я. Мои ветки с трудом избавлялись от корки песка, ствол кряхтел и скрипел, перемалывая и вытесняя царапающуюся пудру песчинок. Мои увядшие листья из последних сил разворачивались туда, где, по обыкновению, их встречали ласковые теплые солнечные руки, дающие еду и надежду. Внутри меня пульсировала кровь, заставляя затвердевшую сердцевину распухать и просыпаться. И я вернулся в этот погасший ветреный день, вернулся весь, моля и стеноя о прощении.

Черное пятно вздрогнуло от истошных моих воплей, вздрогнуло и медленно украсило собственные края кроваво-оранжевыми перьями.

Я понял, что даже солнце отворотилось от земли, где столько бессмысленных смертей и боли.

Я понял, но продолжал просить, просить не за себя, не за суетливых животных, а за других гигантов, за других исполинов, которые ничем не заслужили такого наказания, как жизнь во тьме.

Наказания заслуживали только «это люди».

Солнечная спина выслушала мою пылкую тираду, помедлила немного, разбрызгивая вокруг себя крылья жар-птицы, а потом... О, счастье! Потом светлый лик жизни плавно, почти игриво начал поворачиваться ко мне. Как это было красиво! Каким величественным был момент раскрашивания неба и земли. Краски возвращались на свои места, насыщая день привычными соками. Снова теплая рука живительно коснулась моего судорожно вздрагивающего тела. Ветер притих и озадаченно завис на месте, боясь вновь рассердить возвращающееся солнце. Какой смиренной была природа весь остаток этого знаменательного дня! А мне не нужно было больше ломать себе голову над пустой задачей о том, что или кто самый важный и значимый: ядром каждой клетки я понял, что только солнце имеет значение, только оно достойно уважения и почитания, только ему следует улыбаться и хранить верность.

Я стал глубоко влюбленным рабом своей рыжей звезды.

Но не успел я как следует пропитаться вкусом моей новой и, пожалуй, самой сильной любви, как мир снова восстал и начал менять правила.

Помнится, тот день был самым обычным и даже скучным. С утра я развлекал себя ожиданием появления солнца. Сначала внизу, по самой земле, шелестящей волной пробежал легкий вздох, еле уловимый, быстрый, нежный. Потом воздух наполнялся низким, почти неслышным звоном, который накрывал собой все и сразу, как поток воды мгновенно заполняет собой пустой коксовый орех, дрейфующий в море. Иногда время останавливалось и зависало, словно в пустоте, и уже после этой благоговейной паузы, после чинного объявления о своем приходе, над горизонтом появлялись первые, еще не яркие и словно робкие, солнечные руки. Казалось, они с усилием подтягивают тело-диск вверх, но как только солнцу удавалось приподнять голову над краем земли, движение его немедленно превращалось в величественное шествие - гордое и неотвратимое. И мир мгновенно окрашивался в яркие слепящие цвета.

Ежедневно солнце плавно поднималось прямо над макушкой моей кроны. И я с большим нетерпением каждое утро ждал этого момента, чтобы вежливым поклоном выразить ему свою любовь.

Но в тот день, именно в момент солнечного зенита, с высоты совершенно чистого, ясного, здорового и веселого неба на землю полетели огненные камни. Их было так много, что они вспороли собой небосклон, оставляя рубцы на чистой коже воздушного свода. Многие из камней сгорали на лету, не успевая поранить землю, но другие вгрызались в реку и почву с такой силой и злобой, что от каждого их укуса низина вдоль реки содрогалась от приступов боли.

Люди, живущие в заново отстроенном городе, выскакивали из него и бежали, кто куда. Звери в панике прятались в свои и чужие норы, и только я, кусты и травы не могли сдвинуться с места. Одна из горящих, смертельных градин впиалась в середину густо усеянного людьми поля. Трава вспыхнула и с шипением и треском выгорела, обжигая бегущих и кричащих людей.

Пока длилась эта мистерия, солнце замедлило свое движение, а потом вообще остановилось, грустно разглядывая происходящее на Земле. Когда я понял, что солнце больше не движется, то перестал бояться, я перестал бояться за себя, но до судорожного сжимания коры испугался за мою звезду. Я начал кричать ему, чтобы оно спасалось, спряталось так же, как прячутся все, кто может двигаться, чтобы оно бежало назад, туда, вниз за линию горизонта. Я шумел и стонал, но услышан был не Солнцем, а Луной.

Хозяйка ночи поднялась невысоко, остановилась почти против солнца и совершенно бесцеремонно уставила свои белесые глаза на ослепительную соперницу. Мне показалось, что блеклая Луна

раздулась в размерах, будто пыталась сравниться с предметом моей любви.

А потом случилось вовсе невероятное:

***мое светило посмотрело на хаос,
творящийся внизу, обменялось кивком
с Луной и пошло вспять.***

Плавно, тихо, забирая с собой все яркие краски. Солнце исчезло за горизонтом, словно и не было в тот день восхода.

Моментально распоясался ветер. Ураганными порывами, безумными прыжками поскакал он по низинам, полям и холмам. Он вздыбил воды мутной реки, расплескивая ее в разные стороны, оголяя дно, выбрасывая в бунтующую пыль задыхающихся рыб, наводя ужас на спокойных и неспешных рептилий, вырывая и ломая заросли камышей, тростника и папируса. Ветер бушевал так сильно, так яростно, что обломал и мои достаточно толстые ветви.

Луна плавала в посеревшем небе, ехидно радуясь наступившему мраку, холоду и беспорядку. Сумерки были долгими, длинными, нескончаемыми.

Огненный град камней ослабевал, ветер терял силу и прыть, но из глубины земли стал подниматься незабываемый и уже знакомый мне гул.

Грозным хрипением планета возвестила о своем пробуждении.

Этот дрожащий низкий звук вызвал во мне озноб. Я, истекая кровью из ран обломанных веток, почувствовал смертельный холод и беспомощный страх. Корни судорожно окаменели, кровь остановилась и затвердела пунцовой смолой, ветви обмякли и повисли безвольно. Это было ожиданием катастрофы.

Гул расползался под ногами, становясь похожим на рычание, настолько низким, что повторить его не было возможности - его и услышать-то четко было нельзя. Он вызывал неконтролируемый страх, желание бежать прочь, плакать, молить о пощаде или хотя бы просто умереть, чтобы не слышать больше. Бежали все, бежали кто куда, не разбирая дороги, забыв вражду, тесной толпой, вместе охотники и жертвы, лисы, муравьи, люди, крокодилы. Бежали спотыкаясь и падая, поворачивая из одной стороны в другую, затаптывая слабых, попадая под ноги волам, лошадям и буйволам. Бежали, но не могли понять ни дороги, ни причины собственной паники. Я тоже хотел быть с ними в этой агонии бега, я тоже метался из стороны в сторону, пытаюсь стать свободным и быстрым. Я хотел, но был не в силах изменить установленный порядок вещей.

В сумрачном свете, под пристальным взглядом Луны, гудящая земля сгоняла с себя все, что могло двигаться. Но постепенно дрожь ее ушла глубоко вниз. Гул в недрах переродился в скрежет и

хруст, но большая часть животных в низине обмелевшей реки этих изменений уже не слышала.

Как только низкий рокот сердитой земли утонул в недрах, все быстро вернулось к обычной жизни: животные разбежались, птицы спрятались, люди озадаченно собирали в стаи и табуны растерявшихся вдоль реки гусей и лошадей, а я усилием воли успокаивал разрывающий меня на части пульс.

Я был уже не деревом, а одним огромным ухом, от корней до макушки.

Все мое внимание было сконцентрировано на скрежетах, которые эхом доползали до меня из глубины земного ядра. Я понял, что где-то очень далеко, возможно в моем старом доме, а, возможно, еще дальше, земля сейчас ломается и встает на дыбы. Я понимал, что в эти минуты, когда в нашей низине все как будто возвращается к прежней жизни, другая такая же река и долина переживают катастрофу, с огромным количеством смертей, трагедий и потерь. И я понял, что беды, которые происходили вокруг меня, не сравнимы с теми жертвами, которыми засеивает себя Земля после каждого своего пробуждения. Нашей низине пока повезло: самое страшное происходило сейчас в другом месте.

И я начал бояться собственной планеты, осознав, что вынужден

***существовать на спине самого
опасного и сильного из всех хищников.***

В тот вечер я навсегда выучил, что Земля не имеет доброты и жалости, не радуется наличию на ней жизни. Она часто и подолгу спит, но в каждое свое пробуждение пытается очистить собственное тело от всего паразитирующего на ней.

Я даже начал понимать это ее желание. Я тоже страдал от периодически липнувших ко мне грибов, я также делал все возможное, чтобы согнать с себя галдящих и неопрятных птиц, я также с удовольствием заливал смолой ползающих и тревожащих мою кору насекомых. За все долгое время моего пребывания на спине огромного чудища, называемого планетой, я всего несколько раз принял участие в жизнях других существ, заметив и одобрив их присутствие в этом мире.

***Мы все, рожденные из соков нашей
планеты и живущие на коже нашей
Земли, мы все пропитаны ее
характером и привычками.***

Почему я осуждаю суетливых животных за жестокость и ненависть ко всему окружающему, если именно такой пример поведения дается нам самой матерью-землей?

***Как она не терпит свои творения, так
и эти творения не выносят друг друга.***

Мне стало стыдно за мое присутствие на Земле, я понимал, что она имеет право не любить и не прощать нам нашего существования, что мы, возможно, такие же паразиты или продукт питания, который планета разводит, как люди разводят стада для собственного выживания. Одна мысль порадовала меня в этом моем грустном размышлении: кажется, что именно людей планета выбрала для себя в качестве основного и любимого блюда, а мы, все остальные, составляем не главную, а деликатесную часть ее рациона.

Я хотел исчезнуть, уйти, освободить землю от собственного тяжеловесного присутствия, но, поняв, что мое назначение кормить планету, смирился.

Вечер все не заканчивался. Луна не двигалась с места. Животные притихли, спрятались, будто и не было никогда в этой стороне зверей и птиц. Только люди до глупости активно и громко устраивали свои сложно выстроенные обряды из сжигания домашних птиц и скота, песнопений и ритуальных танцев.

Я сердился на неразумных жителей города, опасаясь, что они снова привлекут к нам внимание, но я ошибся. Возможно, именно благодаря шумному и нескончаемому движению людей, Солнце неожиданно появилось над лысым после урагана холмом.

Люди издали такой громкий ликующий крик, что мне показалось, будто его услышало не только само светило, но и все остальные небесные тела. Солнце взошло, Луна неохотно освободила небо, снова начался день, потекло время, вернулись гармония и музыка мира. После удручающих перемен в моем сознании, я потерял всякую охоту уважать себя и стал не только равнодушным, но и безвольным.

Равнодушие ведет к безволию.

9. Фараон Солнца

И снова меня начали донимать люди. Не успев отпраздновать возвращение солнца, они тут же принялись голосить на всю округу по погибшему фараону, так они называли самого важного человека.

Словно чувствуя свое истинное предназначение на спине грозного хищника, они отказывались отдавать тело главного человека на корм земле. В течение трех дней и ночей из «термитника» неслись завывания, нудное постукивание колотушек, отвратительный свист систрумов, невыносимый скрежет железа о камни.

***Люди боялись тишины, словно знали,
что только в тишине можно
услышать музыку солнца, дыхание
земли, песню неба.***

Они не хотели слышать ничего, что могло бы рассказать им о настоящем мире, ничего, что способно было подарить понимание.

Три дня горели факелы, курились резко пахнущие травы и масла, образуя мутное тяжелое облако, удушающее приторными ароматами цветов и кореньев. Еще несколько дней из термитника тянулись цепочки людей, которые несли и везли дары в могучие храмы, отстроенные за стенами города. Движение это было медленным, с остановками, с нарочитым громким плачем длинноволосых женщин.

Еще через день из города выдвинулась процессия, состоящая из колесниц и пешеходов. Перед процессией убранные цветами коровы тянули огромный шатер на колесах. Шатер горел золотом, пестрел цветными лентами и был так пышно убран гирляндами цветов, что я сначала решил, что это очередной людской праздник. Но танцев не было, гремели только колотушки, и ветер порой доносил скорбные женские завывания. С интересом я стал наблюдать за шествием. Ровным рядами, поднимали пыль вокруг шатра, медленно шагали молодые люди, одинаково сверкающие металлическим блеском одежд и изукрашенные перьями.

Далее несколько мужских рядов были похожи на строй сиамских близнецов: одного роста и одинаково облаченные. Они шли с колотушками, некоторые несли огромные изображения солнца, собаки или ибиса, закрепленные на палках. Лица некоторых из них были под цветными масками. Следом за ними медленно шли босоногие рабы, несшие на плечах драпированные тканью носилки. За пешей процессией вели лошадей, также убранных

цветами. За ними медленно катились колесницы самых разных видов: золотые, деревянные, с мозаикой и без.

Процессия двигалась так медленно, что у меня начали ныть суставы корней. Затем из города показался пестрый рой красивых женщин со змеями, собаками, баранами, павлинами, козами, кошками, букетами... За красавицами вышли рабы, погоняя впереди себя мелкий скот. Рабы тащили на веревках огромные каменные ящики, несли на согнутых спинах набитые тюки и мешки.

Караван из людей, животных и колесниц ушел за поворот реки, в сторону холма, из-за которого обычно появлялось солнце. Долго еще я слышал лязганье железа, топот копыт и скрежет колес.

Люди, ушедшие из города, вернулись лишь спустя несколько дней и совсем не так организовано, как вначале. В городе на короткое мгновение наступил покой, который взорвался иступленным, почти отчаянным праздником в честь нового важного человека. Этот взрыв веселья оставлял ощущение искусственности и наигранности.

Когда праздник сошел на нет, начался активный отъезд большинства важных людей вниз по реке, мимо меня. В долине, ниже по течению, были разбиты шатры и палатки, где поселились украшенные перьями и металлом люди, босоногие рабы, коровы, козы, волы, даже стаи птиц, не умеющих летать. Я думал, что первый термитник был слишком близко, но теперь я понял, что

люди окончательно окружили меня и такие вещи, как тишина и уединение, превращаются в потерянную мечту.

Повторяя себе, что я безвольное и равнодушное Ничто на спине капризной Земли, я решил вернуться к созерцательному образу жизни, стараясь не поддаваться никаким страстям, чувствам, порывам. Я наблюдал, а наблюдать можно было только за бегущими вокруг меня людьми. Они разогнали всех других суетливых животных и производили столько шума, что в обмелевшей реке исчезли крокодилы. Крокодилы ушли, зато быстро расплодись раки. Их стало так много, они появились так быстро, что я сравнил их для себя с нашествием саранчи, но люди называли их речными тараканами.

Снова началась война людей и природы. Дружно, с азартом, суетливые люди вылавливали усатых детей реки, сбрасывали их грудой в большие ямы, заливали ужасно пахнущим маслом и... жгли. Люди практически уничтожили всех раков буквально за несколько дней. Я до сих пор не понял, чем помешали десятиногие усачи ненавистным мне людям.

После бессмысленного уничтожения раков, люди, словно дружные муравьи, вгрызлись в твердую почву недалеко от меня. Снова стая, снова все вместе. Они с завидным упрямством выламывали ямы в скальных породах, ковыряя камни палками, ножами, руками.

За короткий срок в низине образовался почти правильный полукруг самых разных строений. Вокруг домов и дворцов расцвели чудесные сады. Благодаря новому строительству, я впервые познакомился с огромным количеством других деревьев, не считая цветов и трав, которых никогда до сего момента не видел. В выдолбленные в сухой земле ямы босоногие «муравьи» таскали рыхлую добрую почву, в которую тут же сажали уже взрослые деревья: пальмы, сикоморы, гранаты, апельсины, маслины. Самым замечательным деревом, от вида которого у меня снова еле слышно вздрогнуло сердце, был огромный кедр. Нет, конечно, мне это дерево едва доставало до плеча, но теперь мы вдвоем возвышались над просторами зеленеющих коротышек и иногда, в знак единения, кивали друг другу головами.

Теперь я находился настолько близко к людям, что мог в деталях рассматривать их термитник, изучать их привычки, впитывать их язык. Рядом со мной люди выкопали яму, в которую заперли воду. Я вспомнил, что было с моей корой, когда после очередного разлива реки подо мной красной плесенью расцвело болото, но беспокойство мое оказалось напрасным. Вода в искусственной яме была чистой, в ней даже прижились лотосы, в водоем запустили рыбок из больших бочек. От озера поднималась теплая влага, которой так не доставало иногда в жаркие ветреные дни. Я сделал для себя еще одно наблюдение: с течением времени расту и впитываю знания не только я, но и эти неугомонные существа. Они улучшили свои умения в строительстве искусственных водоемов, научились очищать воду и создавать замкнутые самофильтрующиеся системы.

Устав от противного привкуса подземной речки, питавшей меня с момента переселения, мои корни невольно начали тянуться к чистой и свежей воде нового пруда. Они вытягивались, тянулись, и я вдруг понял, что во время этого алчного желания пить, сдвинулись не только мои корни, но и весь я. Я сдвинул себя с места, пусть немного, чуть-чуть, но я подвинулся с того места, на которое меня принес и поставил ураган.

Если бы я оставался сохраняющим себя для счастья, то в момент осознания своей возможности двигаться ликовал бы и раскачивался. Но я стал равнодушным, и поэтому сдержанно отметил свои новые навыки. Потом я дотянулся до воды из нового озера. Его вкус отдаленно напомнил мне дожди в горной долине, но это было так давно, так далеко, так призрачно, что казалось уже чужой жизнью, чужими воспоминаниями - на другой планете.

Еще через время на озере появились дикие птицы, которые, гордо кивая головами, разрезали кристальную воду с утра до вечера. А еще позднее на воде стали появляться узорчатые цветные коробочки, в которых сидели люди.

Чаще всего люди в лодочках были влюбленными парами, которые наводили на меня грусть и тоску. Мне было неприятно смотреть на горящие желанием глаза, влажные и дрожащие губы, слушать пустые, несурзные разговоры. Но однажды, уже на закате, на глади совершенно пустого озера появилась кружевная коробочка с мужчиной и женщиной. Они привлекли мое внимание тем, что управляла лодочкой женщина, а мужчина сидел напротив, лениво и грациозно откинувшись назад и тревожа нежной рукой воду.

Когда они пересекли водоем, то я смог услышать их разговор, и разговор этот удивил меня больше, чем сама пара.

Несмотря на разные одеяния, оказалось, что в лодке, в действительности, были две длинноволосые красавицы. Только одна из них искренне считала себя мужчиной, а вторая была просто прелестной женщиной, к тому же, была беременна. Одна была счастлива, а вторая испуганна. И обе женщины сердились, что глупые люди не понимали их любви. Обе женщины уповали на солнце, чтобы оно больше не оставляло их и помогало, как помогло, когда женщина, одетая в мужчину, стала самым важным человеком. Обе женщины хорошо говорили о матери, которая знала об их любви и оберегала их от темного и жестокого общества.

Потом они целовались, давали клятвы верности, обещания быть всегда вместе... Когда они вернулись обратно в цветущий, многолюдный новый город, я остался в растерянности и удивлении. Кедр, наблюдавший за мной из-за высоких стен огромного дворца, только качнул понимающе головой и сказал:

- Это их фараон с женой.

- Кто?

- Важный, тот, кто царствует.

- Какой из двоих был фараоном? – удивленно спросил я.

- Который мужчина.

- Какой же это мужчина?

Кедр снова понимающе качнул острым пиком верхушки, сказал:

- Почти как у нас, хочешь, будет пестиком, а хочешь, тычинкой.

- Не понимаю, - рассердился я, впервые чувствуя себя не очень умным.

Кедр оказался тактичным и вежливым:

- Когда отец этого фараона был сражен огненной стрелой с небес, а сын уже дал обещание жрецам, что станет служить богам, то в семье главных людей остались одни дочери. Правда та, что сейчас фараон, никогда не пользовалась любовью отца из-за своей тяги к особам своего же пола.

- Почему не пользовалась?

- У людей не принято любить тех, кто не может опылять для продолжения рода.

- Разумно.

- Наверное. Хотя мне кажется, что я почти влюблен в тебя, - вдруг сказал кедр, и кора его стала бордовой.

- Ничего, - усмехнулся я.

- Так вот, - наигранно серьезно продолжил мой новый друг, - когда фараона не стало, в городе началась вражда между семьей и жрецами. Одни хотели царствовать дальше, а другие хотели забрать власть. Мать же странной девочки обыграла всех. На третий день после возвращения с похорон она объявила о том, что у фараона есть младший сын, устроила пиры, которые длились несколько дней, и представила всем одетую мужчиной дочь.

- Ну и что?

- Людям было все равно. Им часто все равно, пока они сыты.

- А теперь что?

- Жрецы не сдались, они продолжали бороться с царствующим домом, подбивать людей на восстание, оскорблять нового важного человека и его мать.

- И?

- И фараонша оказалась с характером. Она уехала из старого города, перестала давать деньги жрецам, сама начала собирать дань с людей, собрав в своих руках все средства, приехала сюда и построила свой новый город, где ее все почитают и все делают вид, что она мужчина.

- А жена зачем?

- Так они любят друг друга.

- Но одна из них с ребенком внутри.

- Это от старшего брата. Они специально так сговорились, чтобы кровь семьи не умирала. Это мать их научила.

- Запутался я совсем.

- Ничего, это с непривычки. У людей, в принципе, достаточно примитивные отношения, все связано либо с властью, либо с ее отсутствием.

- Суета.

- Да..., - кедр снова качнулся в мою сторону и опять стал бордовой обычного.

10. Переселение

Невольно я заметил, что снова начал расти. Я тянулся вверх, но не к солнцу, а в сторону огромных расписных стен нового города. Во мне родилось неодолимое любопытство. Я поймал себя на мысли, что в течение стольких эпох я наблюдаю за людьми, но так и не составил себе никакого четкого мнения о нравах и традициях этих упорных животных.

Мне необходимо было иметь свое знание о тонкостях жизни людей, я просто устал слушать чужие пересказы. Я многие ветра, разливы и засухи видел перед собой термитник, но никогда не старался проникнуть во внутренние покои искусственно возведенного муравейника. Теперь же меня, словно жгучая соль, терзало и мучило любопытство. Я стремился вверх, силясь узнать

тайны, скрытые за стеной с другой стороны пруда, но видел только далекие плоские крыши строений, стоящих полукругом, окруженных зеленью и множеством монументов.

Снова мне повезло. Вновь какая-то странная сила, внимающая моим желаниям, пришла мне на помощь и устроила все так, как я хотел. Однажды вокруг меня собралось множество самых разных людей, которые быстро выкопали мои огромные корни, бережно уложили мой великий стан на землю, укутали веревками, словно коконом бабочки. Потом меня ласково втащили на доски с многочисленными колесами, а потом медленно и предельно осторожно повезли на смешной колеснице, запряженной десятками угрюмых волов.

Я помню, как мы объехали вокруг водоема и приблизились к разрисованным орнаментами из птиц, зверей и цветов стенам, как распахнулись огромные ворота, выкрашенные белилами, золотом и индиго. На меня удивленно воззрились стройные ряды финиковых пальм, аккуратно поставленные в большие глиняные кадки. За шеренгами этих самовлюбленных дур вырисовывались густые аллеи винограда, где-то за ними качали головами орешник, гранаты, тамариски и даже пушистые ивы. Я попал в самую гущу растительного рая. Между ворсистых стволов изумленных пальмочек, в низких резных подставках, радостно улыбались ромашки, розы, ирисы, маргаритки и прочие мелкие существа, считающие себя моими братьями, но не имеющие ни коры, ни времени для понимания. Но жизнерадостные цветы меня раздражали меньше, чем тупоголовые пальмы, которые искренне думают, что стоят со мной на одной ступени развития.

Меня проволоки до самого конца аллеи, потом развернули и потащили обратно уже с тыла виноградных зарослей, вдоль пустой неинтересной стены. В углу, на стыке двух каменных заборов мой огромный ствол долго разворачивали, пытаясь не потревожить растущие здесь жасмин и апельсины, наконец, сломав одно из деревьев, меня подтащили к небольшому боковому отверстию. Проход в стене оказался узким, поэтому оставив меня беспомощно лежащим на земле, люди начали безжалостно крушить кирпичную стену.

Стену ломали до вечера, торопились, и еще до заката часть меня оказалась во внутреннем дворе, где моему взору предстало идеально круглое озеро. С одной стороны искусственного водоема весело качал верхушкой кедр, а по другую сторону были расставлены кружевные каменные скамейки, гипсовые и мраморные изваяния львов, собак и неведомых мне чудищ и птиц.

Огромная, инкрустированная золотом дверь дома, с изображением солнечного диска, отражала свет по всему периметру двора, рассеивая мириады веселых зайчиков по всем уголкам. Вдоль широкой мраморной лестницы-крыльца красовались золотые полулюди-полульвы. У людей была тяга к желтому металлу, возможно оттого, что он напоминал им переливы солнечного света. И вдоль всех стен – высокие яркие кусты цветущего бугенвиллея. В общем, мне понравился этот живописный и ухоженный новый дом. Людям не удалось втащить все мое тело, поэтому часть моей кроны уперлась в забор, а часть купалась в воде озера, в то время как корни щетинились где-то в районе виноградных аллей.

Оказалось, что уложить мой исполинский остов на колеса было гораздо легче, чем вернуть мне вертикальное положение. Как ни старались суетливые люди, сил было недостаточно. Наступила ночь, меня облили водой и оставили до утра в неудобной позе.

Ночь была теплой, без привычного ветра. Кедр сказал, что ветров здесь бывает меньше из-за стен, которые охраняют этот красивый пруд. Я немного устал от впечатлений и новшеств, поэтому говорить много не стал, а с интересом сравнивал виды заснувшего неба и темноту никогда не спящей воды в озере. В глубине свежей воды поблескивали рыбы, на небосклоне мерцали звезды, мне стало спокойно и даже не одиноко.

Следующим утром, не успело появиться солнце, вокруг меня снова собрался муравейник людей. Они перекидывали окутывающие меня веревки через забор, а потом кто-то за этим забором начал мощно натягивать их, растягивая в струны. И они меня подняли. Подняли, а потом ухватились за мои корни и усадили в неглубокий, выдолбленный в камне колодец, оставив некоторые корни торчать над поверхностью цветастого мрамора. Колодец засыпали влажной землей, утрамбовали и, довольные, разошлись. Я устал, устал больше, чем от вчерашнего переезда. Веревки впивались в меня так глубоко, что оставили порезы и вмятины. К вечеру весь мой ствол был алым от невольно наворачивающихся слез.

На заре к пруду вышли три женщины - красивые, с массой украшений на головах, руках, ногах. Они пришли с сухими букетами веток, кусками материи и мисками с водой. Весело переговариваясь, женщины начали мыть мраморный пол двора.

Когда одна из них добралась своей мокрой тряпкой до моего угла, то в испуге отпрянула в сторону. Она застыла удивленно, не спуская с меня глаз. К ней подбежали подруги, которые тоже с искренним ужасом уставились на мое исполинское тело, приводя меня в смущение.

- У него кровь, - шепотом проговорила первая женщина.

- Какой ужас, - еле слышно ответила вторая.

- Правильно говорят жрецы, будет на наши головы наказание Амона, - хмуро сказала третья.

- Как страшно, мне страшно, девочки, что же с нами будет?

- С нами-то ладно, - сказала самая уверенная из всех троих, - а вот с ними, - она качнула головой в сторону дома, - с ними беда будет, точно говорю.

- Я сегодня обязательно схожу в храм, отнесу пару перепелок, пусть скажут, что ждет меня. Мой-то в налоговики подался, сказал, что только они теперь настоящей работой занимаются.

- Какая разница настоящая работа или нет, настоящая у тех, кто своими руками что-то делает, например, отец мой, - сказала опять самая деловая из всех, - а деньги и подати собирать с других, так это не настоящая работа.

- Понимала бы ты, - фыркнула обиженная жена налогового сборщика.

- Какой он страшный, - медленно, словно напевая, выговорила третья женщина, не отрывая взгляда от моей кровоточащей коры.

- Пошли отсюда, - сказала главная, - не наше это дело, их дом, их знамения, - и увела от меня своих подруг.

Небо стало светлым, я слышал, что солнечный звон уже пришел, я видел робкие тонкие пальчики солнца, цепляющиеся за край холма, я с восторгом наблюдал появление оранжевой макушки. Но двор оставался в тени и покое.

Из-за стен вокруг мраморного двора солнце высунуло свой смешливый курносый нос на несколько вздохов позднее обычного. Оно выглянуло и сразу прыгнуло внутрь, залив собой всю площадку. Мне понадобилось несколько дней, чтобы привыкнуть к новому ходу времени и к новому режиму встречи света.

К обеду, когда солнце уже шло к зениту, на площадку высыпали люди. Я не видел никогда так много сытых, лоснящихся, обвешанных многочисленными украшениями людей. Странно, но они показались мне даже красивыми, словно радужные бабочки. Вышли стройные темнокожие мужчины, выпорхнули нежные и гибкие женщины, появилась та - самая изукрашенная и почитаемая из жен, которую я видел некоторое время назад плывущей в коробочке по водной глади озера в компании другой женщины, выдающей себя за мужчину.

Она стала немного объемнее, но очень сверкающая и томная. Все остальные люди занимались только тем, что ублажали беременную красавицу. Одни создавали искусственный ветер,

обмахивая ее огромными крыльями на палках, другие держали напитки и воду на подносах, третьи звенели в ненавистные моему слуху сistrумы: там-там-там...там! Нескончаемо, нудно, тоскливо, но под это бряцанье несколько юных девушек синхронно двигались и раскачивались, будто в полудреме, сходясь и расходясь в круги, треугольники и звезды.

Наблюдать за этим танцем было приятно. Самая важная красавица, обложенная подушками, качалась на деревянной платформе на гладкой поверхности озера, лениво, словно кошка, прикрывая глаза. Наконец, звон папирусных колотушек надоел самой красавице, она остановила танцующих девушек и заставила мужчину петь. Он пел громко, аккомпанируя себе хлопками ладоней, пел быструю и, кажется, веселую песню, которая вызывала улыбки на лицах слушателей.

Затем пухлая и в возрасте длинноволосая женщина грудным голосом долго рассказывала бессмысленную историю о каких-то животных. Но люди слушали, кивали головами и были полностью согласны, что львы знают будущее, птицы возрождаются, а змеи решают проблемы власти на земле.

Потом появился фараон в окружении десятка полусогнутых мужчин, снующих вокруг него. Господа бездельничали до вечера, а потом исчезли в глубине раскаленного за день дома. Заиграл оркестр: свистящие трубочки, струны, колокольчики, колотушки и барабаны. Поплыли плавные звуки мелодий, волнами набегали голоса весело говорящих людей.

- Праздник, - сказал кедр.

- Хорошо, - ответил я, оттого что не знал, что ответить.

- У них либо праздник, либо слезы.

- Не густо.

Поздно ночью, когда я почти ушел в сладкий освежающий сон, из дома выскочили хохочущие люди и начали прыгать в воду, визжать и плескаться. Такая бессонная ночь мне не понравилась. Наутро я был сердитым и усталым.

- Часто ты так не спишь? – спросил я соседа.

- Бывает. Хорошо, что они вчера не запускали огни и не швырялись змеями.

- Да, мне повезло, - моя угрюмость сгущалась. Я начал сожалеть о своем любопытстве, о переезде поближе к людям, о потере покоя и свободы.

Через некоторое время я понял, что женщины этого дома живут не так, как должны жить животные. Они спали до полудня, бездельничали до вечера, шумели до ночи, а ночью долго не могли успокоиться и заснуть. Удивительно, но ни одна из этих важных красавиц не обращала на меня ни малейшего внимания, словно и не нависала над мраморным двором великанская шапка моей кроны.

Похоже, что эти существа занимались только собой, а все остальное вокруг воспринималось ими, как должное и обязанное им служить.

Однажды, когда две красавицы, по заведенному обычаю, раскачивались на воде, та, что изображала мужчину, сказала беременной:

- Завтра приедет мама.

- Как я не люблю ее, она такая ехидная, - тут же лениво протянула подруга.

Женщина-мужчина хмуро заметила:

- Тебе рожать скоро, а в храм только женщин пускают, я теперь не могу там появиться, поэтому обряд будет проводить она.

- Почему ты не можешь? Подумаешь, разве ты не фараон, - здесь беременная красавица усмехнулась и нежно тронула пальцем кисть подруги.

- Как тебе не стыдно, - с укором, но уже мягче ответила фараон, - если бы не моя мама, то прятались бы мы с тобой, как при моем отце. Разве нет у тебя благодарности?

- Есть..., но есть и разум. Она выставила тебя фараоном не потому, что так любит нас, а потому, что сама не могла стать царствующей вдовой, а власть терять не хотела. Не нужно приукрашивать то, чего нет.

- Ты бываешь несносной. Откуда в тебе столько желчи?

- Никакой злобы, мой обожаемый супруг, - снова с усмешкой пропела красавица, - только расчет и нежелание верить в доброту без мотива.

- Ты просто ревнуешь и завидуешь.

- К кому же это?

- К матери.

- Конечно, ты прав, мой фараон, я ревную и завидую, - она перевернулась на другой бок и добавила, - знаешь, у меня начали отекать ноги, и болит вот здесь, - она погладила его рукой свое выгнутое полумесяцем бедро.

- Как я тебе завидую, - сказал фараон.

- Ну же, любимый, что так?

- Ты будешь матерью, а я никогда не смогу.

- Почему?

- Ты шутишь?

- Разве, похоже?

- Я теперь заперта в этом ужасном образе мужчины ради вашего с мамой процветания.

- Ах ты, страдалец, - засмеялась красавица. После паузы она тихо заметила:

- Фараон от бога, он может делать все, что считает нужным. Хочешь иметь детей, имей, кто поднимет голос против этого? Скажем, что я родила, разве не поверят?

- Ты сумасшедшая.

- Немного, поэтому единственная.

- Жрецы в ярости, что я забрал у них право собирать налоги и запретил приносить жертвования в их храмы.

- Не бери в голову. Где были эти толстые морды, когда солнце отвернулось от нас? – с резкой агрессией, повысив голос, уставив широкие, горящие злобой глаза, спросила женщина.

- Но именно град небесный и поворот солнца дал нам с тобой свободу и власть, - мягко проговорил фараон.

- Чепуха!

- Что ты так злишься? Тебе не стоит так нервничать, ты можешь испугать малыша.

- Пусть и ребенок помнит, что жрецы чуть не сгубили нас с тобой. Или ты забыл?

- Не забыл, - глухо отозвался фараон и опустил глаза.

- Я без дрожи не могу вспоминать тот вечер! Если бы они не устроили нам такую экзекуцию, возможно, сейчас я бы простила их и позволила бы им жить и кормиться в храмах, как это было со времен Изиды. Но теперь я не прощу!

- Хорошо, перестань. Я все помню.

- Нет, как можно было двух маленьких детей, двух несмышленных девочек, за волосы, словно крысят, как можно, чтобы на коленях? Ты забыл, как нас били? Забыл, как твой отец смотрел и молчал? Забыл, как нас везли в ящике, будто прокаженных, в дальний дворец? А за что?

- Чего ты завелась? Я сказал, что помню. Потом тебя забрали, насколько я помню, домой, так что мне больше досталось.

- А помнишь, как они прижигали нам пятки, чтобы изгнать из нас дух Сета? Что мы могли сделать в 9 лет? Как они могли? Я до сих пор чувствую эти ожоги. А эта чудовищная свадьба, которую они устроили? Эти уроды, которых они собрали со всех храмов? Ты лица этих людей помнишь? Как мне было страшно... Все смеялись, все тыкали в нас пальцами, словно, мы самые отвратительные исчадья, каких Анупис когда-либо выпускал из своего чрева.

- Хватит! Я помню. Но мама же защищала нас...

- Да, не спорю, она защищала... в отличие от моей. Хорошо, - сказала красавица, - я знаю, чего ты ждешь от меня, и говорю: я рада приезду твоей мамы и буду сама любезность с нею. Да, она любит тебя и не предала еще ни разу.

- Вот и отлично, - с облегчением проговорила фараон и одарила супругу долгим поцелуем.

- Я устала, - снова спокойно пропела женщина, и они отправились в дом.

А я подумал, как можно устать от качания на воде? Но вдруг понял:

От безделья устаешь сильнее всего.

11. Это люди

Несколько дней в наш дворик выбегали только женщины: полировали золотые фигуры львов, мыли полы. В самом доме стояла непривычная тишина: ни ночью, ни днем там не пели и не танцевали.

Ко мне снова вернулось созерцательное расположение духа. Созерцать было особо нечего, разве что, жуков и бабочек, которые иногда заглядывали из большого соседнего сада в наш двор. Я начал скучать и оглядывать округу.

Возвышаясь над оградами, я, с одной стороны от себя, мог видеть наполненную до краев реку. Отсюда ее воды казались темно-синими и чистыми, но я помнил неприятный вкус этой воды.

С другой стороны, за садом с пальмовыми аллеями, видны были глиняные и каменные дома, колоннады, колодцы, небольшие постаменты с монументами в виде солнечного круга, широкая дорога, еще сады и несколько искусственных прудов и озер.

По дороге ездили и ходили люди, на небольших площадях днем всегда было многолюдно, во дворах домиков бегали дети и животные. Я наблюдал за жизнью людей, и жизнь эта показалась мне счастливой: дни проходили в спешке и заботах, они уставали, но вечерами весело отдыхали, любили, ссорились и мирились.

Такое количество эмоций, какое переживали люди за один-единственный переход солнца от восхода к закату, не смогли бы выдержать ни волк, ни коршун, ни даже дерево-исполин. И зачем им понимание смысла жизни и счастья?

Эти медленнотекущие процессы не успевают даже крылом накрыть их сознание – так быстро для людей наступает ночь - временная или вечная.

И вот, в одно солнечное утро, двор был украшен огромными букетами цветов; из дома вынесли десятки курительниц с маслами и травами, выпустили надутых-важных крикливых павлинов, натерли до блеска носы львам, зеркально отполировали пол, принесли кружевные клетки с маленькими щебечущими птичками. Все затихло.

Потом двор наполнился широкоплечими, блестящими мужчинами. Они выстроились вдоль всех стен и замерли, сложив руки крестом на груди. Затем вынесли на плечах огромное золотое кресло. В кресле восседала сытая холеная женщина, укутанная в сверкающие пунцовые материи и увешанная украшениями, словно дерево плодами.

Несколько молодых темнокожих мужчин окружили поставленное посреди двора кресло, соорудив над ним навес из огромных опахал. Совершенно юные мужчины, преклонив колени, замерли в неудобных позах по бокам от кресла, держа на согнутых руках подносы с яствами и напитками.

Вся церемония появления новой женщины во дворе дома была похожа на выползание длинного питона из дупла: он показывается из отверстия, скользит по стволу головой вниз, и тянется, тянется, тянется ..., вызывая любопытство – а есть ли вообще у него кончик хвоста?

Появились женщины. Они грациозно расположились на ступенях крыльца, скамейках. Мужчины, одетые в коричневые с золотом кожи, вынесли два тяжелых кресла, с ножками в виде золотых львиных лап и мордами этих хищников на подлокотниках. Высокие спинки кресел украшали солнечные диски. На сиденьях лежали алые подушки.

Следом выплыли одинаковые, черноволосые, в полупрозрачных одеждах жрицы, опутанные сонными и усталыми змеями.

После этого был выход фараона и его тяжелой беременной супруги, которых важно усадили в принесенные кресла. Три сидящие женщины, оказавшись друг против друга, торжественно замерли, не двигаясь. Систрумы какое-то время еще нервировали тишину, а потом синхронно, на сильном «там», умерли.

- Да, здесь лучше, - сразу, оборвав тишину, проговорила женщина в золотом кресле.

- Здесь не так жарко, - ответил ей фараон.

- Так, еще раз повторяю, что ваше невнимание к происходящему может плохо закончиться.

- Мама, какое невнимание? Мы все знаем.

- Я несколько не сомневаюсь, что вы все уже сами знаете, что советы вам не нужны ...

- Мама, - хотел что-то сказать фараон, но женщина властным жестом остановила его.

- ...только не забывайте, что я даже не ваш друг, я твоя мать, мало того, я уже достаточно многое видела в этой жизни, чтобы понимать, на что следует обращать внимание, а что можно и опустить. Сейчас, я вам говорю, ситуация накаляется, и если ты, - она вытянула длинный палец в направлении лица фараона, - не примешь меры, то очень скоро у стен города будут стоять армии тупоголовых крестьян и купцов, за спинами которых будут нашептывать проклятия жрецы.

- Мы знаем это, мама, - мягко проговорил фараон.

- Я уверена, что вы знаете. Понятно, что я вам уже не нужна, и слушать меня стало теперь мучительно, я это вижу по вашим лицам.

- Ну, что ты говоришь, мама?

- Я говорю то, что вижу.

- Мы уже начали платить армии из нашей казны. Мы учредили новый налоговый департамент, мы почти закончили строительство храма Солнца и ведем активную работу среди подданных, разъясняя им, что если они не поклонятся Атену, то нас снова постигнет град небесный и накроет вечная мгла.

- Да, я слышала ваших говорунов: отвратительно, слабо, безвольно. Все воздействие их речей рассыпается в пух и прах, как только на площади появляется любой красноречивый жрец: он легко высмеивает и разрушает аргументы ваших глашатаев. А знаешь, почему жрецы так легко справляются с вашими просветителями?

- Нет...

- Потому что жрецы гораздо лучше знают струны душ человеческих и умеют играть на них. Специально запугивают людей, едва не с самого рождения, и потом отлично пользуются этими страхами, живущими в голове любого человека. Вечное небытие, войны, неурожаи – все это предрекается людям, если те забудут Анубиса, отвернутся от Секмет или ослушаются указаний жреца...

- Но это глупо, все видели, что, когда солнце решило оставить нас, оно не дошло до середины неба и не стало Амоном. Любой сколько-нибудь разумный человек понимает, что не Амон отвернулся от нас, а Атен.

- Ты, мой царствующий ребенок, забываешь главное: неважно Амон или нет, важно, что твои новые жрецы не имеют никаких рычагов воздействия на людей. Посмотри на них, - мать обвела взглядом неподвижные фигуры свиты, - посмотри на них... Ты считаешь, что без страха быть выпоротыми или забитыми камнями, они бы сейчас так послушно служили тебе?

- Знаете, - резко вступила в диалог беременная красавица, - не всегда политика страха и унижения приводит к благим результатам. Нас, как вы помните, тоже пугали и унижали, разве это сделало кого-то послушнее?

Женщина в золотом кресле только выше подняла голову, но свой ответ адресовала фараону, словно и не услышала вопрос красавицы:

- А за артистами и зодчими вы следите? Вы видели эти картинки и слышали песенки, которые начали распевать в городах и деревнях?

- Какие именно? – спросил фараон, положив свою руку на руку супруги.

- Какие? – вскинула надменно брови женщина в кресле:

- Картинки с изображением фараона с женской фигурой, например. Картинки портретов фараона с карикатурно вытянутой челюстью, но женскими бердами? Песенки о двух гибридах, которые словно двуполые улитки, сами себе и муж, и жена?

- Улитки? – спросил фараон.

- Да, представь себе, улитки. Не отвлекайся на мелочи, я говорю о важных вещах. Если вы не пресечете подобные смешки и намеки, то никто, даже самый последний раб, не будет воспринимать вас с подобающим уважением и почитанием!

- Так ты хочешь, чтобы мы...

- Я считаю, - тут она демонстративно и с вызовом чуть склонила голову в сторону супруги фараона, - что вам следует провести несколько громких процессов над жрецами, утихомирить особо талантливых мастеровых, отрубив им ручки и посмотреть, какие из богов согласятся защитить их от гнева самого фараона!

Фараон только тяжело и глубоко вздохнул. Мать подождала ответа, потом нетерпеливо, сердито щелкнула пальцами, и вся первая группа людей пришла в движение.

Носилки подняли, фигуры с подносами подскочили и выстроились за спинами мужчин с веерами, солдаты отделились от стен и встали колоннами перед высоко поднятым креслом. Свита фараона и царицы тоже пришла в движение. Фараон встал, низко поклонился вознесенному к небу золотому трону, подал руку супруге. Беременная женщина поднялась, кивнула только фараону и скрылась в доме. Женщины последовали за ней, а мужчины быстро унесли в дом тяжелые кресла.

- Мама, ну что ты сердишься? – сказал фараон, высоко поднимая голову, чтобы видеть лицо матери.

- Ничего, - громко отчеканила мама, - такое впечатление, что это мне нужно заботиться о вашей сохранности и о порядке в стране. Вы же умеете только кривить губки... и даже не прощаетесь, когда уходите!

- Ты понимаешь, что ей тяжело?

- Я не понимаю... Поставьте! – кресло опустили на землю. Солдаты снова прилипли к стене, подносы зависли по бокам кресла:

- Я позволю себе заметить, что родила не одного ребенка, имею опыт управления страной и при этом умудряюсь контролировать свои эмоции, оставаясь в рамках приличия!

- Мама, пожалуйста, не ругайтесь вы друг с другом. Завтра будет церемония в храме, а как ты будешь ее вести и просить здоровья и долголетия нашему первенцу, если у вас у обоих такое враждебное настроение?

- У меня нормальное настроение. Но я имею право требовать к себе то отношение, которое я заслужила, будучи вдовствующей царицей, матерью фараона и принцессой по крови!

- Вот этим ты и обижаешь ее...

- Вот как?!... Я обижаю твою капризную и неблагодарную супругу тем, что напоминаю ей о разнице в происхождении?

- Как я устал от всего этого...

- Это я устала... Пусть над вами смеется весь мир, мне надоело. Не хотите слушать, молитесь, чтобы ваш Атен протянул вам руки защиты. Только, дорогой мой ребенок, я не верю в помощь богов, если сам человек в бездействии!

Она снова щелкнула пальцами, кресло подлетело вверх на плечи носильщиков, солдаты выстроились в колонны и четким шагом покинули двор.

Фараон медленно, рассеяно подошел к воде, долго разглядывал свое отражение в неверной глади озера, потом едва слышно всхлипнул и уронил несколько дожинок на мраморный пол.

Я чувствовал, что эта женщина в мужском наряде слаба и страдает. Она напомнила мне порхающую стрекозу, которую заперли в теле тяжелого жука-навозника. Она рвется летать и радоваться, а ее заставляют ползать и толкать перед собой огромный вонючий ком.

Она впервые подняла огромные черные глаза на мой могучий ствол, задержала взгляд на красных, едва зарубцевавшихся ранах, а потом встала и, сутулясь, медленно пошла к дому. Задержалась на секунду у входа, выпрямила спину, неестественно высоко вскинула голову и стремительно вошла в огромный дверной проем, будто прыгнула в кратер кипящего вулкана.

Вечером было тихо. Воздух остыл резко, сразу. Капли воды забарабанили по двору неожиданно и тяжело. Песок, принесенный ветром из пустыни, грязными пятнами растекался по белому мрамору. Зелень деревьев покрылась желтоватым налетом пыли, поблекли и грустно опустили головки цветы. Нас с кедром ветер

.кусал только за верхушки, нижние же части стволов намокли и блестели от удовольствия. За одну ночь природа стерла все следы заботливой людской уборки.

***Все рукотворные красоты так же
мимолетны и бессмысленны для земли
и неба, как и само существование
суетливого человека.***

Они просто корм, питательная среда, но страждущая и надеющаяся. Так странно...

12. Праздник

Едва показалось солнце, город проснулся. На улицах появились котлы, в которых пузырился и пенился кисло-сладкий напиток. Из дворца выдвинулась пышная процессия, сопровождающая массивную золотую колесницу с белыми лошадьми. Лошади были украшены расписными попонами, перьями, лентами, на ногах у каждой сверкал тяжелый золотой браслет.

Люди, идущие впереди и позади замечательной колесницы, были одеты в белые ткани, а в руках несли белые лотосы или золотые тарелки с фруктами.

Шествие проследовало вдоль пальмовой аллеи за ворота дворца и по широкой дороге, обрамленной с обеих сторон плотной толпой зевак, медленно направилось к жертвенным алтарям, возле которых уже выстроились женщины и мужчины - во всем белом.

Как только процессия остановилась, женщины вскинули сistrумы и заиграли, а мужчины хором затянули длинную немзыкальную песню. На алтарях задвигались жрицы, собирая принесенные дары и укладывая их на возвышениях под острыми лучами золотых солнечных дисков; закончив сбор даров, склонили колени и усердно забормотали молитвы, обращенные к богам.

Из колесницы вынесли уже знакомое мне золотое кресло с женщиной, сидящей прямо и в таком белоснежном одеянии, что вершины гор зимой показались бы серыми рядом с нею, и внесли в здание, своды которого покоились на исполинских колоннах. За носилками матери фараона в здание проследовали только жрицы и женщины с сistrумами. В это время из дворца выехала новая процессия: черные кони везли черную, инкрустированную золотом и камнями колесницу; за ней следовали мужчины и женщины в черных и красных одеждах, несущие огромные изображения солнца, тарелки с круглыми желтыми лепешками, букеты цветов подсолнуха и снопы желтых колосьев.

Они проследовали той же дорогой, остановившись у алтарей, вынесли на носилках беременную красавицу и скрылись в доме с колоннами. На улице люди вскинули руки к небу, радостно прокричали что-то солнцу и разошлись.

А над городом сгушалось кисло-сладкое облако кипящего в котлах напитка. К обеду раскаленный солнцем воздух стал таким насыщенным и густым, что один вдох уже опьянял и дурманил голову.

К вечеру обе процессии вернулись во дворец. В небо над моей головой взлетели шипящие факелы, они разрывались с шумом и падали вниз огненными цветами. На улицах и площадях зашумели люди, заиграла музыка, забили барабаны. Люди пили сваренный пенный напиток, пели и танцевали до самого утра. Но чем больше они пили, тем хуже слушались их ноги, чем дольше они веселились, тем агрессивнее и угрюмее становились их лица. Мне не понравился этот праздник. За внешней радостью я чувствовал в людях раздражение и злобу. Нет, они не знают счастья, они пытаются его изображать, но изображают неуклюже, нескладно.

У них нет понимания, что радость — это не действие, а покой.

После праздника прошло несколько дней, дней опустошенных и грустных. Я не знаю, как люди определяют, что и когда они должны делать, но снова в один из зенитов вокруг моста с арками собралась огромная стая людей с цветами и зернами. Они собрались и замерли. В самый полдень из дворца вышли трое и позади них многочисленная свита. На огромной внутренней

площади второй части дворца, что была через дорогу от моего двора, по кругу были уставлены резные статуи богов.

Между ними красовались пальмы и стриженные акации. В центре журчал фонтан в виде двух грациозно изогнутых девушек, с корзиной фруктов на плече у одной и с солнечным диском на ладонях другой. Процессия пересекла площадь, и вошла на мост, который соединял оба наших дворца.

Фараон держал на руках закутанного в кисейные материи ребенка. Его супруга, счастливая, шествовала рядом. Следом несли золотое кресло с матерью. Я понял, что женщина в кресле никогда не пользовалась своими ногами, она всегда сидела. Когда люди, стоявшие на дороге под мостом, увидели появившихся важных людей, то в небо взлетели цветы, зерна, радостные крики. Фараон высоко поднял ребенка, а мужчины и женщины из свиты принялись бросать вниз звенящие монеты. Собравшиеся внизу азартно хватали падающие на них блестящие кружочки, хохоча и радуясь. Эта игра продолжалась недолго. Фараон и его супруга первыми покинули мост, за ними унесли женщину в кресле, а затем удалилась свита. Люди еще некоторое время играли в поиск монеток, разлетевшихся по всей дороге, а потом разошлись. На опустевшей площади остались только увядающие цветы и россыпи разных семян и зерен.

А в доме начался пир. Съезжались гости, один другого красочней и важнее. До самой темноты по широкой дороге проезжали пышные коляски. Отгоняя ночь, пугая звезды, факелы ярко освещали каждый уголок роскошного жилища фараона и сад. Поздно ночью

из дома выскочила веселая женщина, за ней - грузный мужчина. Сначала обоим было весело, они плескались в воде и смеялись, но потом мужчина странно засопел, а женщина вдруг перестала смеяться и как-то прерывисто начала всхлипывать. Мужчина посопел и молча ушел, а женщина, будто в прострации, еще оставалась какое-то время сидеть в бассейне, перед тем, как весело убежать обратно в дом.

Люди оказались противоречивыми и взбалмошными. Скорость перемен их настроений подобна мигу пролетающей звезды. Уловить причины этих резких изменений для меня, медленно живущего, было невозможно. Пока я раздумывал над одним человеческим действием, стараясь вникнуть в смысл его и цель, оно сменялось другим - противоположным по смыслу, путая все логические цепочки моих умозаключений. Дом гудел до утра, но я уже утонул в густом желе снов, где плавала картинка колыбели, затерянной в горах, а в глубине сознания и как будто на вершине снежной горы смутно звучали музыка и голоса пирующих.

- Мама, я с огромным вниманием отношусь ко всем твоим советам, - говорил фараон, следуя сбоку от золотого кресла, которое несли на плечах к озеру уже знакомые мне силачи-мужчины. Был яркий день, и я окончательно очнулся.

- Поставьте и идите,- сказала женщина в кресле. Ее трон установили возле воды, за креслом выстроились люди с опахалами, но женщина была раздражена:

- Идите все, прочь! – и вся многочисленная свита скрылась внутри дворца. - Нигде нельзя укрыться от любопытных ушей!

- Подойди ко мне, девочка моя, - сказала мать другим голосом - мягко, ласково. Брови фараона вздрогнули, лицо стало беспомощным, детским, он подошел к сидящей женщине и опустил перед ней на колени. Мать с глубокой нежностью провела рукой по щеке своего ребенка, внимательно вглядываясь в глаза дочери, а потом тихо, почти шепотом, проговорила:

- Я не хочу, чтобы из-за амбиций твоей любимой, нам с тобой снесли головы....

Фараон опустил глаза.

- Не нужно прятаться, это не поможет, дорогая моя, - сказала ей мать, приподнимая рукой подбородок своего детеныша, - если ты не начнешь действовать, то наступит хаос.

- Как действовать, мама?

Но мама продолжала свою мысль:

- Хаос уже наступает: уже рисуют карикатуры, на которых вас катают обезьяны, вместо лошадей. В памфлетах тебя высмеивают, как уродца – гермафродита... На дорогах появились бандиты, налоговые сборщики доводят людей хамством и воровством до возмущения, уже соседние царства выражают недовольство ситуацией на наших землях...

Фараон поднял глаза на мать:

- Что ты имеешь в виду? Ты уже говорила все это, почему ты повторяешь и повторяешь...

Мать вздохнула:

- Вместо того, чтобы заниматься делами страны, ты валяешься на подушках со своей любезной! Да, я говорила! Но я приехала сюда, хочу напомнить, еще две недели назад. За это время я приняла роды, приветствовала делегации послов и наградила твоих ставленников. А что сделала ты? Чем заняты твои дни? Я видела тебя только вечерами, когда вы, наконец, являетесь в колонный зал, чтобы веселиться. Я вообще не понимаю, как женщина, которая только-только стала матерью, так мало времени проводит с ребенком, но так много ночей отдает пирам и увеселеньям? У нее в голове нет ни одной серьезной мысли! Она с детства такая: только она, только ей, только вокруг нее.

- Почему ты так ее ненавидишь, мама?

- Потому что я не уверена, что она любит тебя, понимаешь?

- Да сколько же ей доказывать свою любовь?

- Что значит сколько?

- Вы со дня той клоунской свадьбы мучаете нас насмешками.

- А почему мне не мучить? Разве это ты была виновата в том, что вас поймали в саду тогда?

- Никто не был виноват...

- Ты так считаешь? – ехидно переспросила мама, - нет, моя девочка, уже после безобразного разбирательства, после твоей отправки из Фив, я узнала, что именно ее папаша, этот жабообразный визирь, подстроил весь этот скандал. Возможно, и супруга твоя была хорошо выдрессированной куклой! Я склонна считать, что ее отец подговорил жрецов выловить вас и притащить на глаза фараону. А что, скажи, нам оставалось делать? Ты даже не знаешь, как переживал твой папа...

- Я не заметила его переживаний, - хмуро сказал фараон и отвернулся от матери.

- Зря ты так, - мягко продолжила мать, - он переживал. Но, когда ты несешь на себе бремя власти, ты не можешь поддаваться эмоциям, как любой смертный. Если твоего ребенка обвиняют в рукоблудстве и одержимости пороками Сета, то ты не можешь закрыть глаза на это. Вся страна восстала бы тогда. Не суди строго отца, он уже наказан: даже солнце пошло вспять, устав от его жестокости.

- Вот именно...

- Но я не об этом тебе толкую, солнце мое славное, доброе, - мать снова повернула лицо дочери к себе, - я прошу тебя быть осторожнее, понимаешь? Я не верю твоей возлюбленной. Она может оказаться частью плана ее отца, стремящегося добраться до власти. Тебя с ней обвенчали, пусть унизительно, пусть жестоко, но вас поженили. Я объявила тебя фараоном, хотя все знают, что ты не мужчина, но все пока молчат, а визирь Эйе теперь законно

считается отцом царствующей супруги фараона... Он у тебя теперь главный министр и главный советчик...

- Никакой он не советчик, мама!

- Да? Ты думаешь, что твоя глупая самодовольная супруга принимает решения по своему разумению? Это ей пришло в голову разругаться со всеми жрецами?

- Я сам так хочу, - фараон сделал паузу, а потом по-детски радостно и быстро добавил, - да и ты требуешь устроить над ними показательный процесс!

Мама только грустно покачала головой, огорченная неразумностью собственного дитяти.

Фараон, сердито надув губы, обиженно добавил:

- Да, я сам решил, что не прощу им своей обиды, и я не успокоюсь, пока вовсе не искореню это лживое племя.

- Сам ли? Ты понимаешь, что отнять полностью власть у храмовых служителей, которые веками контролировали мысли всего населения, по меньшей мере, рискованно?

- Но я обижен на них...

- Глупости! Это не ты обижен, а ее отец! Обижен на них, потому что они отвергли его из-за недостаточной чистоты крови и помыслов. Однако, он нашел способ добраться до вершин власти, не будучи

отпрыском королевских корней! Он - ядовитая змея, и дочь его такая же!

- Мама! Я не могу больше терпеть это! Я тебя люблю, я ее люблю, за что вы мучаете меня?

- Ты ее любишь, о, несчастная моя девочка с удивительным пороком! Я вижу твою привязанность к женщинам, как результат твоей глубокой любви ко мне. Но я не верю твоей избраннице и не хочу, чтобы ты слепо веряла ей свою жизнь и будущее. Ее семья вьется вокруг тебя только из желания быть наверху.

- Так чего ты хочешь? - уже раздраженно и растерянно воскликнул фараон. - То ты требуешь действий, то ты советуешь быть терпимее, я не успеваю!

- Тебе нужно научиться быстро реагировать на изменения в политике, солнце мое ясное, - терпеливо и мягко проговорила мать. - Да, казнить пару жрецов следовало бы..., но это было вчера. Сегодня ситуация уже изменилась, пока ты пировал. Теперь тебе нужно суметь договориться с Марке...

- С этим нахальным...

- Не ругайся, услышат, - остановила его мать.

- Ну и что? Мне бояться Марке? Его-то я и принесу в жертву Атену.

- Перестань, - рассердилась женщина в кресле, - какую жертву? Что ты несешь? Тебе надо понимать, кто имеет влияние в стране и в соседних царствах, тебе нужно будет научиться ладить и дружить с

такими людьми, заручаясь их поддержкой, тебе следует научиться выжидать правильный момент, чтобы избавляться от соперников, и все это нужно понять, как можно скорее.

- Я не пойду на договор с ним!

- Тогда ты проиграешь, а этим ты навлечешь беду не только на себя и свою супругу, но и на меня, и на нашу малютку.

Эти слова заставили фараона задуматься. Мать продолжила:

- На данный момент было бы идеально сделать вид, что хочешь начать переговоры со жрецами из храмов Изиды и Атона. В переговорах может участвовать и хитрый прохвост – Эйе. Ему тоже следует понимать, что в случае восстания, голову снесут не только его недалекой дочери, но и ему, как верховному жрецу нового храма.

- А зачем так сложно, мама?

- Затем, что тебе очень нужно потянуть время.

- А то что?

- Судя по намекам, услышанным мною у вас в доме от послов, гостей и твоих знатных нахлебников, в Фивах и других больших городах стало очень беспокойно. Кажется, что еще день – два, и к воротам твоего дома придут армии озлобленных людей, подстрекаемых Марке и его жрецами.

- Ну, как придут, так и разойдутся...

- Не нужно так легкомысленно относиться к мощи толпы. Никакая армия не справится с народным восстанием, особенно, если оно началось на почве религии. Тебе нужно завтра же отправить Эйе с письмом к Марке и начать переговоры. Пусть они торгуются, кто в каких храмах будет служить, кто будет собирать налоги и подати, а ты дашь займы деньги, которые у тебя просит Тушратта, царь Митании, и за это потребуешь военной поддержки.

- Ты хочешь, чтобы к нам на землю пришла война? – с ужасом спросил фараон.

- У меня сил иногда нет от твоей глупости, - уже не сдерживаясь и не стараясь быть вкрадчивой, отчеканила мать, - я же объясняю тебе, что именно ради предотвращения войны и восстания, важно показать всем, а особенно Марке и его прихвостням, что у тебя есть не только новая профессиональная армия, но и поддержка соседей! Чем ты слушаешь, скажи, пожалуйста?

Фараон втянул голову в плечи и молча потупил глаза.

- Марке не имеет никаких связей за границами страны. Но это пока. Тебе нужно успеть заручиться поддержкой соседей, всем разослать подарки и приглашение на крестины дочери, отвлечь внимание жрецов переговорами о совместном управлении храмами, а уже потом нанести удар и покончить с самыми непокорными священниками.

- Как ты все запутано придумала...

- О чем ты опять думаешь? Ты будешь хоть сколько-нибудь серьезно относиться к происходящему? Ты запомнила, что я тебе говорю?

- Запомнила.

- Повтори! – приказала строго мать.

Только фараон открыл рот, как во двор вышел пожилой мужчина, закутанный в простой бежевый плащ, он, согнувшись почти до земли, приблизился к золотому креслу и обратился к матери, а не к фараону:

- Царствующая, солнцеподобная мать нашего фараона, позвольте сообщить о прибытии посла от царя Вавилонского..., - тут он совсем упал на землю и застыл.

Мать посмотрела на своего ребенка, который уже встал с колен, и жестом разрешила обоим уйти.

Двор заполнился обычной свитой, заиграла тихая музыка, появились напитки, фрукты, вкусно пахнущие изделия из злаков и тянущиеся сладости.

Гордо выплыла из дворца красавица-супруга со своей свитой. Старая и молодая женщины нарочито любезно заулыбались друг другу.

- А где же наша новорожденная принцесса? – неумело сюсюкая, сказала мать фараона.

- Спит, моя госпожа, - ответила супруга фараона и чуть поклонилась.

- Как я счастлива, что она родилась здоровой...

- У вас были сомнения? – вскинула надменно брови молодая мама.

- Жаль, что не сын..., - задумчиво продолжила свою мысль сидящая в кресле женщина.

- Не все сразу...

- А что с послем? – женщина в золотом кресле не хотела держать паузу, ей было неуютно в одной компании с этой высокомерной, но безродной красавицей.

- Жалуются.

- Неужели? – слишком возбужденно воскликнула мать фараона.

Красавица томно вздохнула, улеглась на заваленную подушками ладью и, раскачиваясь на тихой воде озера, лениво ответила:

- Купцов, якобы, ограбили...

- И? – пожилая женщина явно начала раздражаться.

- И... Просят, чтобы деньги вернули, грозятся прекратить с нами всякие сношения, - супруга фараона демонстративно зевнула.

- Прекратить? И что, он даст денег?

- Да, не знаю я, какая мне разница? – теперь уже обе женщины не скрывали неприязни друг к другу.

- Конечно, зачем интересоваться положением в стране, когда можно спать целыми днями и развлекаться ночами!

- Вот именно, - ехидно ответила супруга фараона, - интересоваться политикой удел тех женщин, для которых время других интересов вышло.

- Жаль, что время глупости и лени всегда стоит на месте!

- От лени еще никто не умирал, а от глупости только сохраняются дольше, чего о политиках не скажешь..., - красавица уничижительно оглядела сидящую в кресле женщину с ног до головы.

Мать фараона сделала нетерпеливый знак рукой, и вся ее свита зашевелилась, засуетилась и быстро унесла кресло внутрь дома.

- Учит она меня, - сказала вслух красавица, - ведьма безногая.

Во дворе воцарилось напряженное, грозное молчание.

- Ты почему налила вино ей, а мне не предложила? – вдруг зло спросила красавица.

Одна из сидящих на берегу девушек вздрогнула, упала на колени и залепетала:

- Не гневайся на меня, царица солнечная, божественная и великолепная! Вдовствующая мать фараона обратилась ко мне, я и подала ей бокал.

- К тебе на улице попрошайка обратится, ты тоже служить кинешься?

Девушка еще ниже припала к земле, буквально уткнув лицо в пол.

- Высечь эту дрянь, - снова лениво и равнодушно проговорила супруга фараона, - и прочь ее, не хочу видеть больше.

Двое мужчин отделились от стен, подошли к павшей ниц служанке, подхватили ее под руки, разорвали легкую материю, обнажив все прелести молодой девушки. Потом один из полуголых мужчин вытащил из-за пояса кожаный кнут и начал стегать им несчастную служанку. Она визжала, кричала, извивалась: после каждого удара ее тело истекало такими же красными соками, как моя кровь, выступающая из трещин в коре. Царственная красавица равнодушно созерцала экзекуцию, иногда лениво поглаживая локоны на лбу, но пощадить кричащую от боли служанку не захотела. Когда исполосованное тело унесли, красавица неожиданно заипела на всех оставшихся во дворе:

- Еще хоть кто-то посмеет перепутать, кто для вас царь и бог, отправлю всех на каменоломни, - потом закрыла глаза и щелкнула пальцами. Встали музыканты, и по двору разлилась грустная тягучая мелодия, рождающаяся в изогнутом дугой инструменте с натянутыми струнами.

Меня привлек шум за стеной дворца. На улице собиралась толпа, люди указывали пальцами в сторону ворот города, чего-то ждали. Я не мог рассмотреть, что именно приближалось к стенам города: мне мешали рваные веера пальм и стены дворца. Люди на широкой дороге города вытягивали шеи, сажали себе на плечи детей, перекикивались и передавали друг другу новости.

Наконец и мне удалось узреть диковинное шествие. По большой дороге, поднимая пыль и вызывая всеобщий восторг, шли два огромных слона. За ними вели буйволов, которые тащили плетеную клетку с бурым медведем. Медведь вызвал во мне такие ностальгические воспоминания, что я даже заскрипел. За медведем несколько полуголых людей тянули за веревки упиравшегося молодого жирафа. За ним волокли несколько оленей, страусов и детеныша носорога. Свободолюбивых и понимающих животных палками загнали в дом напротив. Там во дворе, среди апельсиновых деревьев, были уже подготовлены загоны и металлические камеры.

Жираф совершенно потерял контроль над своими эмоциями, он раскачивал шеей, пытаясь освободиться от опутавших его веревок, отбивался от наседавших со всех сторон людей, содрогался от бьющих по ногам палок. Он еще боролся, а медведь был уже вялым и потерявшим надежду на счастье. Он забился в угол тюрьмы, грузно распластавшись на полу.

- Умрет скоро, - сказал я.

- Кто? – удивился кедр.

- Медведь.

- Какой медведь? – удивился мой сосед. Бедный кедр мог видеть только соседний двор, где щетинились пальмы и росли маслины и виноград, и уставленную лодками реку.

Пришлось мне провести остаток дня в рассказах о новых страдальцах этого города. Кедр слушал, качал верхушкой, печально кряхтел.

Царственная красавица, наконец, занялась серьезной работой: она позировала. Испуганный художник ползал перед ней на коленях, шептал и причмокивал. Он с восторженной преданностью заглядывал в глаза высокомерной женщины и быстрыми движениями рисовал ее портрет на куске выкрашенной белилами доски.

За день я устал от наблюдений и долгой беседы с соседом, поэтому, как только солнце перестало сиять, а разрешило без боли вглядываться в свой совершенный оранжево-красный лик, я закрылся от всех внешних звуков и уснул.

13. Отросток

К моему удивлению, проспал я долго. В этом краю, где нет резкой смены сезонов, я совершенно потерял меру времени. Другие растения поражали меня тем, что они знали, когда приходит время цвести, когда наступает момент возвращивания плодов, а затем – покоя. Для меня же каждый день был повторением предыдущего.

Единственный сезон, который я могу назвать весенним - это период разлива реки. Хотя теперь река уже не могла дотянуться своими болотными руками до моих корней, но тинный запах высыхающей после разлива воды, я чувствовал и внутри королевского двора. Были еще дни резких ветров, которые разносили песок по всем окрестностям, но они появлялись в разное время, всегда были неодинаковыми по силе, поэтому различать по ним время года я не мог.

Однажды я проснулся, поздоровался с солнцем и кедром, и почувствовал, что что-то изменилось. Двор превратился в пестрый, веселый зоопарк. Белоснежные, с затейливыми орнаментами стены теперь были раскрашены яркими картинками джунглей и самых разных животных. В центре двора красовался деревянный, инкрустированный золотом домик. Возле него - качели. Весь плиточный пол двора был застелен мягкими коврами. На коврах валялись игрушки и музыкальные инструменты. Озеро окольцевали кружевным заборчиком. На нижних ветках кедр висели большие клетки с птицами, каких я никогда еще не видел. Птицы были яркими, с огромными красно-желтыми носами, с переливающимися перьями и глупыми круглыми глазами.

- Ты знаешь, что на тебе висят какие-то носатые птицы? – спросил я соседа.

- На тебе тоже, - с усмешкой ответил мне кедр. Только теперь я понял, что сам стал похож на цветастую бегонию. Мой ствол выкрасили в зеленый и красные цвета. На узлах коры устроились

маленькие клетки с разноцветными птичками. На нижних ветках висели длинные белые и красные ленты.

- Что это такое? – с возмущением воскликнул я.

- Праздник был, - ответил мне сосед, - день рождения дочери фараона.

- Какое безобразие...

- Ты долго спал, - сказал кедр, - у людей уже выросла их первая дочь, появилась вторая, потом третья и даже четвертая.

- Да, они быстро размножаются, - с сарказмом заметил я.

- Они вдвоем размножаются, им легче.

- А зачем им так много отростков? У нас принято, чтобы каждый исполин вырастил одного такого же и берег его до самой своей смерти.

- А у них принято иметь в семье мальчиков, а мальчиков у них нет и нет. Вот и стараются.

- Зачем обязательно мальчики?

- У них власть передается только мужчинам.

- А что ты имеешь в виду, что они вдвоем размножаются?

- Обе теперь мамы...

- Фараон и его жена? – я начал терять ясность понимания.

- Ну, конечно, фараон и его жена. Они же обе женщины.
- Но как же фараон, изображая мужчину, умудрился стать матерью?
- О, это была целая история. Сначала они искали родственника, чтобы был с хорошей кровью. Потом они долго готовились, праздновали, молились и давали народу деньги. Потом жрицы из большого храма объяснили людям, что фараон – это не человек, а существо высшее, поэтому бог свершил чудо и позволил ему самому даровать жизнь новому человеку. И многие поверили, особенно после пивного фестиваля и раздачи подарков. Потом все ждали, пока фараон внутри храма молил, чтобы в него спустилась искра Атена, и с ним была и его жена. Это было впервые, когда само Солнце, которому они так преданы, подарило свое семя и фараону и его жене. Новость об этом чуде обошла все стороны света. Когда пришло время обеим рожать, в городе было такое столпотворение, что стены домов скрипели от напирающих со всех сторон зевак. Все рвались в храм, чтобы видеть чудо своими глазами, были стычки с солдатами. Но в храм пустили только жриц солнца и мать фараона... и слепого.
- А слепой зачем?
- Они верят, что слепые видят сердцем и говорят с богом напрямую.
- И что?
- Родились две девочки.

- Неужели люди могут верить, что фараон - мужчина может стать матерью?
- Некоторые верят, а некоторые смеются и над фараоном, и над тем богом, который умудрился оплодотворить мужчину.
- Правильно делают.
- Но это только начало. Вскоре странным образом умерли все жрицы и слепой человек, которые находились в храме во время родов фараона. Умерли все, кроме королевы матери. Потом снова объявили о чуде, снова начались пиры и праздники. Снова толпы ждали у стен храма, пока сойдет Атен и подарит часть себя фараону и его жене. Опять в храм не пустили никого, кроме матери и жриц. Жрицы из храма не вышли, якобы, Атен разгневался на них и приказал своим слугам – змеям - задушить жриц, позавидовавших счастьем фараона.
- Столько смертей...
- Но опять родились девочки.
- Теперь в третий раз будут смешить народ?
- Нет, не будут. Теперь жена фараона понесла снова, скоро будет уже шестой ребенок, еще одна попытка родить наследника.
- А от кого же она забеременела?
- От мужа, конечно, - засмеялся кедр.
- А на самом деле?

- Мне кажется, что от одного из своих солдат.

Во дворе появилась группа женщин, которые сопровождали очень жизнерадостную смешливую девочку.

- Вот, - сказал кедр, - это ее праздник был вчера.

Девочка уселась на качели и, болтая ножками, громко рассказывала одной из женщин о своем детском сне.

Женщина внимательно выслушала, а потом принялась объяснять, какие важные знамения явились девочке во сне и какая великая судьба ждет ее.

Появилось и знакомое мне кресло. Девочка спрыгнула на пол, побежала, размахивая ручонками, и забралась к матери фараона прямо на колени. Женщина вместо того, чтобы рассердиться, расплылась мягкой улыбкой, обвила руками хрупкое тельце и принялась целовать розовые щеки ребенка.

Мне понравился этот день. Он оставил вкус счастья, тепла и любви. Даже супруга фараона, которая снова была отягощена внушительным животом, разговаривала с матерью фараона мягче, чем раньше, с довольной усмешкой наблюдая, как ее дочь играет на коленях королевы-матери.

Девочка была настолько живой и непоседливой, что свита из нескольких женщин едва успевала за ней. Остальные дети были не такими шумными и задорными. Они были младше своей сестры. Старшая девочка стала играть в кегли, выигрывая у всех и восторженно смеясь и радуясь всему на свете.

Потом она опять пришла к бабушке, с умильной улыбкой сытой кошки наблюдавшей за всеми движениями обожаемой внучки.

- Пойдем к зверушкам! – попросила девочка, забираясь к женщине на колени.

- Ты вчера там была.

- А я еще хочу. Там Кики, она такая смешная. Пойдем, я покажу тебе, какие у нее ручки.

- Я видела ее лапки.

- Нет, ты не видела! У нее ручки, такие маленькие-маленькие, - девочка на пальцах показала бабушке какие маленькие ручки у зверушки Кики.

- Она и сама маленькая, - ответила бабушка.

- У нее на пальчиках такие смешные черные ноготочки, словно у человечка.

- Не ноготочки, а когти.

- Нет, ноготочки, маленькие, вот такусенькие.

- Перестань сюсюкать, ты - дочь фараона, - попыталась строго сказать величественная женщина в золотом кресле.

Но девочка настойчиво продолжала:

- Пойдем, мне скучно здесь.

- Ты же снова пойдешь к клеткам медведей и тигров, не дай Атен, они тебе отгрызут твои маленькие ручки и ноготочки.

- А я не буду.

- Нет, проси маму, пусть она с тобой пойдет. Ты меня вовсе не слушаешь.

- Она спит, наверное.

- Тогда папу.

Девочка только строго посмотрела на бабушку, словно взглядом объясняя, что та говорит глупость, и ей даже совестно за такое несерьезное поведение бабушки.

- Хорошо, - вздохнула мать фараона и щелкнула пальцами. Девочка отлично знала этот знак, поэтому с криком восторга спрыгнула с колен бабушки, обошла кресло и забралась на золотые носилочки, прикрепленные сзади к креслу. Уже из-за спины бабушки, она громко скомандовала солдатам:

- Трогай!

Мужчины осторожно подняли золотой трон и понесли обеих со двора.

Они прошли через соседний сад с пальмовыми аллеями, свернули на огромную площадь с фонтаном и статуями, поднялись на мост и исчезли из вида.

День был обычный, солнечный, правда, небо иногда раскидывало то тут, то там редкие пряди облаков, но они не могли закрыть лик светила, поэтому было жарко и душно. Когда в доме разнесся дикий визг и плач, время клонилось к закату: земля ровно и тихо дышала, солнце спокойно угасало в небе, река шелестела песком.

Всю ночь я слышал рыдания и крики. Всю ночь приезжали и уезжали повозки и коляски. Всю ночь мне не давали спать. Конечно, в скором времени я узнал, что стало причиной громких стенаний; узнал и даже чуть-чуть расстроился. И снова я подумал, что природа не планировала давать людям возможность выживания: чрезвычайная хрупкость и неприспособленность людей к суровому земному миру - прямое подтверждение тому.

На обратной дороге из зверинца девочка вдруг выпустила спинку трона из слабеньких рук и упала с высоты плеч носильщиков на каменный пол. Она упала и умерла, так же быстро, как умерла другая девочка, которая несла молоко и хлеб для гордой собаки. Впервые я видел, как долго люди могут оплакивать то, чего уже нет. Несколько лунных фаз они плакали и стонали, ходили в храм и зывали к небу. Но ни звезды, ни Солнце не вернули им ребенка, поэтому однажды они выдвинулись из дома огромной процессией за стены города и исчезли на несколько дней.

- Не понимаю, - сказал кедр, - у них еще дети есть, чего так переживать?

- Времени много у них свободного, - ответил я.

Мы качнули друг другу головами в знак согласия и снова погрузились в плавный полет созерцания.

14. Упадок

Когда, наконец, все вернулось на круги своя, в доме стало меньше праздников и меньше гостей. Супруга фараона проводила все дни в саду, расхаживая среди пальм, словно раненная тигрица, ругала свиту и не подпускала к себе фараона. Она не выходила в наш двор, не каталась в лодочке, не позировала испуганному скульптору. Она приказала перебить всех зверей, казнила всех носильщиков матери фараона, практически сняла кожу со всех нянек, которых секли плетью до самой ночи, и только тогда она немного остыла и залилась слезами.

Ее страшились все, даже мне было жутковато смотреть в черные разъяренные глаза этой женщины. Со временем она успокоилась, начала выходить к нам, чтобы полежать на воде и поиграть с оставшимися в живых детьми. А однажды она даже устроила пышный обед на берегу озера, с музыкой, танцами, акробатами и пригласила мать фараона.

Женщина в золотом кресле сильно изменилась за это время. Она осунулась, постарела, потеряла гордую осанку властительницы и смотрела на жену фараона глазами испуганного щенка. Но супруга фараона была сама любезность, она мягко и ласково говорила с матерью мужа, но во дворе росло напряженное ожидание беды.

Мать фараона смиренно терпела наигранную любезность, благодарила за приглашение и ела все, чем угощала ее красавица.

Конечно, не успело уйти солнце, как дом снова наполнился горьким плачем и криками. Мать фараона умерла, и все знали, что она была отравлена. Это знали и мы, молчаливые созерцатели суетливой жизни людей. Снова начался долгий и нудный траур, снова потянулась процессия повозок и пеших людей за стены города, и в этой церемонии участвовали все, кроме главной красавицы - жены фараона. Она оставалась во дворце со свитой, и никакие уговоры фараона не заставили ее показаться среди скорбящих.

Теперь дом превратился в два враждующих лагеря. Фараон переселился на другую сторону дворца, а красавица осталась жить с нами. Детей, испуганные няньки таскали то туда, то сюда. Я не знал, что одна смерть может привести к таким губительным и разрушительным последствиям. Я никогда не видел ничего подобного у других животных. Если бы каждая птица, которая теряет своего птенца, так страдала, то птиц бы в скором времени не осталось. Если бы львица из-за потерянного в саванне котенка загрызала весь свой прайд, то львов бы не было. Но люди были, они страдали, мстили, но при этом не вымирали и даже множились.

Фараон демонстративно устраивал пиры и многочисленные собственные свадьбы с самыми разными женщинами гарема. Каждые несколько месяцев кого-то из женщин, с пышными проводами, отправляли в храм Солнца для рождения очередного

ребенка, но только одной из них удалось вернуться с сыном на руках. Весь город веселился и славил новую царицу и долгожданного наследника, а во дворце красавицы стучали ненавистные мне колотушки и пелись заунывные песни-проклятия в адрес изменника-фараона.

Дети росли, они все реже появлялись в доме своей красавицы-матери, кажется, что ее боялись и сторонились все вокруг. Когда она выезжала из дворца, улицы пустели, люди прятались, и никто не усыпал ее путь цветами и зернами.

Мне становилось нестерпимо тесно и душно в этом отполированном мраморном дворе, рядом с необъяснимо экспрессивными людьми, в мире постоянного крика, визга и плача. Я считал, что уже видел все возможные трагедии и скандалы, преступления и романтические сказки, но это было незрелой самонадеянностью с моей стороны.

Жизнь во дворце все более накалялась. Женщина, которая грациозно, словно тигрица, носила себя, вынашивая детей, жестоко отомстила за смерть одного из них, совершенно потеряла рассудок и достоинство. Мне, медленно живущему гиганту, трудно понять, кто из людей больше достоин жалости и сострадания, но видеть новые порядки в доме было тягостно и временами противно до содрогания. Покорная свита супруги фараона ежедневно подвергалась изощренным издевательствам со стороны хозяйки. Вечерами в доме творились оргии и безобразия. Однажды произошла драка между самим фараоном и его сошедшей с ума супругой.

Две женщины таскали друг друга за волосы, бросали вазы и тарелки, размахивали ножами и бранились так, как не ругается ни один самый голодный попугай. Мы с кедром грустно качали головами. Я все чаще монотонно рассказывал ему о далекой стране, затерянной среди величественных гор, о великих переменах, которые успел пережить, о своих надеждах на будущее. Я стал говорлив, пытаюсь отвлечься от безобразных ссор в царском доме.

Однажды мы с кедром смогли провести целый день, практически не замечая людей. За стеной дворца, недалеко от реки я наблюдал удивительное событие, которое с удовольствием комментировал для своего низкорослого соседа. К реке вышел молодой лев, который умирал от жары и жажды. Когда хищник вошел в воду и плюхнулся в нее своим песочным бархатным пузом, перед ним неожиданно щелкнули зубы огромного крокодила. Лев вскочил, подпрыгнув на добрый куст вверх, встал в боевую стойку, расставив в стороны все четыре лапы и пригибая голову к земле, замер.

Крокодил медленно выполз на берег, остановился, а потом сделал несколько шагов в сторону неподвижной кошки, надеясь схватить добычу раньше, чем она успеет опомниться. Лев, словно сжатая пружина, взлетел к небу, выпустил когти и приземлился прямо на спину глупой рептилии. Крокодил от растерянности бил хвостом из стороны в сторону, поднимая пыль, мотая головой, а лев крепко держался на спине жертвы и изо всех сил пытался прогрызть панцирь на шее крокодила.

Эта борьба длилась несколько минут, пока речная ящерица не догадалась спастись бегством. Крокодил скрылся в воде, а лев остался на берегу с довольной мордой. Он еще некоторое время побродил вдоль берега, храбро вернулся к воде, напился, а потом нарочито медленно отправился в сторону полей, засеянных кукурузой. Мы с кедром сошлись на том, что нам повезло больше, чем многим на этой планете.

***Мы счастливые и особенные творения,
стоящие на гораздо более высокой
ступени развития, чем все
копошащиеся внизу существа.***

И вот опять настал день перемен. Оказалось, перемены могут порождаться не только ураганами, затмениями и содроганиями земли, нет. Перемены могут создаваться людьми. Однажды люди устали от постоянных скандалов, пиров, драк и казней, происходивших во дворцах. Люди измучились постоянными страхами за свою жизнь и за своих близких, они потеряли надежду на спокойное существование, поэтому однажды вечером, они ворвались во дворцы обоих царствующих особ. Люди пришли с луками, мечами, ножами, плетью и камнями.

Они крушили, убивали и ломали. Слуги красавицы были жестоко зарезаны или утоплены в кристальной воде озера, многие были задушены или забиты камнями. Двор стал настоящим праздничным столом для слетевшихся со всех сторон стервятников

и сов. Сама красавица сначала пряталась внутри моего ствола, а когда ее нашли, храбро отбивалась от озверевших мужчин, но ее связали и грубо поволокли по земле в соседний дворец, где возле фонтана валялся уже избитый фараон. Всех многочисленных детей, жен и слуг фараона заперли в клетки, где когда-то страдали плененные животные.

Казнили пленников следующим утром, прямо на мосту, откуда супружеская чета разбрасывала звенящие монетки на головы зевакам. Фараону, (теперь это была донага раздетая и не очень красивая женщина), выжгли глаза, отрезали грудь, а потом сбросили вниз на дорогу, где толпа разъяренных людей буквально затоптала изувеченное тело. Новую жену фараона, принесшую ему сына, остригли, заставили молить о пощаде и отправили в храм к жрецам настоящей веры. Сына этой женщины, который был совсем маленьким и плачущим мальчиком, громко провозгласили новым правителем.

Главный жрец, который мастерски управлял поведением оскалившейся толпы, словно дрессированными зверями, назначил сам себя опекуном юного властителя. Он объявил об этом громко и властно, поднял вверх украшенный огненным перстнем указательный палец, и народ под мостом неистово возликовал.

Ребенок в ужасе плакал. Он цеплялся за платье матери, которую уже волокли за руки солдаты в сторону крытой повозки. Их разняли, мать увезли из города, а ребенка вверили жрицам, обвитым змеями и окованным золотыми цепями. Ребенка мне было жаль, он напомнил мне щенков гордой собаки, которые

попали в этот мир беспомощными и поэтому не имели шансов выжить и стать счастливыми, потеряв мать.

Ни один суетливый детеныш не может стать здоровым и сильным животным, если он теряет мать.

Красавицу царицу прилюдно высекли, остригли волосы, но отпустили. Люди в глубине души сочувствовали ее жестоким выходкам, оправдывая поведение женщины горечью потери любимой дочери. Ее отпустили, но пока она шла к городским воротам, люди бросали в нее камни, остатки еды, гнилые фрукты. Печальное зрелище. Жрец, горящий на солнце всеми цветами радужных камней, внимательно провожал взглядом свою ссутулившуюся дочь. Он сделал все возможное, чтобы спасти ей жизнь, пусть даже путем унижения. Она добрела до ворот города, села в ожидавшую ее колесницу и исчезла в пыли широкой дороги. Я чувствовал, что с этой женщиной все будет в порядке, она всегда будет иметь достаток и власть, она рождена была для праздности и безделья. Права была мать фараона, когда просила своего ребенка быть предельно осторожным с семьей своей красивой и капризной супруги. Вот он, день откровения: мать и фараон мертвы, а красавица и ее хитрый отец - по-прежнему на вершине человеческой лестницы.

Но перемены продолжались. После расправы над фараоном и изгнания царицы, в городе начался настоящий погром. Несколько дней и ночей на улицах цветущего рукотворного рая

бесчинствовали хмельные и очень сердитые люди. Они пытались унести все, что могли поднять и уложить на телеги.

Они старались сломать все, что могли сломать, они стремились сжечь все, что могло гореть.

Пальмовые аллеи были срублены. Озеро завалили камнями и мусором. Стены домов, храмов и алтарей были осквернены надписями, вымазаны пометом скота. Восставшее человеческое племя делало все возможное, чтобы этот город никогда уже не смог вернуть себе былого величия.

Руководил погромами новый опекун малолетнего фараона, верховный жрец храмов настоящей веры, отец супруги казненного фараона, бывший верховный жрец храма Солнца, того самого храма, который теперь буквально разбирался на кирпичики. Он контролировал все, что делали опьяненные хмелем и злостью люди.

Но все когда-то заканчивается – наступил и здесь период тишины и покоя. Несколько выживших деревьев, несколько хитрых крыс и ловких кошек остались в опустевшем пузе разрушенного города.

Наступили благодать и одиночество.

В те дни ко мне вернулось призрачное, робкое ощущение гармонии. Да, я был счастлив, спокоен, свободен и горд: я один. Я

начал расти в ширину, занимая корнями все большее пространство, вспучивая мраморные плиты, ломая надоевшую стену. Я чувствовал себя настоящим мастодонтом, способным преодолеть любые препятствия, противостоять любым напастям, вынести любые испытания. Я рос и множился корнями. А кедр, к сожалению, начал дряхлеть, усыхать, слабеть. Однажды он совсем затих и замер. Я ласково попрощался со своим ушедшим в сон другом и начал корнями занимать его часть земли. Кедр оказался настоящим и преданным другом до самого последнего своего восхода. Сначала он скрашивал мое одиночество, а потом стал моим сладковатым питательным десертом. Я всасывал его соки и ткани, переваривал и рос еще активнее прежнего.

И я каждый день благодарил своего собрата за подаренные мне радость дружбы и питательное удовольствие после его ухода в вечный сон.

15. Бессознательное

Потом было полное затмение солнца, которое уже не пугало, не тревожило. После него на опустевший город неожиданно напал ураганный ветер с песком. Он пробежал по гулким каменным улицам, повыл в распахнутых слепых окнах, засыпал песком когда-то начищенный мрамор двора и скрылся на другом берегу реки.

***Я остался одиноким призраком
ушедшего отсюда времени, наступило
ничто. I became the hermit spirit of the***

***flying by time, which is always followed by
everlasting Nothing.***

Любой другой менее мудрый и самодостаточный живой организм загрустил бы и впал в глубокую депрессию от окружающей пустоты и молчания. Любой другой, но не я. Впервые за многие и долгие годы я расслабился и сладко заснул, так же, как спал в холодные зимние дни моей сказочной жизни в горной долине.

***Погружаясь в мир грез, я обрел еще
один навык – способность осознавать
бессознательное.***

Мне казалось, что я тону в радужных волнах света и звуков. Меня раскачивала и накрывала собой ласковая пелена чужих мыслей. Я дрейфовал в этом море разноцветных бликов, вздрагивал от неожиданных легких разрядов молний, вздрагивал и снова расплывался мягкой расслабленной массой впитывающей губки. Я думал, что ко мне пришел прекрасный и самый яркий сон. Когда еле слышный треск разрядов и почти неощутимые прикосновения радужных молний начали складываться в меняющиеся картинки, я стал внимательно следить за возникающими образами.

Вот появилась женщина с прекрасными глазами, которая с отчаянной надеждой всматривалась в небо, прося о счастье для

своего мирно спящего ребенка. Ее глаза, наполненные такой жертвенной любовью, такой неукротимой надеждой, такой глубокой верой в светлое будущее своего единственного сына, были невыразимо прекрасны. Я погружался в них, как ныряет в воду истомившийся от жажды скиталец.

Я падал в этот бесконечный головокружительный омут, падал и падал, пока женщина с малышом не переплавились в фигурку худого не стриженного юноши, сочиняющего для себя забавную героическую поэму о спасении всего мира от Зла, где главным героем, конечно же, был он сам.

И тут я понял, что мне открылась возможность не только наблюдать за внешним ходом событий на земле, но и впитывать, улавливать грезы и мечтания окружающих меня. Я проникал в чужие мысли и тайны так же, как когда-то мой сосед-исполин мог слышать мои мысли.

У юноши удлинился нос, и он стал огромным стервятником. Несчастливая птица томила от одиночества и жаждала найти свою единственную и постоянную спутницу. Он повернул голову, расправил крылья и оказался огромной гориллой с серебристой спиной. Это мощное и властное животное не могло заснуть, ворочаясь от беспокойных мыслей о сохранении своей группы, о долгом пути на новое место, о нехватке еды и о многих других опасностях, которые подстерегают всех его сородичей. Он боялся, что не сможет их уберечь.

Обезьяна медленно перетекла в форму полного и рыхлого мужчины, который страдал, что потерял любовь собственной

жены, но при этом все равно желал только добра этой дорогой его сердцу женщине. Совсем юная, по-детски пухлая девушка представляла себе истории о прекрасном возлюбленном, который никогда не отступится, никогда не оставит ее, никогда не предаст, а будет любить и беречь, будет причиной счастья...

Девушка окаменела и превратилась в острую и рыжую скалу, которая жила еще медленнее, чем я, и все равно надеялась, что однажды ее одиночество будет прервано. Она взывала к глухой и молодой сосне, прижившейся в старой расселине, чтобы та научилась понимать тихий голос камня и стала бы приятной собеседницей для изнывающей от грусти скалы.

Я тонул в этих образах. Я стал не только видеть, слышать, чувствовать и понимать, я начал осознавать скрытое. Этот новый мир чужих мыслей, грез и молитв стал для меня и откровением и привел в замешательство.

Я не мог найти разумного объяснения, почему реальная жизнь так противоречит жизни внутренней?

Почему действия людей и животных так отличаются от их скрытых порывов? Почему все мечтают о мире и счастье, а живут в страхе и страданиях?

Неужели и во мне, как в каждом живом организме, рожденном землей, живут два разных сознания: одно рвется и стремится к свету и любви, а второе мрачно щелкает зубами и впивается когтями во все, что имело неосторожность встать на дороге?

Где наша настоящая реальность? Здесь ли мы находимся?

***Есть ли вторая Земля-близнец, где
многоцветный и полный нежности
океан любви является главной
реальностью, а жестокость и
суетность владеют только думами и
грезами живущих на ней?***

Я упивался вкусом и светом чужих снов и надежд, я наполнял свое затвердевшее сердце новой кровью тепла, доброты и сочувствия. Во мне происходило очищение, я возрождался, я снова захотел жить и хранить себя для счастья.

***Но теперь я был готов делиться этим
счастьем с другими.***

***When the essence of unconsciousness has
been opened, you cannot help but love not
only yourself. That was my day of
Enlightenment.***

Я полюбил всех окружающих меня существ. Этот момент я запомнил как самое священное откровение мироустройства.

А потом я заснул. Разноцветье образов и звуков постепенно теряло свою яркость и насыщенность, наступила мягкая ночь и нежное молчание. Я спал и чувствовал, что слегка покачиваюсь вверх-вниз, будто на поверхности огромного озера.

Я так глубоко ушел в лабиринты темноты и забытья, что очень долго не мог вернуться в измерение солнечного жаркого дня. Но еще в воронке ватного сна я почувствовал, что волны, которые ласково убаюкивали и раскачивали мое тело, словно тихое и ровное дыхание самой земли, неожиданно стали резкими, сильными, причиняющими боль моим корням.

Когда я снова начал видеть солнечный диск в бело-синем небе, когда в мареве раскаленного воздуха появились очертания реки, я все равно не мог понять, что заставляет меня так сильно раскачиваться в разные стороны. Когда я еще ближе подошел к границам реального мира, то понял, что в центре обмелевшей реки

красуется огромный резной корабль, украшенный позолоченными диковинными фигурами.

Потом я заметил множество людей, которые сильно разнились между собой, как волки и собаки. Одни были одеты в привычные для меня белые ткани или кожаные с металлом юбки. На них были шлемы с перьями, а на поясах красовались длинные ножи. Другие были практически голыми, но кожа их лоснилась и была испещрена узорами и шипами из костей и металлических гвоздей. Эти новые люди напомнили мне о той человеческой стае, которая когда-то давно, в горной лощине, нарушала спокойствие нашей мирной и тихой жизни, пытая великанов, высасывая из нас соки, а потом мучая друг друга раскаленными иглами.

Когда я полностью обрел ясность понимания, то ужаснулся. Несколько сотен людей раскачивали мое гигантское тело, выкорчевывая его из земли.

За время моего сна люди успели раскопать и оголить мои корни, соорудить длинные деревянные носилки подо мной, а теперь с усердием муравьев качали меня из стороны в сторону, пытаясь свалить на землю. Я пришел в ужас. Мне так было хорошо в последнее время, так спокойно. Я привык уже к этому опустевшему брошенному городу, я сжился с этой рыжей землей и мутной рекой. Я дрожал от беспомощного гнева, оттого что суетные, ничтожные, слепые сознанием людишки снова тревожат меня. Я содрогался от обуявшей меня ненависти и злобы.

Когда меня крутил и вертел ураган, когда меня швыряло восставшее море, я так не возмущался, потому что признавал за ними грозные силы.

Но власть людей надо мной я ни признать, ни принять не хотел.

Дрожь гнева волной прокатилась по мне от корней до верхних веточек кроны. Люди отбежали в стороны, раздался ужасный скрип и скрежет, все пошло кругом, и я всей многовековой массой упал на деревянный настил. Я упал так сильно, что из давнего шрама, оставленного мне на память беснующейся молнией, потекла ручьями кровь. Она густыми каплями сползала по коре на грубые доски, стекала в щели и с глухим звуком падала в сухой, жадно заглатывающий любую влагу песок.

Местные люди, те, с которыми я уже привык жить рядом, испуганно и с сочувствием разглядывали мою кровоточащую рану. Новое племя, напротив, выражало бурную радость и звериный восторг, прыгая вокруг меня, обмазывая кожу друг друга алым соком, скаля зубы и причмокивая губами. Они, пританцовывая, потащили деревянные носилки по рельсам из округлых камней к реке.

Это племя было более организовано, чем местное. Люди слажено дергали веревки носилок (при самом громком крике песни, которую они все хором дружно выкрикивали). У них отлично получалось. Местные жители с интересом и страхом наблюдали за

этими новыми, раскрашенными, дикими и мощными гостями из чужой земли. Это было похоже на встречу обычных муравьев с армией рыжих и более крупных.

Когда носилки одним концом опустили в воду, они застряли в илистом дне реки. Камни подкладывать под настил не стали: теперь сами люди, выстроившись колоннами по бокам от меня, обмотав плечи веревками, на самый короткий звук в песне, дергали вверх мое ложе, поднимая мою намокшую крону над поверхностью реки. Так они шагали по воде, не страшась ни крокодилов, ни пиявок, пока не погрузились в воду по пояс. От корабля отделилось несколько легких лодочек, каждая была привязана канатом к борту большого судна. Пока лодочки приближались к нам, люди-носильщики подготовились к новому маневру. Как только лодочки подошли к нам на расстояние весла, несколько человек отделились от моих носилок и поплыли к лодочкам, привязывать по две веревки к каждой. Остальными канатами они опутали мой ствол, пытаясь привязать меня как можно крепче и туже к деревянным носилкам. Когда люди отошли от меня в сторону, мои корни тут же ушли под воду, а верх кроны оставался над поверхностью. Веревки, привязанные к лодочкам, натянулись, и носы лодочек начали отрываться от воды. Но люди нового племени оказались удивительно находчивыми. Они уцепились руками за борта лодочек, придавливая своим весом суденышки к воде. Снова, на резких звуках песни, все одновременно задвигались: люди в лодках ударили по воде веслами, люди по бокам лодок одновременно оттолкнулись

ногами, вспенив воду, люди на корабле разом дернули канаты на себя.

Удивительные муравьи, непобедимые.

Когда меня подтащили к большому кораблю, носилки привязали к нему, оставив мое величество тащиться по воде, лежа на мокром плоту, словно болтающийся хвост. Я ощутил горький привкус обиды. Да, меня задело, что люди не удосужились уложить меня по центру корабля, а оставили болтаться позади, словно обычное полено. Я страдал. Корабль двинулся вниз по течению и вскоре вышел в море. Недалеко от берега красовалось несколько гигантских кораблей, рядом с которыми наш большой корабль казался игрушечным. Мы подошли к гигантам, и меня, наконец, втащили на борт самого большого корабля и спрятали в прохладном темном туннеле. Потом мои корни облили пресной речной водой, укутали мокрыми тряпками и оставили в покое и тишине. Я отдыхал и блаженствовал.

Мне до странности понравилось быть безвольным и бессильным предметом в чужих руках.

В тени и прохладе корабельного трюма я наслаждался легким покачиванием на волнах, вслушивался в ровное и густое сопение моря. Корабли-гиганты пахли кедром, поэтому я вспоминал своего

уснувшего друга, посылая ему приветы и слова благодарности за долгие годы совместного одиночества.

Я услышал, что люди забегали, хлопнул на ветру раскрывшийся великий парус-крыло, и, в дополнение к легкому покачиванию, началось плавное скольжение вперед. Меня снова уносило море в неведомые края, я снова находился в невесомости, мной снова распоряжались силы могущественные и непредсказуемые.

Ко мне иногда приходили люди с изуродованной наколками кожей, обливали тряпки пресной водой, проверяли на прочность веревки, которые держали меня на одном месте.

Море шуршало за кедровыми стенками корабля, глубина глухо вздыхала, все было томно и до сонливости спокойно. Я заснул.

Купаясь в теплой полудреме, я не улавливал картинок чужих надежд. Это меня расстроило, я решил, что снова потерял недавно обретенный дар осознания скрытого. I was mourning the loss quietly.

Вдруг гладкое скольжение корабля по поверхности моря резко сменилось креном и подпрыгиванием мощного корабля по спинам океанских волн. Качка стала постоянной, изматывающей. И я потерялся во времени.

В темном трюме не было ни рассвета, ни зенита, ни заката. Я подпрыгивал. Веревки, которыми меня приковали к толстым бревнам трюма, от постоянного натяжения растрепались и ослабли. И чем больше истончались пеньковые канаты, тем сильнее двигался я в узком помещении.

Однажды корабль подлетел вверх от удара волны. Я подпрыгнул следом, и веревки лопнули, словно стебли сухой травы.

И стал я перекасти-поле: легкой, почти невесомой колючкой, летящей по пескам неведомого, зависимой от прихоти ветра и счастливой от отсутствия выбора. Так я научился летать.

Каждое мое передвижение по трюму наклоняло и раскачивало корабль еще сильнее. Бедное кедровое судно скрипело и страдало от шторма, который терзал его волнами снаружи, и от массивных ударов моего тела внутри. Но люди не спускались ко мне. Я слышал их голоса где-то на верхних ярусах, голоса испуганные, нервные, уставшие.

Потом появился густой, вязкий, монотонный гул. Этот тихий и низкий звук, больше похожий на вибрацию, впивался ядовитым языком в днище корабля и полз по бортам вверх. Когда дребезжание воды соприкасалось с полусферой неба, можно было уловить глухие короткие хлопки лопающихся пузырей, словно лопались тысячи пропитанных влагой грибов-дождевиков. Эта

какофония несогласованного пам-пам-пам, вкупе с рокочущим гулом океанских недр, вызвала во мне необъяснимый страх.

Голос глубины был сильнее и ужаснее, чем тот, что мне довелось слышать, скитаясь в море во времена переселения. Дрожь океана не предупреждала о поднимающемся на поверхность монстре, нет, этот страшный бас скорее сообщал, что глубоко, в темноте, под огромными водными массами, земля движется и дышит.

Пузырьки чуть слышно лопались вокруг корабля, корабль раскачивался сильнее прежнего, а люди неожиданно притихли и замерли.

Судно упорно двигалось вперед, я катался от одной стены трюма к другой, а волны все яростнее разбивались о скрипящие доски бортов. Начался невероятный шторм, до головокружения. Я слышал, как сломалась и упала на корму уставшая бороться мачта. Я ждал, что люди засуетятся, забегают, но никаких звуков кроме скрипа и скрежета не уловил.

Потом наступило время беспозвоночной неизвестности.

Я не знал, где солнце, не ведал, где земля, не представлял себе, где я сам. Мертвая тишина вокруг, если не считать монотонного стука волн за бортом. Впервые тишина стала мне ненавистой. Те немногие листья, которые еще силились выживать на моем засыхающем теле, сдались и украсили собой доски днища. Я стал голым и грустным.

Но однажды я услышал прекрасную песню. Она была огромной, глубокой, длинной и такой настоящей, что по стволу у меня пробежала дрожь восхищения и согласия.

Музыка чьего-то великого сердца парила и перекрывала собой шум океана, она перекликалась с трогательной песней другого сердца, к ним присоединялись новые голоса, образуя самый гармоничный хор на свете.

Эта песня несла в себе настоящую свободу, мудрость, бескорыстную любовь и такую бесконечную грусть, что учащался пульс и болели корни.

Эта была музыка понимания мира.

Звуки приближались к кораблю. И совсем скоро я почувствовал, что за тонкой стенкой корабля появилось нечто огромное и думающее. Оно мягко следовало рядом, шумно вздыхало и фонтанировало водой. И я позвал его. К моему огорчению, неизвестный певец сразу ушел глубоко под воду, а я снова остался в лапах высасывающего надежду одиночества. И вот тогда я заплакал.

Я плакал теми остатками соков, которые еще прятались в сердцевине моего каменеющего ствола. Я рыдал и кричал проклятья людям, за то, что пленили и бросили погибать последнего великана земли; я молил землю, чтобы не позволила

мне исчезнуть, я взывал к солнцу, чтобы помогло мне спастись. Я так увлекся собственным горем, что не заметил, как корабль начал быстрее разрезать бушующие волны.

Потом я понял, что теперь меня сопровождают огромные и самые великодушные животные. И на собственных спинах они несли мой скрипящий по швам корабль куда-то вперед. Меня уже не качало и не бросало по полу, я успокоился и обмяк. Осмелев, я даже попросил спеть, но петь они для меня не стали.

Но я узнал от этих мастодонтов океана странную новость: люди со всех кораблей утонули, оставив свои суда на милость волн.

Я задумался над этим известием, пытаюсь понять причину такого отсутствия инстинкта самосохранения у человеческого племени, но потом я вспомнил вибрирующий звук океанских глубин, вспомнил собственную панику и ужас, вспомнил, что сам готов был сбежать из трюма, лишь бы не слышать этот грозный и низкий гул меняющегося рельефа планеты. Люди прыгали за борт в приступе отчаянного и неконтролируемого страха. Я наблюдал уже несколько раз, как земля ловко манипулирует своими питомцами, разнообразя собственный рацион.

Кажется, что всякое живое существо одинаково подвластно гласу планеты, одинаково беспомощно перед зовом земли, одинаково страшится этого голоса.

***Когда земля начинает говорить, все
живое умирает от страха.***

16. Новый свет

И наконец я услышал скрип песка по днищу. Измученное плаванием судно раскачивалось на волнах, подлетая вверх, ухаясь вниз, врезаясь носом в песок и снова отскакивая назад на вершину новой волны. За бортом рокотал прибой, на палубе царила тишина, а в трюме томился неизвестностью уставший я.

Мне оставалось только объяснять самому себе, что все меняется, ничто не бывает вечным, плавание мое закончилось, скоро закончится и время моего заточения.

Я постарался, как можно меньше переживать и думать о настоящем, и чтобы сохранить остатки сил, развлекал себя воспоминаниями о дождях, снегопадах в лощине и даже разливах невкусной реки.

Не знаю, когда точно, но однажды они все-таки нашли меня. Смуглые, юркие, с изувеченной наколками и украшениями кожей, люди бегали по кораблю, заглядывали в каждый угол, за каждую перегородку. Когда они увидели меня, то долго совещались, качали головами и размахивали руками. Но я уже обрел спокойствие, так как знал, что скоро эта суетливая стая вызовет меня из темного трюма, и я снова увижу солнце.

Вытаскивали мое тело долго и не самым простым способом. Люди ломали стены корабля, чтобы получилась дыра, способная выпустить меня на свободу. Потом снова были веревки, больно впивающиеся в кожу. Но за время моего путешествия я так иссох, что врезающиеся в меня канаты уже не вызывали кровотечения.

Меня освободили, выволокли на песок, и оставили лежать на влажной и новой земле. Какой головокружительной показалась свобода.

Небо встретило меня ослепительной синевой, воздух дурманил влажными ароматами пресной воды и растений. Во мне все еще немного покачивалось внутри от долгого плавания, но, в общем, я пребывал в эйфории, нежась на крыльях абсолютного счастья. Я был счастлив, сильно, буйно, по-настоящему.

Когда меня тащили через густой, влажный, наполненный жизнью лес, я почти плакал от радости.

Новая земля была добра к живущим на ней и щедро дарила им возможность цвести и плодиться. Это был рай, теплый, влажный, живой и голосистый.

Меня притащили на большую поляну, застроенную глиняными домиками, каменными пирамидами и пальмовыми шалашиками. Вокруг собрались все люди этого термитника, с удивлением рассматривая мои усохшие корни, голые ветки, измученное тело, цокали языками и покачивали головами.

Потом ко мне подошел человек, увешанный птичьими перьями и бусами. Он внимательно и серьезно осмотрел меня, помахал надо мной пушистым веером и побрызгал на меня водой из деревянной резной кадучки. После этих бессмысленных движений люди, наконец, занялись тем, что давно уже должны были сделать. Они начали обливать мои корни чистой, до боли вкусной водой. Потом закутали в мокрые тряпки и оставили так на несколько дней. Я

готов был пить бесконечно много, но мокрые тряпки только раздражали мою жажду, и я почти гневался на садизм этих мелких и жадных животных.

Я чувствовал воду, хотел пить и распухать от воды. От этой мучительной жажды пульс жизни во мне участился, кровь медленно превратилась из густой смолы в жидкие соки и потекла, разрывая слипшиеся ткани тела. Я оживал через боль и страдания.

***Тогда я понял, что страдания могут
ввергнуть в пучину равнодушия, но они
же способны вернуть тебя обратно к
жизни.***

Однажды меня снова обмотали веревками и всем термитником, с помощью бревен и подставок, подняли вертикально и опустили в огромную, мягкую яму. Это был день настоящего праздника.

Большая яма заботливо приняла и спрятала мои корни. Земля была влажной, пьянила чистой водой. Лес, густой и высокий, избавлял от одиночества. Солнце было теплым, но не палящим. Я не мог и не смел желать ничего большего, но меня ждал еще один удивительный сюрприз.

Когда моя голова взлетела над густым темно-зеленым лесом, покрывающим собой, словно щетиной всю спину земли до горизонта, то вдали, на самом дальнем холме я увидел еще одного великана. Он гордо возвышался над буйной растительностью леса,

и, казалось, приветствовал меня медленным покачиванием пушистой зеленой кроны. Я не один, я не один! Эта короткая мысль вспышкой ослепила меня на несколько дней. Я не один! Кажется, я не смог в такой короткий срок вынести такое количество счастья, поэтому обмяк и впал в забытие.

Когда я вернулся в мир солнца и влаги, то сразу нашел на горизонте силуэт гиганта. Мы качали головами почти весь день. Теперь даже люди, которые бегали подо мной, не раздражали. Я испытывал к ним чувство благодарности за мое спасение и переселение. Я безропотно терпел их детские забавы, когда они обвешивали мое голое тело огромными змеями, перьями и чужими цветами, веря в то, что я представляю собой символ жизни и роста. Да, я могу вполне быть деревом жизни. Сколько раз уже мне приходилось возрождаться из трухи и окаменелости. Сколько раз я переживал перемены и оставался беречь себя для счастья. И вот мое терпение и смирение вознаграждено: я дождался и нашел свой райский уголок на планете. Я так был погружен в собственные восторженные мысли, что достаточно долго не видел и не осознавал происходящего вокруг. Счастье пеленой закрыло от меня реальность. Я существовал в мире собственной радости. А когда, насытившись ею, я вернулся к созерцанию окружающего, то с удивлением обнаружил, что мой рай был настоящим адом для многих других живых существ.

Конечно, первыми, на кого я обратил внимание, были люди. Они очень сильно отличались от тех людей, которых я знал до этой поры. Люди в этой части планеты делились на две стаи: в одной были высокие и упитанные, в другой - мелкие и жилистые. Общее

было одно: чем старше становились они, тем больше и изощреннее были разукрашены их тела рисунками и орнаментами.

Как и много-много снов назад, в лощине, люди снова начали приходить ко мне с ритуальными подношениями, с тем, чтобы, поплясав и побубнив что-то очень однообразное у меня под ногами, вспороть тесаком мне кору и наполнить резные миски вытекающей из раны кровью. Пусть изменился ритуал, пусть перед экзекуцией эти люди ласково и уважительно кланялись, извинялись передо мной, но результат был тем же: люди снова мучили меня. Каждое полнолуние вокруг меня собирались большие и маленькие люди, и каждый новый оборот луны был отмечен моими алыми слезами.

После стая удалялась на холм, где была выстроена каменная пирамида, напоминавшая мне постройки людей в долине невкусной реки. С вершины этой пирамиды всю ночь звучали барабаны, слышались голоса и крики. Я рад был, что эта стая избавила меня от созерцания ритуального изуверства. Я знал, что на алтаре пирамиды люди колют друг друга иглами, выписывая на телах загадочные и бессмысленные символы. Я был счастлив, что не являюсь очевидцем этого безумного торжества живописи.

***Ночью, в темноте густого и влажного
леса, я вдруг открыл в себе новое
чувство: усталость. Это состояние я
определил как другую сторону страха.***

Она появляется, когда ты не хочешь больше перемен, когда ты видел много повторяющихся событий, только с разными героями, когда внутри появляются и тут же гаснут переживания, когда нет больше удивления... Когда не находишь новых причин для радости.

Желание покоя и однообразия я назвал тоской.

Но с грустью я должен был сказать себе, что перемены приходят с такой же неизбежностью, как приливы океана. Пребывая в тоске о постоянстве, я устал и не желал больше никаких впечатлений. Но оградить себя от них я не смог.

Я давно научился слышать, видеть и понимать, а этот дар становится проклятием.

Местная стая имела совершенно уникальные правила общежития. Мужчины, большеголовые и высокие, говорили на одном языке. Мелкие и жилистые самцы говорили на другом. А женщины обоих племен говорили на третьем. Все они прекрасно понимали друг друга, но отвечали и разговаривали каждый на положенном ему наречии. Смешные казусы происходили с детьми, которые путали иногда: большие они или маленькие, женщины они или мужчины.

Дети вызывали во мне жалость. Их хрупкие головки с самого рождения окольцовывали в железные обручи, которые добавлялись по мере роста ребенка. Головы детей деформировались и становились неестественно вытянутыми вверх, словно коконы гусениц. Дети росли нервными, плаксивыми, с выражением страдания на лицах.

Впервые я наблюдал очень четкую организацию взращивания молодого потомства. Каждое утро женщины, высокие и маленькие, собирали в стаю всех своих многочисленных окольцованных обручами детей и передавали их жилистым коротышкам мужчинам.

Мужчины уводили галдящих и скулящих отпрысков в глиняные домики, где методично повторяли им те небольшие знания, которыми владели сами. Мужчины учили подрастающее поколение рисовать символы-буквы, заставляя страдающих головной болью детей, старательно и прилежно вырисовывать одну и ту же букву по несколько раз. Занятия писанием-рисованием проходили в домике, где на полу была рассыпана вулканическая пудра темно серого цвета. Детям выдавали небольшие заостренные палочки, которыми те неумело выводили схематичные образы животных на поверхности утрамбованного пепла. Потом детей переводили в соседний домик, где проходили уроки резьбы по камню.

После занятий, детей, покрытых белым слоем пыли, выводили во двор и обливали водой. Дети громко кричали, фыркали и смеялись. Это был их самый любимый час. Потом мокрых, но

развеселившихся отрошков собирали в кучу, чтобы начать спортивные занятия. Они прыгали через препятствия, метали ножи, кидали камни и копья, кувыркались, играли в мяч, гоняя его по периметру двора. Потом игры переходили в охоту.

Детей разбивали на небольшие стаи, каждую группу вел за собой один из учителей. Они разбегались по лесу, а через какое-то время возвращались обратно, увешанные добычей. Кто-то приносил лемуру, кто-то тапиров, кому-то даже могло повезти с кабанчиком. Чаще всего улов состоял из мелких лесных птиц или ящериц. Так они проводили время до тех пор, пока одежда не становилась сухой.

Потом их снова собирали в кружок, и начинался урок садизма. Один из мужчин клал в центр круга мелкое животное или птицу, отрубал или сворачивал ему голову и потрошил, раздавая детям внутренние органы жертвы.

Дети эти органы рассматривали, передавали по кругу и с серьезным видом делали предположения о погоде на завтра, об урожае на будущий год, об извержениях вулкана через три столетия. После этого урока детей подводили ко мне и рассаживали полукругом.

В тени моей трещины вставал учитель и гипнотическим монотонным голосом вещал яйцеголовым двуногим птенцам об истории дерева жизни, то есть моей.

История была совершенно бездарной и глупой, но для юных отпрысков эта была самая интересная сказка на свете. Они

зачарованно смотрели на гигантскую мощь моего тела и верили в то, что я видел первый день рождения планеты.

Потом их снова уводили в домик, где они продолжали учиться рисовать знаки на темно-серой пудре, а потом наступало время нехитрого обеда. Во дворе выставлялись большие глиняные чаши, в них варились бобы с игуанами, курицей или кабаном, с тем мясом, которое было поймано во время спортивных уроков.

Когда трапеза заканчивалась, детей снова загоняли в домик, где учили обрабатывать камень. Дети к тому времени были уже совершенно синие и уставшие, поэтому многие начинали капризничать и плакать.

Тогда с ними проводилась назидательная беседа о великом воине, достойном соперничать с самым быстрым и хищным зверем на земле, который достиг совершенного контроля над своим телом только за счет тренировки воли. Некоторые дети поддавались этим уговорам и с новым приливом сил ковыряли известняк острыми ножами, а некоторые наотрез отказывались брать в руки инструменты и работать.

Тогда один из взрослых разматывал свой тюрбан, обнажая продолговатую голову, мочил кусок длинной ткани в воде и бил этой мокрой тряпкой непослушных детей по рукам и ногам. Каждый день взрослый, который должен был снимать с себя тюрбан и наказывать детей, был другим, словно среди воспитателей была какая-то оговоренная заранее очередь. Детей наказывали, те кричали, но потом сдавались и шли работать с остальными. Только один мальчик напоминал мне волчонка. Он

изо дня в день доводил мужчин до гнева. Его секли мокрыми тряпками по изуродованной обручами голове. Но он только злился, кричал еще сильнее и вовсе отказывался повиноваться.

Через какое-то время мне показалось, что взрослые мужчины устали от борьбы с демоническим ребенком, поэтому они стали реже замечать его, словно стараясь избегать конфликтов, а мальчик стал заниматься только тем, чем считал нужным заниматься.

В этой войне за право на самостоятельность победителем пока стал ребенок. Остальные дети прониклись глубоким уважением к этому несгибаемому собрату и при любой возможности собирались вокруг него стайкой.

Мужчины – воспитатели, молча, и недобро наблюдали за новым лидером, явно давая понять, что еще придет час, когда жилистые мужчины продолжат неоконченный разговор с этим учеником на тему, кто в стае главный.

17. Яйцеголовые

Ольмеки, таканти, уоннари - я не помню, кто и когда называл этих людей такими странными буквосочетаниями.

***Время имеет удивительную
особенность, оно имеет характер
воды.***

Его течение изменяется в зависимости от внешних факторов: то оно бурлит и стремительно несется вперед, то стоит на месте и меняет плотность. Оно расширяется и исчезает, словно паровое облако, не оставляя следов. Чем дольше я плаваю в этом капризном океане времени, тем сложнее мне вспоминать момент произошедшего события.

***Время стало погрешностью, которой я
вполне могу пренебречь, уделяя большее
внимание истории моих наблюдений.***

Однажды случился скандал. Мальчик-волчонок очень резко ответил одному из учителей. Мужчина, устав от неповиновения и наглости воспитанника, пришел в ярость и потерял контроль над своими поступками.

Он не стал звать другого воспитателя, который в этот день имел право снимать тюрбан и наказывать. Учитель сам накинулся на ребенка с кулаками. Но мальчик был уже в возрасте молодого олененка, когда уже есть прыть, есть пушистые рожки на голове, есть необоснованная уверенность в своих силах и удали.

Учитель ударил мальчика, тот ответил. Мужчина в гневе схватил палку и нанес ребенку удар по голове. Череп мальчика треснул со странным глухим звуком разбитого перезревшего арбуза, по лицу ребенка потекла кровь. Дети, наблюдавшие эту мгновенную стычку, громко закричали и заплакали. Во двор стали выбегать другие ученики и воспитатели. Мальчик-волчонок запустил камнем

в своего воспитателя и исчез в лесу, оставляя за собой алые капли крови.

Во дворе началась суета. Воспитатели пытались добиться от детей ясного рассказа о происшествии. Сам мужчина тут же скрылся в своем домике и запер дверь. В дверь стучали, но он не отзывался. Кто-то из учителей ушел в лес, чтобы разыскать ребенка.

Уроки были остановлены, детей быстро собрали в стаю и увели по домам. Весь вечер и всю ночь по двору ходили взрослые мужчины, потом к ним присоединились женщины, все громко обсуждали случившееся, выкрикивали имя ребенка, стучали в дверь притихшего учителя.

На рассвете во дворе собрались почти все взрослые жители, которые уважительно расступились перед главным жрецом. Высокий, очень высокий и яйцеголовый жрец, с огромным тюрбаном, самыми замысловатыми наколками и тяжелыми мудреными украшениями медленно вступил на усыпанную песком площадку перед домиками. Он появился, люди притихли, воздух стал плотнее. Жрец подошел к двери домика, за которой скрывался учитель, тихо и только один раз ударил огромным кольцом. Жрец постоял несколько вздохов перед дверью, опустил голову и закрыв глаза, а потом повернулся и негромко сказал:

- Ломать!

Вышли двое высоких мужчин, всем весом навалились на деревянную дверь. Треск, скрип, и тяжелая дверь из массивных бревен громко шлепнулась на пол. Жрец величественно шагнул

внутрь полутемного помещения, знаком приказав всем остальным ждать снаружи.

Люди на улице замерли в ожидании чего-то страшного, но страшного не произошло. После нескольких минут напряженной неизвестности, из беззубого рта дома появились жрец и ссутулившийся, обмякший преподаватель. Женщины зашептались, мужчины невольным движением выдали свое возмущение, но жрец жестом приказал всем молчать и не двигаться.

Главный и уважаемый яйцеголовый важно подошел ко мне, встал прямо у разлома в стволе, повернулся к людям и заговорил тихим, гипнотизирующим голосом. Он словно выпевал каждое слово, впитываемое каждым с жадностью и восхищением. Так делают некоторые змеи, заволакивая жертву мягким шипением и размеренными покачиваниями.

Он рассказал совершенно чудесную историю, которую я еще никогда не слышал от «это люди», и которая рассмешила меня своей наивностью, порадовала изощренностью наслоения вымысла и правды. Тогда я понял, что люди рвутся к пониманию, они жаждут осознавать и воспринимать, но по какой-то неведомой причине, понимание для них достижимо только в виде мелких осколков знаний, которые они бережно собирают, хранят, но периодически теряют, забывают, чтобы снова мучиться одними и теми же вопросами:

***как устроен мир, и где в нем место,
отведенное для «это люди»?***

Сказка начиналась с меня. Оказалось, что когда-то давно на планете были только плавающие, небольшие острова. Они передвигались, меняли форму, росли и уменьшались, цвели и умирали.

Эти плавающие острова были результатом переплетения многих миллионов водных растений, которые вышли на поверхность из глубин океана, сцепившись так крепко, что ловили и задерживали на себе пыль и песок, которые вместе с перегноем растений становилась землей. Именно на таких нетвердых первых землях появилась жизнь.

Сначала это были мелкие рачки, отдыхающие от опасностей глубин на поверхности покачивающегося зеленого пласта. Потом появились ящерицы, змеи и крабы. Воздух был густым и плотным. Все вокруг только ползало, плавало или стелилось. И никогда на земле не появился бы человек, если бы однажды не появился я.

Оказалось, что я вырос на одном из таких островов, соединив наконец море и землю, укрепив плавающий остров и открыв новую эру в развитии жизни. Я стал настолько высоким и сильным только для того, чтобы ухватить корнями шкуру планеты на дне океана, ухватить и вырвать кусок твердой суши на поверхность.

Я вырос высоким и мощным, чтобы дотянуться руками до неба и разорвать плотный слой облаков, давая возможность солнцу греть планету, а мелким живым созданиям выпрямить спины и расти вверх, отрывая головы от пушистой зелени растительных ковров. Именно это усилие гиганта, то есть мое, заставило планету изменить ход привычных вещей, и с тех пор земля возвышается

над океаном, а плавающие острова постепенно исчезли за ненужностью.

Далее я понял, что то место, где я сейчас расту, было именно местом, где плавал первый остров, местом, где я появился и вырвал землю из лап соленых глубин, поэтому именно это место является священным и наиболее важным, так как с него начался расцвет самого человечества.

Человечество, как оказалось, вышло из раскола в моем стволе, так как однажды я загрустил, что нет ничего разумного на земле, загрустил, заплакал, взвыл, что у меня нет детей, нет продолжения, но будучи титаном во всех своих проявлениях, я вырвал из себя часть души, наполнил ее своей кровью...

В этот момент жрец быстрым взмахом скovyрнул кору на моем стволе, повергнув слушателей в экстаз восторга демонстрацией моей густой и алой крови. Наполнив своей кровью часть собственной души, я усилием воли раздвинул собственное тело, оголяя его до самого сердца, и выпустил на свет первых людей.

***В этом месте рассказа мне стало так
смешно, что я даже зашумел и
закачался от хохота.***

Моя неожиданная реакция на рассказ заставила людей плюхнуться на колени и возблагодарить меня, как праотца всех людей. Когда я

вдоволь нахохотался и замолчал, жрец, довольный произведенным эффектом, продолжил свой рассказ.

Дальше – больше: люди, то есть часть моей души, были огромными, красивыми и сильными. Они сначала знали все, и для них не было ничего недоступного. Это была раса гигантов и мудрецов. Они жили в гармонии с природой, не пытались вмешаться в заведенный ход вещей, они не убивали и не разрушали, они были идеальными детьми.

Эти идеальные дети питались упавшими плодами и растениями, они брали только то, что давала им земля по собственной воле, они были счастливы и от этого прекрасны. Но однажды, после одного из затяжных дождей, произошли перемены: один из моих сыновей изменился, он стал другим. Это произошло незаметно для окружающих: вода попала в его душу, застоялась в ней и протухла.

Никто не мог отличить этого нового человека от остальных: у него были такие же руки и ноги, он говорил и двигался так же как все, но кровь его стала грязной и заболоченной.

***Он первым позволил себе убить
беспомощную игуану и положить в
рот чужое мертвое тело, чтобы
переварить и сделать частью себя
самого.***

Он первый заявил о том, что достоин большего, чем все, что он сильнее, храбрее и мудрее. Община вызвала первого трупоеда на общий разговор. И этот день стал великой человеческой трагедией. Человек с болотной кровью в разгар спора случайно толкнул другого соплеменника – тот упал, ударился головой о мои корни и умер. Это было впервые: один мой сын убил другого.

Мне стало жутковато слушать эту историю, я, неожиданно для себя, вспомнил бегущую ко мне девочку с мешочком молока для больной собаки. Я вспомнил ее хрупкое тельце, обмякшее на моих корнях, я четко видел огромного крокодила, который волочил мертвого ребенка в свое желто-грязное логово...

Откуда этот жрец мог знать, что на моих корнях умер человек? Неужели люди тоже могут слышать мысли? Неужели им тоже бывает доступно понимание и осознание? Но история шла своим чередом, и я невольно сам заинтересовался этой несуразной небылицей с мелкими кристалликами правды.

К сожалению, после случившегося убийства, никто из людей не решился ответить на агрессию.

***Они не наказали виновного не потому,
что были слабее, а потому, что
считали себя умнее и чище.***

Но это было их ошибкой. Непротивление злу не исправило и не очистило отравленную кровь убийцы, а, напротив, утвердило его в

мысли о собственном превосходстве, вседозволенности, избранности. Наступило время тревог.

Люди не прогнали от себя трупоеда, а он не раскаялся в убийстве собрата, не перестал есть трупы, не задумался о собственной духовной чистоте. Мирное до сих пор общество людей постепенно превращалось в беспокойное, подозрительное племя. Люди пытались изолировать своих детей от общения с трупоедом и сами старались не вступать с ним ни в какие контакты. Они стали следить друг за другом, пытаясь понять, водит ли кто дружбу с убийцей и пожирателем мяса животных.

А недостойный член общины как раз очень любил играть и общаться именно с детьми. И детям тоже нравился друг, которого сторонятся все взрослые: так дети часто неверно понимают презрение к кому-то, принимая его за страх. ...

Дети считали убийцу особенным - смелым и сильным, и часто бродили с ним по лесу, помогая выслеживать и убивать слабых. Так незаметно дети тоже изменились и стали жестокими и способными на убийство.

Дети имеют право не отличать плохое от хорошего, зло от добра.

Одна из матерей почувствовала, что ее ребенок стал чужим, недобрым. Она рыдала всю ночь у ствола праотца, то есть возле меня, а я, оказываясь, дал ей совет, который тоже стал новой вехой в развитии человеческого общества.

На следующее утро заплаканная мать напоила ребенка моим соком. Ребенок заснул, и она отнесла его и оставила в разломе моего ствола, чтобы я исправил его душу. Я сжал голову ребенка мощными мышцами, сжал до хруста, высосал из него всю отравленную злобой кровь и отпустил. С тех пор те, кто является потомком нового, исправленного мною человека, имеют яйцеголовую форму черепа, они не едят трупы и не убивают слабых. Ребенок наутро собрал всех, кто готов был его слушать, рассказал о том знании, которое получил от меня, собрал и увел их на другое место, запретив трупоедам приближаться к их поселению.

Так мои сыновья разделились на два разных племени, так появились две разные группы людей: счастливые и недовольные. Первый яйцеголовый оказался мудрым: он не убивал, но строго охранял границы своей территории, отлавливая трупоедов скрытыми ловушками и оставляя их на съедение другим неразумным животным. Началась война.

Эта была первая война, она была не за территорию, не из-за нехватки еды, это была война из-за восприятия мира.

Трупоеды не могли смириться с тем, что другие сородичи оценивают их как людей испорченных - от этого их заболоченная кровь едко вспенивалась, и они делались еще агрессивнее и злее.

Они напали на соплеменников ночью с одним желанием - уничтожить всех яйцеголовых. Поначалу в этой войне яйцеголовые люди даже не пытались сопротивляться: они смиренно принимали смерть от своих братьев, отказываясь уподобляться животным. Но,

когда трупоеды принялись истреблять детей, яйцеголовым пришлось научиться убивать. Это было великой трагедией для их чистых и нежных сердец. Эта была страшная война, бессмысленная и жестокая. После нее не осталось взрослых. Несколько детей из разных племен, соединились в одну небольшую группу, где яйцеголовых детей оказалось больше. Так снова смешались яйцеголовые и трупоеды, они вернулись ко мне и поселились под защитой моей кроны.

Теперь все дети ели все, что могли добыть, но яйцеголовые свято хранили традиции своих родителей, формируя новое смешанное общество. Теперь яйцеголовые люди считают себя учителями для неразумных обычных людей, строго следят за их воспитанием.

В этом месте жрец сделал выжидательную многозначительную паузу. Он жестом разрешил людям встать с колен, поднял вверх сухой длинный указательный палец, заговорил громким, звенящим, угрожающим голосом:

- Сегодня случилось ужасное. Мы снова находимся на пороге новой волны насилия, которая неизменно приведет к новой войне, смертям, самоистреблению! Если сейчас не осознать опасность, то наш народ снова будет вынужден пережить трагедию.

Сегодня мы должны показать нашему праотцу насколько хорошо мы с вами выучили урок, который был дан нам много лет назад. У нас есть наш яйцеголовый брат, который сегодня потерял лицо человека и позволил себе действия, унижающие великое имя сына гиганта. У нас есть ребенок, который, судя по свидетельствам, имеет внутри застоявшуюся, испорченную кровь. Мы должны

решить, по какому пути будет развиваться история нашего народа. Если среди нас будет жить человек с испорченной кровью, то мы опять вернемся во времена раздоров и братоубийства. Если мы простим учителя, потерявшего лицо, то разрешим остальным терять над собой контроль, постепенно опускаясь до низшей ступени развития. Я предлагаю сделать так же, как сделала мудрая мать нашего яйцеголового отца: оставить обоих у дерева жизни, чтобы оно само решило, как поступить со своими провинившимися детьми.

***Здесь я задумался, поняв, что свои
суетные проблемы, которые всегда
возникают у людей из-за отсутствия
понимая, хитрый жрец решил
взвалить на мои ветви.***

Люди закивали головами, радуясь такому гениальному решению. Жрец, нисколько не удивляясь бурной и единогласной поддержке, на мгновение устало прикрыл глаза, потом медленно открыл веки, осмотрел присутствующих и снова зашелестел тихим голосом:

- Всем в лес, искать мальчика..., живым. Учителя к дереву, прямо в раскол ствола.

Не успел он договорить, как мужчины бросились на поиски мальчика, женщины шумно засуетились, дети кинулись ко мне, чтобы поближе посмотреть на засыхающие капли пунцовой крови.

Только мать мальчика сидела на земле с совершенно потерянным видом, тихо всхлипывая и пряча лицо, словно боясь показать окружающим, как больно и страшно ей сейчас за родного ребенка. Жрец проплыл мимо поникшей женщины, ни взглядом, ни словом не ободрив ее.

Это полное отсутствие сочувствия к матери являлось красноречивым укором в том, что она не смогла справиться с возложенной на нее ответственной миссией – правильно воспитать сына. Сейчас она так же несла наказание, и, пожалуй, самое болезненное – наказание презрением. И я согласился с ним.

Неистребимое зло, жестокость и жадность, которыми заражены люди, приносят в мир женщины.

Они сами являются хранительницами пороков и жестокости. Они передают эти качества как дар каждому следующему поколению. Они ленятся любить, терпеть и отдавать.

Они путают детей со своей собственностью, не понимая, что отростки являются творениями планеты и далеких звезд и что матерям отростки даются для взращивания их, заботы о них, а не для дрессировки. Ни одна самка, находящаяся в естественной гармонии с природой, воспитывая, не издевается над своими детенышами, унижая их физической болью и ограничением свободы. Так делают только самки «это люди».

Но сейчас меня занимало другое: я был озадачен. Как могло получиться, что «это люди» вдруг стали мной манипулировать? Когда из наблюдателя я превратился в активного участника их жизни? Как им удалось втянуть меня в их суетные и низменные проблемы? Какого решения они ждут от меня? Как я должен буду разбираться с двумя людьми, которых собираются привязать к моему стволу? Что я должен с ними сделать? От этих мыслей я даже начал нервничать. Чтобы отвлечься и успокоиться, я нашел взглядом силуэт моего собрата, который отчетливо возвышался над зелеными головами мелких деревьев на далеком склоне. Я нашел его и спросил:

- Что я должен делать?

- Иногда лучшее решение – это бездействие. Жизнь не может не двигаться, поэтому, если замереть и ждать, она сама найдет нужный выход. Ничто не стоит на месте, никто не может остановить ход вещей, никто ничего не решает сам. Стой, жди, смотри.

- Получается парадокс, - буркнул я в ответ, - если ничто не стоит на месте, то как я могу стоять и ждать?

Мой собрат только качнулся лениво, поняв мою иронию, качнулся и снова замер, ничего мне не ответив.

Несчастливого учителя привязали к левой стороне моего разлома. Мальчика искали долго, нашли уже к ночи. Он был исцарапан, левая часть головы покрыта коркой запекшейся крови, он был напуган, заплакан, рассержен и подавлен.

Мать кинулась к ребенку, рыдая, уже не стесняясь никого вокруг, в полный голос, улыбаясь от радости, страдая от боли. Ей преградили дорогу два яйцеголовых, они подхватили ее под руки и быстро увели куда-то в сторону домов. Мальчик безвольно сел возле правой стенки моего раскрытого тела, уставившись в глаза своему учителю. Его привязали.

Все разошлись, оставив нас троих наедине и в полной уверенности, что я решу проблему этих людей.

Сначала я замер и молчал, как мне посоветовал мой далекий собрат-гигант. Но уже к моменту появления на небосклоне Сириуса, я вспомнил, что ребенок уже второй день голоден. Я корой чувствовал, как нестерпимо болит у него голова, как жизнь вытекает из него тонкой, пусть и вонючей струйкой, но она уходит в мои корни, словно я выедаю этого детеныша изнутри медленно и незаметно.

Учитель понуро сидел, опустив подбородок на грудь и не глядя на окровавленного и затравленного ребенка. Он сломался внутри, убивая себя сам размышлениями о собственной слабости, никчемности, низости.

Я отчетливо понял, что если я не вмешаюсь, то первые лучи солнца обнимут два уже остывших трупа: один умрет от истощения и боли, а второй от самоедства.

Я был удивлен таким открытием.

Я впервые увидел, что суетливые животные могут отпустить жизнь и перестать хранить себя для счастья из-за потери внутренней гармонии, собственного достоинства, как они его понимают.

Я никогда не встречал такого феномена ни у одного другого животного, я никогда не замечал такого самоедства даже у нас, гигантов. Я плюнул на советы своего собрата и воззвал к лесу. Я просил и требовал воды и еды для мальчика.

Я обращался в темноту притаившейся жизни, которая зорко следила за происходящим с каждой ветки, из-за каждого бугорка, из каждой норы. Я больше не хотел видеть укоризненно покачивающийся силуэт далекого гиганта, который теперь раздражал меня своей равнодушной мудростью, своим высокомерным отрешением от реальности.

Я снова пришел в движение, внутри меня бурлила и пульсировала сила, которую я хотел вдохнуть в эти потерянные и слабые

существа. Я почти полюбил их, как когда-то любил мышей, которые мирно существовали у меня под корнями. Внутри разлома, по плотным сухим тканям моего массивного тела заструился сок, смешанный с кровью. Он добрался до головы ребенка, смачивая его волосы и рану на голове густой маслянистой массой. Эта смола принесла облегчение пленнику, обезболив и закрыв трещину на голове плотной пленкой.

Учитель же, почувствовав, как намокает его одежда, сначала встревожился, а потом смиренно замер и полной грудью начал вдыхать ароматные, дарующие забытие, испарения моей крови. Вскоре, уронив на меня головы, они заснули, а я продолжал требовать от леса воды.

В середине ночи, из чащи осторожно вышел ягуар, воровато приблизился к спящим, вдохнул в себя смолу, которая медузой растекалась вдоль всего разлома, вдохнул, отпрыгнул в сторону, зачихал, отошел прочь. Он обошел ствол, и вцепился зубами в веревки, раздирая их с остервенением голодного зверя, оглашая округу страшным рычанием.

На грозные звуки дикого хищника прибежали мужчины с факелами и стрелами. Они с удивлением наблюдали, как ягуар, неторопливо, пошатываясь, словно в бреду, медленной поступью направился обратно в лес, иногда недовольно оглядываясь на спугнувших его людей.

Еще через некоторое время появился жрец, который выслушав сбивчивые рассказы мужчин о сердитом ягуаре, который грыз веревки, чтобы освободить пленников, тронул пальцем смолу,

озадаченно посмотрел на меня и приказал людям отнести несчастных по домам. Мужчины бережно, даже ласково подняли ребенка и учителя, унесли их в жилища, и в следующие несколько дней вся деревня выхаживала страдальцев, словно они вдруг стали настоящими героями их народа.

Меня, как обычно, завалили цветами, обвязали ленточками, залили мне корни водой, замучили песнопениями и танцами. Когда мальчик восстановил силы, на него не надели металлический жгут. Он стал спокойнее и мягче. Больше ни один ребенок не носил на голове деформирующий череп ободок.

Мать привела мальчика ко мне, я понял, что голова у ребенка перестала болеть, что благодарил он меня искренне и от всего сердца, что оба эти существа, особенно женщина, действительно верят в то, что я был праотцем всех людей и являюсь спасителем ее единственного сына. Сын же верил, что стал особенным и более просвещенным, чем все его собратья.

Но это была хорошая гордость, созидательная.

Учитель нашел в себе силы просить прощения у ребенка, ребенок просил прощения у всех сразу, в общем, получилась достаточно приторная история, как нектар акации.

Но я был доволен таким исходом. Жрец сказал, что проблемы у людей возникают из-за их слабой и неверной памяти, и чтобы избежать повторения трагедий, он велел всем миром создать

огромные головы своих предков: первых сынов дерева жизни. Люди резали огромные лица из тел великих валунов, расставляя их по периметру поселения. Эти фигуры были не только напоминанием о первых и счастливых людях планеты, они были не спящими стражами порядка, бесстрастными, бессменными, всевидящими.

Пожалуй, за то время, которое я, по прихоти судьбы, жил рядом с людьми, я смог сделать несколько значимых для меня выводов.

***«Это люди» часто напоминали мне
мутирующую саранчу.***

Нельзя сказать, что африканская пустынная саранча является ужасным и отвратительным созданием природы. Она становится такой только после странной и резкой метаморфозы, когда над высушенными солнцем землями проливается обильный дождь.

Кажется, что вода, являясь главной и, наверное, почти разумной сущностью, составляющей основу любого живого существа, имеет власть над некоторыми из организмов, изменяя их. Так, от вдоволь напившейся и наевшейся саранчи рождаются поколения крылатых и прожорливых монстров-захватчиков.

***А у сытых и укрепившихся на земле
людей выделяются новые особи
тиранов и агрессоров.***

Чаще всего «это люди» берегут своих соплеменников только во времена больших катастроф и бед. Я много видел трагедий, я часто был свидетелем перемен на теле планеты. Никто из живых существ не изменяет заведенному привычному для них стереотипу поведения ни во времена спокойного существования, ни в моменты глобальных изменений.

***Только люди постоянно путались в
собственном типе: то они хищники,
то - жертвы, то - захватчики, то -
созидатели.***

Когда я наблюдал, как люди, зовущиеся ольмеками, предусмотрительно оберегали себя от возможных новых раздоров и трагедий, они напоминали мне нас - гигантов, думающих, все взвешивающих, спокойных и все понимающих. Я уже подходил к своему двухтысячелетнему юбилею, когда наконец осознал, что переживаю период моего расцвета, а впереди меня уже поджидают старость и дряхление.

Я вдруг с ужасом понял, что во мне начинает таять и исчезать желание сохранять себя для счастья, а в сердце все активнее и светлее плесенью расцветают лень и равнодушие.

Я уже не пытался запоминать каждый из прожитых дней, я перестал удивляться солнцу, я даже иногда позволял себе

пропустить момент возрождения дня, когда мир наполняется музыкой нежно и трепетно тянущихся к земле лучей.

***Я стал скушен сам себе, потому что
все окружающее уже казалось
знакомым.***

Только теперь, прожив еще три тысячи лет, я могу с уверенностью сказать, что жизнь моя прошла несколько ступеней. Мне кажется, что схема этапного развития жизни запрограммирована для всего живого и отличается только длиной периодов: для всей жизни мухи отведено время в два моих полных вдоха; для человека время длится от и до очередной смены моей коры, а для таких как я, предел, видимо, наступает, когда скалы потягиваются после долгого сна.

Причем время и внутреннее состояние часто совершенно не согласуются: в ранний период жизни время колыхается вокруг медленным сонным желе, и от одной весны до другой - настоящая пропасть мученического ожидания.

***В молодости ты не готов осознать
Время. Его еще заменяет рост.***

На первом плане тешится внутренняя жизнь - это бурлящее кипение чувств и страстей, они занимают собой все первые годы:

от любви к равнодушию, от равнодушия к любопытству, от любопытства к милосердию и обратно - до ненависти.

Но с возрастом Время и внутренняя жизнь объединяются, сливаются в одну вьющуюся ленту, оглушая количеством пережитого опыта, скоростью изменений, бесконечностью вариантов будущих изгибов.

А дальше неожиданно приходят чувство стыда за юные суетливые годы: внутренний застой, в который ты погрузился, растрачивая энергию на внешнюю суету, вдруг пугает.

Тогда Время становится болезненно ощутимым, словно оно, стремительно пролетая мимо, хлещет тебя своим жестким драконовым хвостом.

Закипает раздражение на себя, но тут же сменяется странной опустошенностью, словно то семя, из которого ты когда-то вырос, полностью тобой высосано, все его ресурсы и возможности использованы и новых источников для движения и развития - уже или еще - нет.

И наконец, когда уже начинаешь привыкать к постоянным пощечинам мгновений, когда смиряешься с пустотой и умирающим солнцем внутри себя, время и внутреннее сознание соединяются в момент абсолютного покоя, замирая и зависая вместе.

Этот короткий миг соития двух текущих категорий дает возможность уставшему от долгого пути организму вздохнуть

облегченно и подготовиться к настоящему, осознанному, значимому существованию.

Умение спокойно впитать и осознать это единение знаний, опыта и хронологии событий, последствий и их скорости целиком зависят от уровня достигнутого роста, от степени обретенного понимания.

Итак, юность ужасна исканиями и ожиданиями перемен, зрелость интересна суетой и ежедневными стрессами, а дряхление отмечено иммунитетом, как к изменениям, так и к их отсутствию.

***Но когда вдруг остается только
Время, а понимание истекает
секундами, ты знаешь, что твой
момент в этом мире завершается.***

Сегодня я могу только благодарить судьбу, что появился на свет именно гигантом, что в течение всей моей жизни у меня было несчетное количество моментов и периодов счастья, что я красиво и гордо умираю, теряя воду и медленно каменея, без боли, без запаха, без внешних язв.

Возможно, когда однажды, солнце снова будет робко протягивать руки из-за рассветного горизонта, я уже не услышу трепетной музыки зарождающегося нового дня, да-да, не услышу, но никто

вокруг даже не заметит, что последний гигант этой планеты больше не пишет летопись перемен.

18. Второе солнце

Но пока я все еще есть. Моя жизнь рядом с осторожными и уважающими себя и мир вокруг яйцеголовыми людьми осталась у меня в памяти радужным воспоминанием умиротворенного довольства. Я был доволен тем, что смог стать очевидцем реальной выгоды - плодов коллективного разума и труда.

После воцарившегося в обществе порядка, который частично был результатом расставленных повсюду каменных всевидящих гигантских голов-наблюдателей, люди стали неестественно быстро умирать. Но их разумность кардинально отличалась от мудрости, которая доступна мне.

***Разумность человеческая была
активной, деятельной до
бессознательной случайной удачи.***

Как только им открывался какой-либо секрет мироздания, они тут же находили способ применить его в практической жизни.

Однажды, когда мужчины, изнемогая от усталости, ковыряли и крошили тело огромного валуна, пытаясь придать ему форму человеческого лица, пошел дождь. Кто-то из рабочих развел костер прямо в огромном распахнутом отверстии, изображавшем рот истукана. Зрелище было сказочным, особенно, когда под

серебряными нитями проливного дождя на влажной поверхности пористого камня появлялись алые языки пламени, вырывающиеся из пустых глазниц идола, и исчезали снова в недрах открытой огнедышащей пасти.

Мужчины перестали работать, грелись, прижимаясь к валуну телами, подкидывая в огонь ветки и мусор. Как только дождь стих, люди снова принялись за работу, но так и не смогли продолжить, камень был настолько горячим, что дотронуться до него не было возможности. Только следующим утром рабочие пришли снова, удивились, что истукан все еще теплый, начали вычищать золу изо рта будущего вечного зрителя за порядком. Именно тогда кто-то достал из углей и пепла кусок полупрозрачного стекла.

Оно было кривым и неправильным, но гладким и блестящим, словно застывшая капля вчерашнего дождя. Тот кривой кусочек стекла стал началом бурного роста новых возможностей яйцеголовых людей.

Я много слышал потом рассуждений о том, насколько важным для расцвета власти человека над природой явился навык плавить металл и ковать железо.

Но я мог бы скромно заметить, что наблюдал эти навыки еще у полуголых и несчастных бедолаг, которые стайкой, комариной стопочкой приходили каждую весну в далекую горную ложину моего детства.

Они уже тогда имели металлические иглы, но это не делало их счастливыми, не делало умнее.

***Мне кажется, напротив, когда люди
скатываются снова в реальность
металлических сплавов, они только
далее отходят от заветной двери в
благоденствие.***

Они отталкивают ржавчиной и коррозией себя от мира, о котором каждая человеческая душа истошно вопит во снах, мечтах и молитвах, мешая мне спать.

***Время яйцеголовых было стеклянно-
хрустальным и каменным.***

Нет, они умели и знали, как смешать медь с оловом, как выплавить из черного куса руды железо, смастерить блестящее ожерелье из золота и серебра. Они знали, но не ценили это мастерство, так как все эти материалы не имели души, а только заряжались и переносили энергию окружающего: грозового неба, дышащей земли, любого животного.

***Энергия в этих металлах всегда
присутствует, но она всегда
переменчивая, капризная и злая.***

Минералы, умение общаться с ними и использовать их возможности – вот настоящая безграничная гармония суетливого животного и вечного Нечто. То время стало для меня самым загадочным и познавательным.

Я буквально каждый день открывал для себя новые скрытые секреты, которые разгадывали люди, развлекая меня все новыми и хитроумными устройствами. После первой полученной капли застывшего дождя, люди очень быстро научились выплавлять стекло самых причудливых форм, цветов и качеств. Магнитная гора, которая находилась недалеко от поселения, была изъедена туннелями, люди выгрызали из нее куски камней. От соединения хрусталя, магнитов, медных и алюминиевых колец по всему человеческому термитнику разливался дневной свет, разгоняя мрак длинной и влажной ночи. Некоторые камни, огромные и отполированные валуны, расставленные вдоль выложенных плиткой дорожек, светились сами по себе, просто от близости магнитной горы и нескольких согнутых кольцами металлических прутьев. Хрустальные купола домов, которые появились через несколько сезонов дождей, искрились разными цветами, а в темноте они излучали мягкий и нежный синий свет, освещая не только живущих внутри людей, но и все вокруг.

Еще позднее люди научились летать, вставая ногами на хрустальные плиты, под которыми были несколькими рядами уложены металлические кольца. По всей территории были установлены площадки для взлета и посадки таких плит, на каждой плите устанавливался п-образный каркас с магнитными камнями.

Эта конструкция легко зависала в нескольких метрах от земли и быстро перелетала к следующей площадке. Тогдашние люди напоминали мне веселых кузнечиков, которые прыгали с одной травинки на другую, стоя на хрустальной подставке.

Потом они построили первый стеклянно-хрустальный храм – сказочно красивое творение. В постройке использовались только минералы: храм светился, переливался цветами и завораживал взгляд. На вершине пирамидальной крыши сиял огромный шар – он периодически тихо потрескивал и выбрасывал в небо тонкие нити молний. Это было грандиозное событие, и я связываю его с появившимися позднее красочными картинками, которыми люди развлекали себя на площадях и улицах.

Объемные и яркие картинки тоже были продуктом творчества яйцеголовых. Любуясь ожившими сказками и историями на стенах хрустального храма, я понял, что люди в душе всегда – дети, несмотря на ту власть, которую они получили над природой. Все развлекательные голограммы, которые показывались на площади, рассказывали истории о любви, счастье, детях.. . Люди, после таких представлений, уходили с площади с улыбками, целуясь и обнимаясь.

Удивительные это были люди, странные и, пожалуй, самые уникальные из всех, что я наас блюдал за свою долгую жизнь. Они создавали музыку из тонко нарезанных пластинками камней и кристаллов, точно зная, какой голос имеет каждая из этих пластин, как этот голос меняется в зависимости от толщины и длины камня. Эта была самая красивая музыка, самая мелодичная и утонченная,

которая не шла ни в какое сравнение с треском и звоном сistrумов, которыми оглушали меня девушки на берегу желтой и невкусной реки.

А оркестры, которые состояли из стеклянных и сердоликовых флейт, в купе с нефритовыми ксилофонами, обсидиановыми барабанами, звенящими варганами из окаменелых костей и деревьев производили на меня гипнотическое действие, заставляя буквально подтанцовывать и почти плакать от радости, от обрушивающейся на мои ветки красоты звуков.

Мне даже показалось, что эти люди стали отличаться от всех остальных, словно остальные остались дикими животными, а эти превратились в мудрых, но быстродвигающихся гигантов. У них изменились выражения глаз, мимика лица, даже форма зубов.

Они стали другими, будто сытость и счастье оставляет не меньший отпечаток на внешности, чем голод и страдания.

Эти люди были красивыми, почти идеальными творениями суетливого мира. Иногда казалось, что они сияют изнутри ласковым светом любви и мудрости. Мне это нравилось, я даже начал немного тушеваться перед ними, чувствуя, что эти создания являются в гораздо большей степени, чем я, Великанами нашей планеты.

Мне нравилось, что за несколько сотен лет существования красивого народа - ольмеков, никто из соседей или татуированных дикарей ни разу не пытался напасть или захватить хрустальный город. Я понимал, что многие недоразвитые люди, которые кололи себя иглами и бегали босиком по лесу, не верили, что ольмеки были реальностью.

Иногда случались казусные, смешные истории. Когда в светящийся город случайно забредали представители других племен «это люди», то с гостями происходило невероятное: от потрясения со многими случался нервный припадок - некоторые падали на землю и начинали вопить, на других нападал приступ неконтролируемого истерического смеха; кто-то, напротив, впадал в агрессию и пытался сражаться с летающими плитами и голографическими картинками. Каждый из них реагировал на увиденное так, как позволяла ему его степень понимания происходящего.

Но, характерно то, что все они уходили из необыкновенного города, никто даже не пытался остаться. Для них это была иная реальность, к которой они еще не были готовы.

Практически каждому из случайных гостей казалось, что он попал в потусторонний мир, в сказку, что это сон. И ни один не захотел принять правду: это была возможность жить так же и быть таким же.

Но все когда-то заканчивается, и чем дольше я существую, тем мучительнее переживаю любые перемены и изменения. В один из весенних дней я уловил странное изменение привычного жужжания неба.

***Обычно воздух, словно стеклянный
шар, всегда наполнен слабым
дребезжанием электромагнитных
волн.***

Я их слышу, чувствую, я в них живу. Эти высокочастотные звуки стали настолько привычными, что часто я о них совершенно забываю. Но в тот день в этом пiske появились новые ноты.

С самого утра, когда солнце привычно исполняло свой ритуальный танец восхождения над горизонтом, его трепетную, еле уловимую песню периодически прерывал далекий и шуршащий звук какого-то движущегося тела. Я занимал огромное место посреди великолепной каменной площади. Вокруг красовались искусные дома с прозрачными крышами, между домов извивались дорожки, аккуратно уложенные разноцветной мозаикой. Вдоль дорожек стояли сияющие внутренним светом валуны. По углам улиц располагались площадки для летающих плит. Строения окружали меня со всех сторон, даже хрустальный храм я мог видеть только частично, так как он был построен в нескольких сотнях метров от моей площади.

Но я все равно мог видеть границу города - темно-зеленую полосу леса, укрывающую от чужих глаз этот оазис счастья. Я мог кивать головой своему родственнику – великану, росшему на склоне далекого холма. Я мог видеть далеко за чертой города .

Именно из-за холма, откуда каждый день появлялось солнце, пришли перемены. Всегда, в начале рассвета, когда птицы устраивали настоящий гам, стараясь перекричать друг друга, пытаясь докричаться до самого светила, чтобы резко замолчать и затаиться перед самым появлением солнца. Во время этой паузы край щетинистого холма сначала становился контрастно-черным, потом начинал плавно размазываться в темно-зеленый, после он резко окрашивался почти в розово-оранжевый. Лес все еще молчал и ждал. Тогда небо вокруг разливалось волнами самых невероятных цветов, начиная от фиолетового до ярко-красного, багряного, малинового. Я любил эту минуту больше всего, так как в эти мгновения казалось, что холм имеет сияющий нимб, который светится и указывает дорогу в бесконечное блаженство.

Еще секунда и, разрывая плавную линию разноцветного ореола над макушкой холма, резко появлялся оранжевый солнечный глаз. Он смотрел, думал, а потом медленно и плавно выплывал над зубцами деревьев, сразу же заливая все пространство ярко-белыми прямыми и жесткими лучами.

И тут же вся романтика момента испарялась, словно утренняя роса. Лес оживал, принимался суетиться – жить. Холм становился блекло-зеленым, с одним торчащим над всем лесом великаном, небо смывало все краски и превращалось в выстирано-белесое полотно; только город искрился мириадами звезд под игривыми атаками солнечных зайчиков.

Но в тот день, в момент, когда солнце уже выедало все насыщенные краски рассвета, я понял, что с другой стороны небо

наполняется непривычно яркими цветами: темно-бордовыми, словно пролитая где-то на другой стороне небосвода кровь.

Я замер, замолчали птицы, сама планета напряглась и начала почти испуганно дрожать. Эта была не та дрожь, которую я знал и боялся, это был не гул и густой низкий рокот из глубин, нет, земля дрожала поверхностью, кожей.

Рассвет в тот день шел навстречу своему двойнику.

Я помню, что люди проснулись и выскочили на улицы, изумленно рассматривая небо и пытаясь понять, где же настоящее солнце. А солнц появилось два. Одно было оранжевым и нашим, второе пришло распарено-красное и меньше по размеру.

Внизу, в городе, начались паника и переполох. Люди, какими бы они ни были высокоразвитыми, все равно оставались суетливыми животными. Начался плач, хаотичная беготня по городу, кто-то уже бежал к магнитной горе и искал укрытие в ее пещерах и туннелях. Паника передалась и мне, но благодаря тому, что я многие сотни лет закалял в себе волю к сдерживанию эмоций, я смог сохранить лицо и не начал скрипеть, трещать или дергаться.

Я неподвижно взирал прямо на лик красномордого пришельца, не дрогнув ни веточкой, ни корнем.

Я настолько ушел в недра собственного сознания, стараясь укрыться как можно глубже от внешнего мира, что внезапно снова оказался в океане мыслей и чувств мироздания. На меня шквалом обрушились мольбы и просьбы бегающих внизу людей о спасении. Я утонул в тихих призывах о помощи застывшего в изумлении леса. Я даже ощутил почти суетливый страх и растерянность самой земли. Но сильнее всего меня заворожила тихая, медленная и безумно тоскливая, выкручивающая корни, песня, которая доносилась сверху, прямо от раскаленного до пределов нового солнца.

Она была почти шепотом, выдохом, шелестом, магнитным полем, прерывающимся неровным трепетом. Наш красноликий гость оказался хрупкой и ранимой планетой.

Голос новой гостьи, чьи мысли были полны сомнений, грусти и усталости, колючей занозой вошел прямо в мое сердце, которое тоже забилося в такт новой музыке, изнемогая от невыносимости бытия и абсолюта одиночества.

«Всегда были вселенская пустота и холод. Этот вкус я постоянно чувствовала в себе с самого первого момента моего появления», - шептала она.

Мне показалось, что я услышал собственные мысли, свои мелодии и от такой схожести чувств мне стало жутко.

«Есть другие звезды, планеты, кометы, облака, но они все так далеки – никто никогда не оставляет свою орбиту.

С началом самого времени появилось золотое правило: живи один, держись подальше от остальных, избегай столкновений, чтобы не потревожить себя и не искалечить других».

Золотое правило индивидуальности: всегда в обществе, но вечно одинок.

Круги и сферы, которые до бесконечности наслаиваются друг на друга, но каждый такой мыльный пузырь имеет четкие границы, которые никогда не соприкасаются с соседними.

Самый маленький круг – твое я, потом круг пошире – твоя система, дальше – созвездие и так до беспредельного далека. Твой самый маленький круг всегда остается пустым потому, что как только ты его разорвешь, то сразу же потеряется сама суть твоей формы.

Вот она самая начальная и основополагающая точка всеобщего и узаконенного одиночества любого тела.

Да, однажды я была планетой. Я была маленькой и одинокой планетой, даже без собственного спутника, который бы мог хоть как-то развлечь меня. Я послушно выполняла правила общежития вселенной. Я была одна, в пустоте и холоде. Никогда я не сдвигалась с предначертанной мне судьбой дороги, никогда не звала к себе компанию, как бы невыносимо горько мне ни было.

Но такие незыблемые стабильность и порядок, омрачаемые огромными расстояниями между соседями, убивали во мне саму жизнь, убивали медленно и планомерно с каждым новым витком по давно опротивевшей дороге без конца и начала. Я почти была уверена, что все остальные планеты и звезды вокруг страдали совершенно так же, мучились от такой же пытки одиночеством и пустотой, страдали, но боялись перемен.

Наконец, настал тот день, когда я почти готова была восстать против не мной выдуманной системы. Я до отчаянного крика хотела вырваться из леденящих и скользких лап одиночества. Мне нужен был друг, спутник, гость, кто-нибудь, чтобы помочь мне выбраться из вязкого состояния безвременья и однообразия.

Я устала бояться и перестала следить за отведенной мне дорогой.

Я даже перестала вращаться с заданной мне скоростью. Я начала бунтовать. Мое солнце испуганно забилося в конвульсиях, выбрасывая в мою сторону широкие рукава протуберанцев, обжигая меня порывами штормовых ветров и выплескивая мне в

лицо облака раскаленной пыли. Эти оскорбления только раззадорили меня, и я совершенно остановилась в своем вращении и почти перестала продвигаться вперед по орбите.

От такого неповиновения моя высокомерная звезда начала буквально раздуваться от ярости, накаляясь и краснея все больше и больше, сотрясаясь и клоча. От надвигающегося на меня истеричного светила, я сама начала нервно краснеть, распалаться и вздрагивать.

Мне стало почти страшно, что я вдруг исчезну и больше не буду частью этого огромного и пустого мира бесчисленных тел, крутящихся по кругу и сходящих с ума от бессмысленности такого существования. Испугалась, но, сразу же, успокоилась. Я уже видела миропорядок, я уже была частью карусели, я уже страдала от безликости и ничтожности. Пусть теперь мне больно от пламени бушующего красного монстра, пусть я скоро исчезну в пекле растревоженного деспота, но я впервые чувствую нечто отличное от тоски и пустоты.

Моя взбешенная звезда расширилась и навалилась своим конвульсирующим в схватках пузом на мою орбиту. Поверхность у меня на боках накалилась так сильно, что начала плавиться и растекаться вязкими реками. Я видела только ослепляющий лик взбудораженного солнца, которое, казалось, уже само сожалело, что так сильно разнервничалось, но остановить этот процесс расширяющегося роста уже не могло. Теперь я с искренним волнением считала мгновения, которые мне остались до

исчезновения, размышляя, что я буду чувствовать, когда звезда будет пожирать меня.

Ослепленная и совершенно заторможенная, я уже напряглась перед последним своим вздохом, прямо перед раскрывающейся пастью бушующего пламени, как вдруг меня до судорог больно и грубо толкнули в сторону, и я понеслась куда-то в глубины темноты и бесконечности.

Я летела с такой невероятной скоростью, что даже не успела остыть. Я неслась мимо удивленных комет, я врезалась в пылевые облака и разбрасывала их в стороны, даже не успевая извиниться, я почти ткнулась носом в огромную мрачную и очень старую планету, которая вовремя оттолкнула меня, затормозив мой безумный полет.

От гигантской планеты меня отнесло в сторону, и я очутилась здесь, почти рядом с такой же одинокой и страдающей сущностью, которая искренне испугалась за свое будущее. Здравствуй, дорогая подруга. Здравствуй, моя сестра по несчастью».

Я пытался расслышать, что ответила наша Земля на такое странное приветствие, но ничего не услышал, кроме бессмысленной и непрекращающейся вибрации ее тела. Наша планета оказалась немой или неразговорчивой.

Тем временем, люди уже успели разбежаться и спрятаться, все мудрые и долгоживущие создания приготовились к последнему вздоху, а солнце задумчиво замерло в зените, с любопытством рассматривая незваную гостью.

Наступила пауза. Когда от чужой воли, чужого движения зависит напрямую твоя собственная жизнь, тогда любая пауза кажется безмерно мучительной и невыносимо долгой.

***Мне казалось, что момент застывшего
небытия длился тысячи лет, хотя
после я понял, что наша планета
раздумывала недолго, несколько минут,
перед тем как начать двигаться.***

Привычный магнитный фон земли, этот постоянный писк, неожиданно начал угасать, словно кто-то медленно и планомерно закрывал клапаны, из которых вырывался наружу этот звон. Земля снимала с себя защитную оболочку, становясь неживой материей, лишенной энергии. Как только наша планета впала в состояние комы, я сразу ощутил на себе дикую боль от неожиданно огрубевших рук солнечных лучей. Они начали колотить по нам, словно отбойные молотки, буквально проедавая внутренности, прожигая ткани. Я невольно сжался, стараясь сократить расстояние между чешуйками коры настолько, чтобы максимально уменьшить размеры собственного раздавшегося вширь тела, стать непроницаемо плотным и насколько возможно усохшим.

***Я понимал, что скрывается от этого
вдруг начавшегося избиения светом
мне некуда.***

Внутри меня постоянно что-то лопалось, жглось, горело и трескалось. Я превратился почти в камень, настолько сильно я сжал свои мышцы, что от этого по поверхности коры потекли настоящие слезы. Это были капли воды, которые истекали из моего тела, просачивались наружу и уносили с собой мою жизнь.

Сколько продолжалось это истязание я не помню. Помню только, что когда у меня уже не осталось сил сопротивляться этой непрекращающейся атаке солнечного поцелуя, я отупел, впал в беспамятство и запомнил только невероятно красивую картинку в небе: весь купол небосвода сиял танцующими радугами, которые переливались яркими, насыщенными цветами, смешиваясь и расходясь снова, словно крылья огромной и самой экзотичной бабочки мира.

***Именно с образом этой неземной по
красоте картинки я умер.***

19. Мир отрицательных чисел

Когда мое сознание снова вернулось ко мне, мир стал другим. Практически все деревья вокруг буквально опали на землю,

потеряв зелень цвета, превратившись в выстиранные бесформенные куски старых тряпок.

Город, который когда-то сиял хрустальными крышами и разливал искусственный свет минеральных фонарей, теперь потерял свой блеск и наводил ужас своей безжизненностью.

Каменные головы великанов-смотрителей, изваяния, расставленные людьми по периметру города, приобрели красноватые оттенки, а их когда-то отшлифованные и блестящие лица стали шероховатыми, словно переболевшие оспой.

Прекрасный храм из кристаллов и стекла, где на вершине красовался огромный шар из горного хрусталя, поблек, а сама сфера стала мутной, будто в ней клубком свернулись тонкие белесые черви. Многие животные, птицы и насекомые уже успели разложиться и сгнить. В воздухе появился удушающий запах смерти. Сам я превратился в согнутое, скрюченное, исполосованное шрамами одряхлевшее нечто, никак не напоминающее великое и могучее когда-то дерево жизни.

Я стал настоящим мутантом, монстром, искореженным куском целлюлозы, без коры и листьев.

В небе грустно замерла поющая новая планета, которая из красной огненной точки превратилась в зеленый светящийся шарик, словно вторая луна, которая прогуливается по небу днем, но светится как ночью.

А земля до сих пор молчала. Она все еще было в глубоком болевом шоке, в летаргическом сне, без движения, без дыхания. Она и не думала защищать своих детей, она трусливо спряталась внутри своего ядра и выжидала, пока солнце и гости сами разберутся. Земля волнуется только о самой себе.

***Я все больше понимал, что не просто
не люблю, но не уважаю планету,
которая стала моим домом.***

Я знал по опыту, что перемены еще грядут. И мне стало так плохо, я почувствовал себя таким незащищенным перед лицами этих небесных деспотов.

***Я понял, что любой гигант всегда
встречает на пути другого, перед
которым становится карликом.***

Мне стало так жаль себя, что я взвыл, как это делали волки в горной лощине, взвыл прямо в лицо новой зеленоглазой планете, взвыл без слов и мыслей, просто одними звуками выражая всю горечь и боль, весь страх и отчаяние, которые я пережил, переживаю и не хочу переживать еще.

В тот момент я проклял мир, жизнь и мое в ней появление. Если бы я не родился, то и не знал бы ничего этого. Я не существовал бы, не чувствовал, не страдал. Что хорошего случилось со мной за то

время, пока я наблюдал эту бессмысленную смену суеты и тлена на поверхности нашей злобной планеты?

Сколько раз я был по-настоящему счастлив? Для чего я пытался, словно блаженный идиот, хранить себя для счастья? Какое оно это счастье? Почему я не умер раньше, пока еще имел веру в будущее, пока еще хотел ждать новую весну, пока любил солнце?

Мне было невыносимо обидно, что со мной так незаслуженно жестоко обошлась жизнь. Чем я провинился в момент появления на свет? Почему я так не угодил миру, что он каждый день, каждый час с терпением самого извращенного садиста делал все, чтобы убить во мне всякую веру в радость? Чем я не понравился?

На меня нахлынули воспоминания детства. Я увидел перед собой картинки далекого забытого прошлого, где был хрупким, стройным и нежным. Я снова ощутил, с каким глупым восторгом я встречал новое утро, как я наблюдал за другими, как радостно ждал перемен, как искренне гордился собой и верил в свою важность.

Я, изуродованный остов когда-то великого дерева, вспоминая себя маленького, настолько был себе мил, что еще больше начал выть от удушающей меня тоски и обиды.

Жизнь обошлась со мной необоснованно жестоко и отвратительно. Я бы понял все, принял бы любое наказание, любые трудности и изменения, если бы хоть немного, хоть чуть-чуть понимал за что. От столь умирительных воспоминаний своего детства, я плавно перешел на воспоминания о других живых существах. Парадоксальным показалось то, что практически каждый быстро

живущий организм, любое суетливое животное, все мудро существующие растения и медленно дышащие предметы, все появляются в этом мире с радостной надеждой на счастье.

***Любой щенок, птенец, росток, даже
камушек верят, что появились не
случайно, что мир удивителен и
прекрасен, что впереди только лучшее.***

Каждый юный организм несет в себе заряд положительной энергии, солнечного тепла и абсолютного оптимизма.

Насколько трудно наблюдать, как вся эта задорная вера в счастье начинает буквально высасываться из детского тельца капля за каплей, день за днем самим мирозданием. Создается ощущение, что новые юные существа приходят сюда из параллельного мира, где были радость и покой.

***Но, попадая в этот мир
отрицательных чисел, все мы
превращаемся в жертвы вселенной.***

Да, вселенная отторгает от себя идею возможности абсолютного счастья как нечто чужеродное и вредоносное, как утопию. Здесь все считается в минусах, здесь все построено на страхах: потери, наказания, расплаты, неожиданного горя, смерти, в конце концов.

***Здесь всегда ждешь перемен, но редко к
лучшему.***

Самое страшное в жизни любого существующего на этой планете предмета – это бессилие и зависимость.

Жизнь – это зависимость.

Я до агрессивной злобы начал ее ненавидеть. До этого дня я страшился исчезнуть, умереть, перестать быть, но, обдумав события моей жизни, я понял, что, если в момент рождения я принес с собой понятия любви и радости, значит до моего появления здесь, где-то в прежнем бытии-небытии, я был счастлив.

***Если я был счастлив в другой
вселенной, то отчего же я так
цепляюсь за пребывание в этом мире,
полном несчастий, пыток и ужасов?***

Я не хочу больше быть частью отвратительной клоаки, по имени Жизнь на земле.

Пока я пребывал в таких размышлениях, из пещер магнитной горы стали медленно появляться оставшиеся в живых люди. Они тоже сильно изменились, мы стали почти похожи. Практически все потеряли шерсть на головах, кожа была изъедена язвами и ранами

от мелких ожогов, а некоторые были слепыми. В когда-то прекрасный город совершенных людей теперь возвращались настоящие уроды и калеки.

Поющая планета вздрогнула, словно осознав, сколько бед принесло ее внезапное появление, она вздрогнула и начала медленно уменьшаться, превращаясь из зеленого шара в желтый, потом в красный шарик, точку...

Она исчезла так же быстро, как и прилетела. Как только небесная гостья двинулась с места, Земля тут же начала дышать.

***Я уже хорошо знал этот рокошущий,
басистый зевок прожорливой и
толстобрюхой матери-планеты. Но
теперь я понимал, что она еще и
труслива.***

Если раньше этот гортанный гул приводил меня в состояние гипнотического ужаса, то теперь я внимал ему с презрительным отвращением. Я жаждал поскорее встретиться с тем мгновением, которое унесет меня обратно в другой мир, где существуют только плюсы и только положительные ответы.

Мне стало ясно, что пороки, которые не исчезают, не выводятся из живых существ планеты, являются самым естеством уродливой колыбели жизни.

Она сама и есть инкубатор зла и насилия.

Земля снова задрожала всей кожей, потом зарычала, задержалась, будто внутри у нее бултыхалось и вскипало нечто жидкое. В глубине ее недр началась пульсация - наше чудовище вдруг резко выплонуло из себя огромный пузырь газа, разорвав часть земной коры и погрузив в одно мгновение огромный кусок суши в пучину вспенившегося океана.

И я, вместе с несчастными искалеченными людьми, которые уже успели поверить, что им удалось пережить ужасные времена, вместе с чудесным хрустальным городом, вместе с большей частью каменных идолов, - был опрокинут в соленые воды океана. Все мы были брошены на произвол судьбы.

Такая вот у нас мать. Я видел, как один за другим тонули ослабевшие люди. Я слышал, как они проклинали день своего рождения и день своей смерти, и я был с ними согласен. Я с жалостью провожал уходящий под воду стеклянный шедевр, город-чудо, которое не сможет повторить ни одно из последующих племен. Я грустил, но не плакал и не паниковал, я с отчаянным нетерпением ждал смерти.

Удивительно, но за время этого моего плаванья, соль не смогла даже вгрызться в меня, настолько сильно изменилось строение моих тканей.

Я просто стал камнем, без соков, без крови, без сердца.

Земля все еще билась в припадке запоздавшей ярости, размахивая кулаками вслед давно ушедшей планете. Океан бушевал, небо плевалось молниями, а я индифферентно болтался на поверхности вод и посмеивался над опротивевшей мне жизнью.

Через какое-то время земля выпустила из себя пар, снова начала попискивать, сначала прерывисто, потом настойчивей, а еще через некоторое время я услышал четкий и ровный храп засыпающей земли. Только теперь я понял, что верх стал низом, а юг стал севером. Но мне было все равно - какие еще гадости оставила нам наша взбалмошная хозяйка.

А гадости оказались не такими уж и большими. Море было менее соленым, растаяли льды практически повсюду, воздух стал жиже, небо поднялось выше, дни показались длиннее. Я все качался на волнах успокаивающегося океана, качался и почти ни о чем не думал и не вспоминал.

Однажды меня прибило к берегу песчаного пляжа, за спиной которого высился прекрасный, не заболевший, не искореженный, лес. Этот лес отдаленно напомнил мне жителей горной лощины. Я снова увидел бурые и стройные сосны, развесистые ели, толстенькие дубы, тополя и осины. Я с удивлением вспомнил, что есть еще на земле папоротник и мох, подорожник и клевер.

Но вместо радости от такой встречи, я впал в истерику. Это была первая и последняя истерика в моей жизни, когда я стenal, выл и рычал, но не от боли и ужаса, а от обиды и отчаяния.

Вот он день, когда я вернулся в колыбель своего детства, вот он я, блудный сын своего леса, смотрите. И что же от меня осталось?

Какое должно быть жалкое и отвратительное зрелище я представляю. Разве можно теперь узнать во мне когда-то могучего великана, заслуженно пользовавшегося благоговейным уважением всех вокруг? Я пытался перекатываться, захватить корнями набегающие на берег волны, чтобы они if burin а снова стащили меня в воду и унесли подальше от этих мест, где еще жил дух великих деревьев-мастодонтов, и того, который мне сказал: «Прощай, мой сын!»

Но дикий и суровый берег равнодушно принял факт моего появления. Ни одна осина, ни единый куст не взволновался, словно пенистые воды каждый день выбрасывали на берег изуродованных жизнью исполинов. Сколько я терзался собственными муками и самоедством, я не знаю. Хмурое небо изредка напоминало мне о солнце, позволяя почувствовать слабое тепло его лучей сквозь тонкие щелочки между туч. Ветер постоянно, не ослабевая ни на секунду, носился то от моря к лесу, расчесывая пышные кроны, то от леса к воде, будоража волны. Утром и вечером меня покрывал густой и тяжелый туман.

После скольких отрезков чужих суетливых жизней, которые я пробыл в жарких краях, этот сумрачный пляж должен был меня заморозить, но я, напротив, ощущал отдохновение, почти негу.

Каждое сердитое утро наполняло меня чувством тоскующей красоты и плачущего покоя.

***Я опять вернулся в мир, где внешняя
закрытость и сдержанность
пульсируют внутри надеждой на
счастье.***

Туда, где пасмурные краски говорят о будущем ярком лете, где обильная роса кричит о соседстве с пьянящими горными родниками. Мне казалось, что я снова стал ребенком.

***Я вернулся в свое прошлое: мое время,
совершив полный круг, опять пришло в
начальную точку своего отсчета.***

Возможно, из-за того, что я лежал на песке, я не сразу заметил изменения, начавшиеся в лесу. Перемены доползли до меня позже всех. Незаметно и по непонятным причинам прекрасные деревья были атакованы мхом, плесенью и древесными грибами. Создавалось впечатление, что ветер принес, словно облако прожорливой саранчи, споры паразитирующих гетеротрофных монстров. Эти захватчики незаметно и быстро оккупировали стволы деревьев, буквально выедавая и высасывая из моих собратьев все соки, потом доползли до кустов, а потом дотянулись своими жадными щупальцами до меня.

Я многое в жизни видел и пережил: я выстоял битву с изъедающей меня солью, я вытерпел гневные удары ураганного ветра, я не сдался во время капризов земли, я даже устоял под метеоритным дождем и вторжением чужой планеты, я многое испытал. Но я хорошо запомнил, как однажды на берегу желтой и невкусной реки меня почти убила красная плесень.

Когда первые споры попали на мой окаменевший ствол, я не почувствовал. Когда же корни грибницы удивительным образом вползли в самую клетчатку моих тканей, я к изумлению и радости, вспомнил, что может быть ужасно больно.

Мне было жутко больно: все тело мое горело и чесалось. По всему стволу пробегали молнии спазмов и судорог, как реакция на разрыв и вторжение в мои клетки.

Грибы упрямо пытались прогрызть себе дорогу в мое сердце. Если бы не спасительная случайность, то я бы обязательно превратился в один большой обеденный стол для плесени и мха.

Да, я жаждал смерти и ругал жизнь, но перспектива погибнуть от организмов, которые даже не стали растениями, была унижительной. Я снова понял, что хочу бороться, что могу чувствовать и возмущаться, что я не согласен быть добычей.

Но, кажется, я все-таки родился под счастливой звездой, пусть переменчивой, пусть взбалмошной, но, в общем, очень заботливой – я родился под солнцем.

В один из мрачных ветреных дней или вечеров, что в общем одно и то же, если судить по солнцу, на берег вышли люди с горящими факелами. Их было много, очень много. Эти люди были другими. Можно сказать, что они были мутантами, если сравнивать их с теми видами, которых я видел ранее.

Эти люди были на две головы выше прежних.

Они были мохнатые и волосатые, только тела были укутаны в шкуры убитых зверей, а головы, лица и конечности были скрыты под собственной разросшейся шерстью. Из-за похожести причесок, нарядов и растительности на лицах, казалось, что все они близнецы, отчего мне было почти страшно.

Но мне стало и вовсе не по себе, когда я заметил, что вся эта неожиданно возмужавшая и вытянувшаяся вверх стая, прошествовала твердой поступью и стройными рядами сквозь плотные ряды деревьев и целенаправленно жгла каждый ствол, каждый корень.

Они упрямо водили горящими вениками вдоль тел сосны, дуба, липы, пока те не вспыхивали и не начинали гореть сине-зеленым пламенем с удушающим запахом.

Когда люди подошли ко мне, то один из мутантов пнул меня ногой, но не сдвинул. Он наклонился, освещая мой искореженный жизнью и покусанный плесенью остов, произвел какие-то гортанные звуки, которые я впервые не смог понять и осознать, а потом спокойно, словно так и надо, начал прикладывать к моим плесневым ранам огонь. Я впал в глубокий болевой шок. Пламя

пронзило меня насквозь, пронзило и унесло в мир разноцветных кругов и переливов. Я даже не успел сказать себе, что умер.

Воскрес я уже возле широко раскинутой деревни, окруженной многочисленными курганами, лесами и сочными пастбищами. В воздухе стоял соленый вкус моря, а надо мной висели замысловатые по форме облака.

Люди-великаны жили в больших каменных домах с деревянными крышами. Они катались на огромных телегах, которые таскали на себе откормленные коровы и свиньи. Люди четко делились на воинов и тружеников. Они гортанно говорили и писали буквы в виде палочек. За поселением красовались валуны, до странности напомнившие мне глыбы отцов-смотрителей, которых так чтили яйцеголовые из хрустального города. У окраины поселения были сооружены настоящие мосты и постаменты, на которых стояли пузатые зачатки будущих кораблей.

Мое скрюченное и обожженное тело было поставлено у невысокого каменного забора, рядом с другими полуиздохшими тушками сосен и кедров. Почему эти странные новые люди потрудились, чтобы поднять нас всех вертикально, я обдумывал несколько дней, но когда понял, то не обрадовался.

Однажды одну из сосен, которая шпилькой торчала, прислоненная к забору, окружили несколько одинаковых людей. Они ловко принялись сбивать с нее кору, обматывая ствол кожаными ремнями, которые со свистом впивались в бедную девочку, а потом резко дергали плети вниз. Кора слетала, словно шелуха с пересушенной луковицы.

Мне показалось, что такой сложный и странный способ был выбран не столько потому, что он был единственно возможным, сколько оттого, что это была игра. Раздевание сосны несказанно веселило и радовало людей, давая им возможность показать свою удаль и ловкость.

Голую и взмокшую от издевательств сосну бесцеремонно повалили на землю, снова окольцевали плетью, привязали к сытым и туповатым коровам, поволокли к недостроенным кораблям. И я понял...

Я понял, зачем я оказался нужен этим варварам. Я устал жить, я хотел умереть, но те варианты моего ухода из этого мира, которые предлагала мне планета, были либо омерзительными, либо унижительными. Я не хотел быть съеденным плесенью, еще меньше я желал стать частью одного из плавающих тазиков у людей.

С сосной люди обошлись еще хуже, чем я ожидал. После всенародного посрамления, ее распилили на части и свалили в огромный котел, накрыли несколькими шкурами животных и начали греть на медленном огне. Я не могу даже представить, что переживало несчастное дерево, я только знаю, что смерть ее была долгой и страшной. Периодически шкуры с котла снимали, на ворсинках шерсти блестели золотые капли слез погибающего в муках дерева. Эти капли стряхивали в керамические миски, а потом снова накрывали шкурой котел.

Долго волосатые двуногие издевались над расчлененной сосной, пока не выкрали из нее все слезы, пока не осталось от несчастной

только клейкая полупрозрачная масса, похожая на выброшенную на берег медузу. Люди соскребли это тягучее желе со дна большого котла, деловито уложили его в глубокие миски, а в котел летели новые поленья следующей жертвы.

Я вспомнил, как другие люди, мелкие и тощие, в наколках или без, приходили ко мне, чтобы выковырять из моего тела несколько капель крови, а я возмущался и негодовал от боли. Как я был глуп и не имел информации для сравнения.

Теперь я мог оценить свои пережитые страдания и сопоставить их с муками хвойных деревьев, оценить, взвесить и понять, что мне несказанно повезло, меня не пилили, не раздевали и не варили... пока. Я очень счастливое и удачливое растение. И мне стало почему-то почти радостно.

У забора я стоял долго, кажется, заросшие люди не знали, куда меня приладить, для какой части корабля я могу служить. Мое бездеятельное существование закончилось внезапной интервенцией паутинных клещей. Я до сих пор не могу понять, почему эти мелкие восьминогие членистоногие выбрали именно меня. Кажется, наступила середина лета, если судить по немного смягчившемуся ветру, нескончаемым, пусть хмурым, но затяжным дням, частым и пушистым туманам. Однажды я понял, что во мне поселилось нечто настолько маленькое, что определить местонахождение этого чужака практически невозможно. Я только вздрагивал от мелких, почти щекочущих уколов в самые ядра клеток моего ствола, особенно раздражались и воспалялись места, где раньше меня проели грибы.

Я забыл думать о мире и наблюдать окружающее, так как теперь я весь чесался и вздрагивал. Меня нервировали и изнуряли двигающиеся, прожорливые паукообразные.

Если раньше я презрительно и свысока смотрел на суесящихся и короткоживущих животных, посмеиваясь в душе над их проблемами и бессмысленным хаосом желаний, то теперь я лицом к лицу столкнулся с еще более мелким и быстро плодящимся измерением бытия – клещами, и мне было не до смеха.

Постоянные мелкие укусы надоели мне настолько, что от усталости, я отупел.

Словно сквозь пелену бельма, я стеклянным взором старался наблюдать за миром вокруг, чтобы отрешиться от ужасных проблем внутри себя. А мир вокруг был так похож на колыбель детства. Несмотря на то, что в горной лощине не было моря, в общем, я улавливал схожесть во вкусе воздуха, в цвете местности, в разнообразии форм жизни этих мест. Я снова вернулся в ту же часть земли, где впервые проснулся и захотел беречь себя для счастья.

Да, небо часто бывало мрачным, почти серым. Но бывали дни, когда воздушный купол представлял собой нереальные по замысловатости картины, состоящие из многоярусных и многоцветных облаков и туч, разной текстуры и формы.

Казалось, что внезапно открываются невидимые ворота, позволяющие любопытному заглянуть в параллельный мир ватных храмов, снежных долин и пенных гор.

В том мире жили и перетекали из одной ипостаси в другую самые разные существа.

Там, наверху, все подчинено капризам огромной и великой плавно текущей реки, называемой Метаморфоза.

В ней нет ничего постоянного, она не терпит однообразия и повторений, у нее нет никаких шаблонов или канонов. В небе, среди взмывающих к солнцу пушистых вершин, оживали бегущие неведомо куда драконы, которых пытались оседлать обезьяны.

Застывшие в динамическом порыве фигуры, скрюченные когтистые лапы – тяжелой многослойной пирамидой высились над головой. Незаметно один из драконов мог перетечь в корову, а другой стать пухлой и аппетитной пальмой.

Еще мгновение и обе фигуры, сливаясь воедино, представляли собой уже огромный нереальный гибрид с хоботом слона и телом птицы. Гигантские головы бегемотов, укутанных в косматые гривы, переливались оранжево-синими оттенками, что делало эти образы объемными, почти твердыми.

Наблюдение за миром небес не только завораживало, но и гипнотизировало, помогая полностью игнорировать зуд и боль внутри тела. Я долгое время был не в состоянии оторвать взгляда от этой фантазмагии воздушного театра.

Действительно, только в тех частях планеты, где погода суровая, солнце сдержанное, а ветра темпераментные, только в этих районах можно видеть такие феерии и сатурналии неба.

Люди же интересовали меня мало, особенно после тех яйцеголовых, которые по-настоящему поразили уровнем понимания и благодарности природе.

Понимание – вторая ступень благодарности, но первая для разочарования.

Как я уже отмечал, ни одно человеческое племя не сможет создать ничего похожего на хрустальный город, пока будет копошиться вокруг металлов и угля. Да, после последней перемены на земле, после катастрофического визита одинокой и потерянной чужой планеты, мир содрогнулся, модифицировался, но выжил.

Новое племя волосатых и очень высоких людей имели крупные черепа, прямые и узкие носы, большие, почти квадратные лбы и широкие светлые глаза. Мужчины были сплошь покрыты светлыми или рыжеватыми волосами, включая лицо, руки и ноги. Женщины были крупными и жилистыми. Их лица имели резко очерченные черты, с крупными ртами, развитыми подбородками. Все они были похожи друга на друга и одновременно на аккуратно селекционированных, отобранных по признакам, длинноногих и лобастых лошадей.

Они были людьми и животными, причем животного в них было больше. Это племя строго следовало иерархии: женщины были в стае последними и не имели ни прав, ни возможностей. Мужчины были двух типов: одни работали и разводили коров и свиней, другие нагружали себя физически и постоянно ходили в походы.

***Эти военные машины были
туповатыми, но поэтому
бесстрашными и выносливыми.***

Они часто приносили с собой убитых зверей, вещи других людей, но никогда не приводили с собой пленных или собственных раненых. Мир этого племени был жесток, словно они интуитивно прочувствовали характер родной планеты и впитали в себя всю ее кровожадность и цинизм.

Мне они не нравились, тем более что в любом моем сравнении между повадками этого племени с манерами цивилизации погибших яйцеголовых, я понимал, как много потеряла планета, проглотив таких высокоразвитых и гармоничных созданий. Те люди были настоящим шедевром мироздания, а потому уникальным и неповторимым. Дикие нравы новых двуногих хозяев мира мне напоминали варварства, которые я наблюдал вначале моего переселения на берег желтой и невкусной реки. Снова запыхали костры, потекла кровь убитых животных, загремели колотушки, заголосили растрепанные женщины, вертясь вокруг костра.

Эти полуживотные взывали к земле, солнцу, деревьям, небу о защите, помощи и прочих бессмысленных вещах, орошая свои ноги чужой кровью и оглашая окрестности дикими воплями и визгом.

***Меня удивило, что людям природа
отказывает не только в понимании, но
и в развитии.***

После фантазмагории неба, племя двуногих вернулось обратно в измерение самого примитивного бытия: прожорливая планета не желала иметь высокоразвитых существ на себе, как муравьи не хотят, чтобы тля обретала коллективный разум.

Я много видел обрядов, когда люди прощаются с одним из ушедших в мир снов соплеменников. Я видел, как тщедушные человечки с наколками из моей крови, бросили своего сородича умирать на вершине горного склона. Потом я видел многочисленные процессии похорон вдоль заросших тростником берегов желтой реки. Дальше я восторгался красотой скорби яйцеголовых, которые укладывали своих ушедших в кристальные дома и облучали их вспышками из хрустального шара. Тела внутри последнего пристанища начинали светиться, сиять, искриться, а потом испарялись, словно улетали ввысь, в бесконечность звездного неба.

Племя здоровяков прощалось со своими родными по-новому. Они рыли огромные ямы в холодной и мокрой земле, они укладывали в

этот колодец шкуры, вещи, почившего, а сверху или рядом они клали убитых безвинно коров, женщин и иногда собак.

После этой церемонии утрамбовки трупов и утвари, сверху бросали поленья и ветки, разводили костер и бегали вокруг горячей и смердящей ямы до самой утренней зари. На рассвете большая часть горевавших и танцующих расходилась, а несколько бородатых тружеников засыпали остатки недогоревших трупов сырой землей. Они засыпали яму, делая небольшой холмик, на котором устанавливали увесистый валун с вырезанными на нем рядами остроконечных палочек разной формы. Валун обычно стоял две смены сезонов, а потом оседал, врастал в землю или вовсе тонул в рыхлой земле. Неприятные были эти северные люди, не теплые.

20. Небытие

К осени все мое изнуренное приключениями тело было затянато паутинками, которые вились лабиринтами сквозь каждую трещинку моего иссушенного, израненного ствола. Наконец наступил тот знаменательный день, когда первая великая эпоха моей летописи чужих жизней завершилась.

Я был сломлен натиском мелких хищников, мой остов не сохранил в себе ни одной здоровой клетки, я превратился в упакованную клейким соком труху. Сбылся мой самый жуткий сон: смерть оказалась ползающей и безобразной, а останки являли собой только пару осиротевших корней и гниющий изнутри разломленный ствол.

Я не стал одним из окаменевших великих деревьев, чьи заснувшие тела переливались разноцветными кольцами, словно агаты, завораживая красотой узоров и разнообразием палитры. Такие деревья даже после своей смерти оставались настоящими сокровищами планеты.

Небытие оказалось тихим. Я впал в этот омут покоя, как измученный жаждой страдалец блаженствует под теплыми поцелуями дождя. Я парил. Мне не нужны были корни, у меня не было необходимости в теле, я не желал иметь сознание.

Все время моей смерти я наслаждался абсолютным спокойствием. Меня немного покачивало, словно на спине огромной и мягкой волны. Я дрейфовал в полном мраке счастья, которое, наверное, чувствуют суетливые животные, находясь в утробах своих теплокровных матерей.

Я блаженствовал на пушистых подушках тишины, тепла и уюта. Я даже не вспоминал о солнце, я не беспокоился, что исчез навсегда день, я почти не хотел перемен. В какой-то момент моего медитативного расслабления, я начал слышать слабые, еле уловимые звуки. Сначала мне показалось, что сама темнота шепчет что-то, словно убаюкивая меня, но в то же время, боясь потревожить колыбельной песней. Я невольно начал концентрироваться на этих шуршащих звуках, пытаюсь разобрать слова и мелодию, но ко мне приходили только отрывки и окончания фраз, рожденных где-то так далеко, что едва можно было их поймать.

***Но я отпустил звуки, вспомнив, что
умер и этим доволен.***

Я забыл о потревожившем меня шепоте, забыл и был внезапно оглушен обрушившимся на меня оркестром. Звуки пульсарами впивались в мое ничто, они громыхали и колотили по всем стенкам моего вакуума.

Их какофония могла бы испугать, если бы я имел материю, которая могла бы пугаться. Так извергаясь разными нотами и взбалтывая мое неторопливо текущее озеро смерти, звуки соединились в одно целое, соединились и заголосили в унисон.

***Мой новый этап счастья теперь
представлял собой мир тепла и ночи,
где живет самая гармоничная и
насыщенная энергией и силой музыка.***

Эту симфонию вселенской смерти я слушал с искренним восторгом. Радость наполняла все отсутствие моего тела, я буквально рвался вперед, поближе к оркестру. Я сам захотел быть песней. Вот, однажды, когда мелодия с азартом экстаза и экзальтации рванулась куда-то вверх, взорвалась где-то под куполом моей темноты, озеро моего сознания сдвинулось с места и вытекло в бескрайнюю долину вечернего света.

Фиолетовый сумрак сначала обрадовал, развлекая новой реальностью. В призрачном свете седого дня я различил далекие образы знакомых мне силуэтов. Я сам стал чем-то текущим и долгим, я тек и скользил сквозь холмистую равнину, мимо разросшихся кустов и лишайников, мимо буйствующего мха, вперед к почти иллюзорным фигурам деревьев. Я тянулся сквозь вечер, пока не осознал, что теку внутри густого, почти осязаемого тумана.

***Я вдруг стал вязкой каплей, я стал
единицей мыслящей ткани земли.***

Я с нетерпением ждал, пока, наконец, дотянусь до границы густого леса, когда я вернусь в лоно своих сородичей, но поток стелящегося по земле пара вынес меня к высокому обрыву. Я не успел даже понять, что падаю. Я летел с головокружительной скоростью, но летел вверх, окутанный облаками, словно семечко, выброшенное силой взорвавшегося перезрелого стручка. Я несея вперед, а во мне продолжала греметь мажорная музыка благодатной радости.

***Мой полет внезапно превратился в
безболезненное горение.***

Я стал холодной плазмой внутри дышащего и чувствующего тела. Это тело сжималось и расслаблялось, растягивалось и уплотнялось снова. Я не мог различить ничего, кроме собственного свечения,

которое заполняло собой все пространство. Я начал раздуваться, нагреваться, упираться языками пламени в стенки моей смерти. Ровно дышащее тело небытия вздрогнуло и выплюнуло меня вон из своего раскрывшегося от напряжения жерла.

Я выскочил снова в сумрачный мир туманов, выскочил и плюхнулся густой раскаленной массой на склон бурлящего вулкана. Мое аморфное существо ползло вниз, к основанию горы, ближе к зовущим ласковым волнам синего пара, я перекачивался огненными комками многослойной каши, но, едва коснувшись пористой кожи текущего облака, я застывшим камнем полетел вверх.

Мой новый путь был похож на путешествие одинокого метеорита в пустоте вселенной.

Не существовало ничего, кроме тихого звона далекой музыки и равномерного шуршания моего полета.

Я летел, пока не выскочил пузырьком газа прямо под широкую шапку льда. Я попал в мир голубых лазурных красок, неоновых бликов и ультрафиолетовых радуг. Я пришел в страну льдов, сжиженных бело-синих кусков метана, качающейся воды, плавающих диковинных существ. Я пронесся мимо богатств океана и лопнул над поверхностью вскипающей пеной волн.

Меня подхватил пробегающий мимо бриз и пронес над головами гордо покачивающихся гигантов, каким когда-то был я сам. Ветвистой молнией вспыхнули картинки прошлого, одновременно насквозь пронзила нестерпимая, острая, парализующая боль. Я шлепнулся на широкий лист одного из мастодонтов, упал и горькой слезой скатился вниз, потом росинкой сполз к корням и утонул в дряблых телесах рыхлой почвы.

Теперь обступивший меня мрак вызывал тоску. Я даже перестал слышать музыку. Меня словно колотило изнутри моего Ничто от беспокойства и холода. Я вдруг начал страдать. Муки мои расплзлись щупальцами, дотянулись до ледящих сознание потоков воды, заморозили и поволокли куда-то в далекие недра неизвестности.

Я стал замерзшей иголкой льда, которая плыла в медлительных течениях подземных вод, пробивая себе дорогу все ниже и ближе к сердцу ненавистой спящей планеты. Став осколком животворящей мозговой извилины планеты, я одновременно сам себя пытал уколами и страдал от обжигающей боли.

Меня закрутило в потоке самоистязания, финалом которого стала неожиданно вновь появившаяся музыка. Тихий стон, потом скрип, прерывающийся долгими низкими гулами. Тяжелый, замедленный скрежет, вперемежку с пористым бульканьем. Все эти неприятные звуки показались божественно красивыми из-за своей неторопливости, плавности и густоты.

Я понял, что отлетел от огромного тела массивного айсберга. Этот рывок отозвался во мне новой болью, которая вывороченной

наружу раной кровоточила, если бы я имел тело и соки. Обретя свободу от глыбы льда, мое остро заточенное ледяное ничто барахталось в бульоне земного мозга до той поры, пока не достигло места, где кипел и пенился ум планеты. В теплых и натруженных размышлениями потоках, я ослаб, обмяк, слился воедино с океаном, оттаял и растекся соленой жижей. Меня атаковали теплые лучи солнца, которые бомбардировали поверхность, атаковали и буквально вытащили мое очистившееся Я прочь из соленой массы океана.

Мое безмассовое Я воспарило наверх, подхваченное солнечными руками, воспарило и мягко вплыло в поднебесный костел. Здесь слоями и кружевными завитками текли воздушные реки. Одни были полноводные, плотные, ледяные, другие струились ручейками, третьи били горячими гейзерами.

Оказалось, что не только сама планета, но и ее покрывало представляло собой движущуюся субстанцию, сумбурную и непредсказуемую.

Я взмыл на самый пик этого многослойного храма, завис в невесомой пустоте, и, потеряв ориентацию в закрученном спиралью движении, полетел вниз.

Пока я падал, вокруг меня объединились мельчайшие искорки воды.

***Я был ядром рождающейся из капли
жизни.***

Эта бесцветная и одновременно переливающаяся светом дождинка взяла на себя трудности перерождения. В морозном вихре она стала знакомой мне мутной льдинкой. В теплом потоке она превратилась в кристально чистую росу. В северном течении нового слоя моя капля остыла, набухла, уплотнилась, стала почти вязкой и холоднее льда, но не застыла. Упав прозрачной смолой на ветку дерева-гиганта, она мягко растеклась и окаменела, коконом закупорив внутри себя живую ткань. Я понимал, насколько моему собрату тяжела оказалась ноша упавшей с небес ледяной смолы. Он с трудом выдерживал натиск все новых и новых капель.

Он сутулился и кряхтел. Он сопротивлялся и напрягал все силы, стараясь перебороть усталость от морозной тяжести, обрушившейся сверху. Он стоически сражался, но не смог победить. Одна за другой ветви, укутанные в прозрачные ледяные саркофаги, гнулись, трескали и ломались.

***Пребывая в смерти, я сочувствовал
живому.***

Ветка вдруг треснула, сломалась, а я упал на землю, утонув в снежной перине. Наступило холодное спокойствие в черном колодце умиротворенного Ничто.

21. Корни

Существуют миры, где времени нет.

Оно, Ничто, также как все вокруг, имеет право на смерть и перерождение. Мой колодец пустоты был до краев заполнен умершим и возрождающимся временем. Я попал прямо внутрь этого неуловимого и лукавого измерения, которое было материей и его частицей, волной и ее колебанием, частотой и ее резонансом. Время в сумме своих качеств было совершенным Ничто.

***Я мучился от невозможности понять
и объяснить для себя категорию
Времени, при этом ощущая его
присутствие во мне и вне меня.***

Колодец мой прятал в себе остановившийся момент движения, который из покоя превратился в колебание, из колебания в волну, из волны в частицу, из частицы в меня.

Меня закружило с невероятной скоростью, с ураганной силой, словно время раскручивало мое новое тело на огромном ускорителе мироздания. В этом вихревом потоке я не имел ни воли, ни сознания, в этом спине момента я еще не существовал.

Время крутило меня все быстрее и быстрее, пока я не вылетел вон из воронки колодца, увлекаемый центробежной силой куда-то вверх. Как только я освободился от капризных метаморфоз времени, как только меня выплонуло из недр его закрученных

колец, мир снова обрел формы и очертания, цвет, вкус и запах, мелодию и размеренный ритм жизни для смерти.

Я понял, что робко высунул голову над влажной землей, жажда увидеть солнце и поймать в себя тепло его рук. Мое почти прозрачное тельце оказалось ниже соседней травинки, но подо мной, внизу, внутри брюха моей матери, меня поддерживали и подталкивали вверх огромные, разлапистые, выдавшие тысячи зим и лет, корни.

Только сейчас, уже после моей смерти и нового перерождения, я понял, что всю мою жизнь, я не заметил самого главного.

Я думал, что существую и мудрствую, наблюдая за миром вокруг с высоты своего роста гиганта, но оказалось, что действительные суть, сок, знания и опыт всегда накапливались, хранились и множились именно в корнях, в недрах, глубоко внутри молчаливой основы – в почве, в коже, в теле и тканях держащей меня планеты.

Я существую в корнях, возрождаюсь и расту, развиваюсь и живу корнями, а не кроной, стволом или листьями.

Суть моя есть корни. Так я узнал себя.

Я помню, что мое второе появление было достаточно трудным, медленным, сквозь каменную темноту навстречу солнцу. Но и свет оказался холодным и неприветливым. Мне не повезло: я долго спал, медленно просыпался, а когда решил жить, то опоздал, и был встречен кусающимся ветром и дождями. Осень моего рождения

была пасмурной и злой. И я склонил голову перед недоброй стихией и стал ждать....

***Так я начинал свою первую летопись и
так же открываю вторую.***